

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.ru
uralstalker@mail.ru

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ 2009

8 февраля

В центре города Екатеринбурга — в ледовом городке на площади 1905 г. альпинисты будут соревноваться, штурмуя самые высокие ледяные сооружения, на которых проложат трассы различной категории сложности. Все желающие смогут подняться на ледяную стенку под руководством опытного инструктора. Для этого подготовят специальные трассы для детей и взрослых.
А завершится всё награждением победителей и грандиозным фейерверком!

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

ноябрь-
декабрь
2008

УРАЛ:
КУДА УПАДУТ
РАКЕТЫ?

ГРАНТ КРАЕВЕДАМ — 100 000
АРКАИМ — СТРАНА ГОРОДОВ
СЫСЕРТЬ: ГДЕ ИСКАТЬ КЛАД?

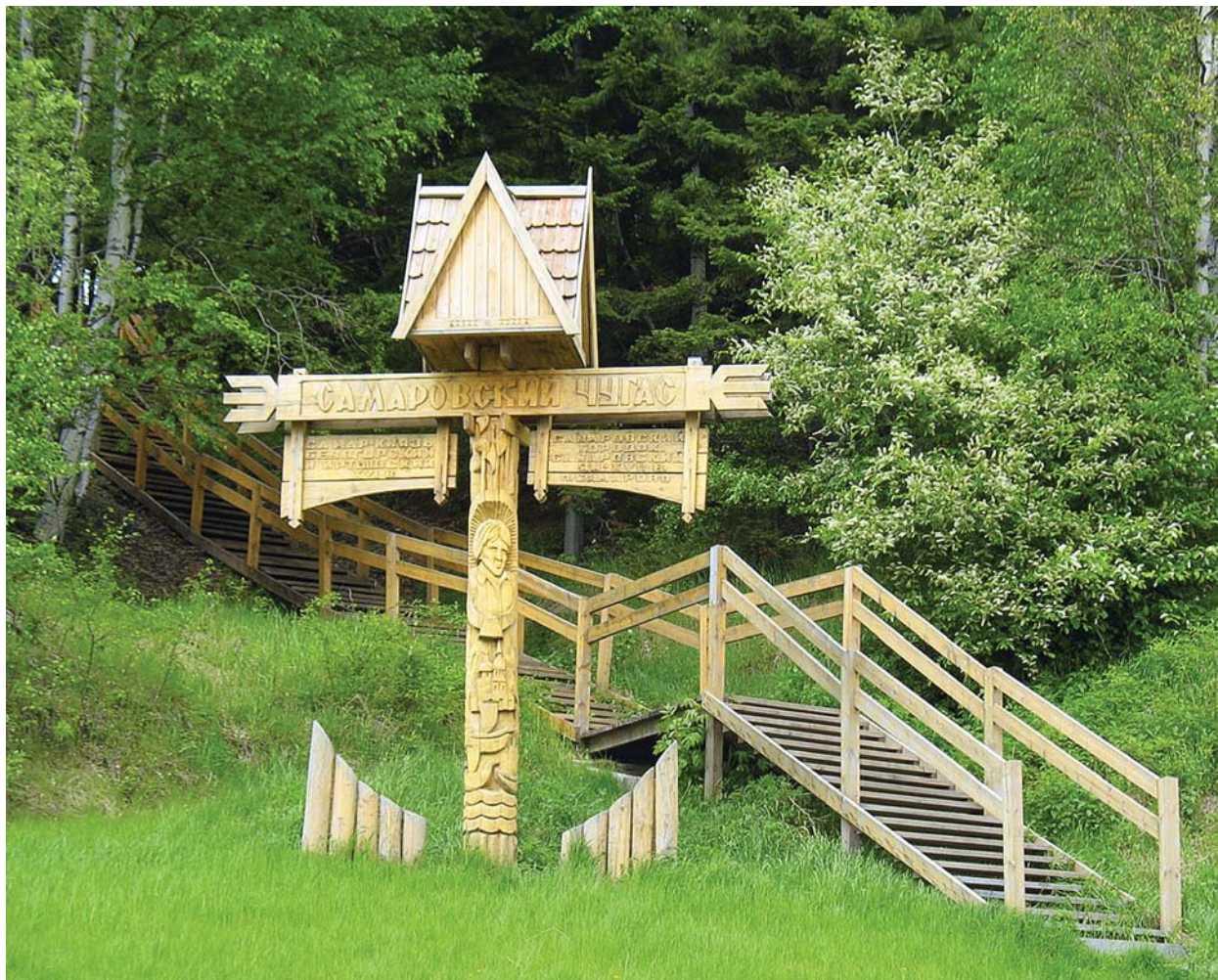
Самаровский чугас

Идем по городу и то и дело видим яркие, сверкающие вывески: «Лучший отдых только у нас!»; «Отдых в кредит», «Отдых круглый год!»; «Лучший отдых Ваш — от “Бомонд-ВОЯЖ”» и т.п. Все это реклама туристических фирм.

Что мы видим в нашем воображении в первую секунду, когда слышим слово «туризм»?

Многие сразу представляют Канарские острова, пятизвездочные отели, экскурсии, рестораны, массаж, сауна. Другие в том же ракурсе, но поскромнее — Турция, диско-бар, пиво, солнечный пляж и т.п. Некоторые еще скромнее — Анапа, съемное жилье, да чтобы подешевле, питание в недорогой столовой, главное, что есть море и солнце. Ведь для многих жителей сибирской глубинки совсем недавно стало возможным увидеть море. Именно поэтому само понятие туризм кажется для большинства чем-то недоступным, недостижимым, дорогим, связанным с туристическими фирмами и большими деньгами. Но немало среди нас романтиков, которые дорогим курортам и комфортабельным отелям предпочитают походы, общение с природой в ее первозданном виде, песни у костра под гитару, рыбалку, ночевки в палатке.

Тем более что доступен такой туризм всем без исключения, он не требует больших затрат. Современный человек, уставший от городской суеты и шума, все чаще стремится быть ближе к природе и все чаще вспоминает о том, что он есть часть природы. В современном мире становятся все более актуальными темы экологии, изучения и охраны природы. И в связи с этим появилось такое понятие, как экологический туризм. Что же это за фрукт такой и с чем его едят, мы попробуем разобраться вместе, а поможет нам в этом «Самаровский чугас».

Самаровский чугас...

Обратимся немного к истории. Во второй половине 16 столетия земли, прилежавшие к устью Иртыша, входили в состав Белогорского княжества. Эту территорию населяли северные народы — ханты и манси, которые являлись полуоседлыми охотниками и рыбаками. Главой Белогорского княжества в то время был хантыйский князь Самар. По его распоряжению у подножия «чугаса» (так называли иртышские ханты высокий берег реки, покрытый тайгой) был основан городок Самар-вош. Высокий берег впоследствии стали называть Самаровской горой. В настоящее время в окрестностях Самаровской горы (Самаровских холмов) расположена столица Югры — город Ханты-Мансийск.

Несмотря на то, что освоение русскими данной территории началось в конце 16 века, заселение шло медленно, вплоть до середины 20 века. Открытие месторождений газа и нефти на территории округа привело к бурному социально-активному развитию городов и преобразованию окружающей природы.

В 70-е годы город Ханты-Мансийск и Ханты-Мансийский район начали стремительно развиваться, что повлекло за собой разрушение экосистем окрестных природных комплексов, в том числе и кедровых лесов на Самаровской горе.

По инициативе общественности и в соответствии с постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа, 17 января 2001 года был создан природный парк «Самаровский чугас», в задачи которого вошли: охрана природных ландшафтов, сохранение и изучение историко-культурного наследия, экологическое просвещение и научно-исследовательская деятельность. А с недавнего времени природным парком активно развивается экологический туризм.

Самаровский холм

Вековой кедр

Именно сохранение памятников природы, уникальных видов флоры и фауны — главная задача «Самаровского чугаса».

А сохранять действительно есть что.

Городские леса...

С высоких Ханты-Мансийских холмов открывается живописная картина пойменных участков устья рек Иртыш и Обь.

Захватывает до головокружения дух при взгляде на высокие берега Иртыша, одетые в вечнозеленые шапки кедра, пихты и ели. Прибывающие по Иртышу и Оби уже издалека наблюдают сказочное появление высокого холма за низкими берегами, который далеко на горизонте кажется синим. Жители края давно называют этот холм Самаровской горой. Самаровский холм не мог не удивлять своей красотой древних жителей края — угров, а потом и пришедших сюда охотников и рыбаков — ханты. Последние дали ему название «чугас», что означает одинокий остров, покрытый таежным лесом, возвышающийся над низкой поймой реки.

Ханты-Мансийские холмы хранят самую уязвимую часть историко-культурного наследия — археологические памятники (начиная с древних стоянок и заканчивая первым русским поселением).

Но не только холмы Ханты-Мансийска радуют глаз и дарят здоровье жителям и гостям города, среди природных достопримечательностей есть и такие, как...

Долина ручьев...

Любители спорта с удовольствием катаются здесь на лыжах. Творческие люди черпают вдохновение, поэты воспевают сей дивный уголок природы в стихах:

*Над Долиной ручьев голубые просветы,
 Над Долиной ручьев голубые дожди,
 И машу я рукой уходящему лету,
 И от чувства потери шепчу я: «Прости»...*

А. Тарханов

Долина ручьев — излюбленное место отдыха ханты-мансийцев и зимой, и летом.

Биатлонный центр...

Всему миру стали известны ландшафты биатлонного центра, с его асфальтированными и ярко освещенными лыжными трассами и пешеходными тропами. Здесь не только проходят крупные соревнования по биатлону, но и занимаются спортом дети со всего района и округа.

Жители и гости с удовольствием приходят в биатлонный центр не только во время соревнований, но и в любое другое время, чтобы просто прогуляться, полюбоваться окрестным лесом и подышать целебным воздухом.

Бурундучок

Искусственный гоголятник на о. Б. Чухтинский

«Шапшинское урочище»...

Интересны сохранившиеся до настоящего времени участки коренных кедровых насаждений, которые выделены в памятник природы «Шапшинское урочище». Он представляет собой не только ценный лесной массив, уникальный для региона, но и образец прекрасных в эстетическом отношении территорий.

Кедровые леса — наиболее ценные в рекреационном и хозяйственном отношении, в составе которых ведущая роль принадлежит сосне сибирской — «кедру» — могучему красавцу тайги. Да и не только красавец. Это очень щедрое дерево, дарящее человеку и прекрасного качества древесину, и орехи.

Вольерный комплекс на территории «Шапшинского урочища» — своеобразный реабилитационный центр для диких животных, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Туристические маршруты, действующие и планируемые в парке, могут начинаться со знакомства с представителями фауны нашего округа, где посетители лично наблюдают за жизнью наших зверей и птиц, студенты изучают их биологию. Дети от общения с животными получают массу положительных эмоций.

Ежегодно в апреле в вольерном комплексе проходит большой праздник «День рождения медведя Степана» (любимец вольерного комплекса), в котором принимают участие жители и гости города. Многие приходят семьями. Дети заранее готовят подарки для

именинника: рисунки, поделки, сувениры, поздравления.

Урочище «Острова»...

В далекое прошлое уходит своими корнями история заброшенной в настоящее время деревни Новая Тренька.

Тренькины юрты упоминаются начиная с 1818 года. В те времена это было типичное остяцкое поселение, расположенное на высоком материковом острове в обской пойме. Аборигены промышляли охотой и рыбалкой.

В семидесятые—восьмидесятые годы на острове Большой Чухтинский (другое название — урочище Большой Чухтин Бор) Тюменской лесной опытной станцией ВНИИЛМ проводились научно-производственные работы по формированию кедросадов различными способами рубок ухода. К тому времени деревня Новая Тренька была уже заброшена и покинута жителями, а до этого, с довоенных времен, в деревне базировался лесоучасток, заготавливавший древесину на острове. В деревне стояла пилорама, было электричество, телефонная связь и ФАП. В 1991 году решением Тюменского облисполкома лесам на острове Большой Чухтинский присвоен статус генетического кедрового резервата.

Таким образом, природа острова — это памятник, который стал своеобразной живой лабораторией, где можно изучать природу края и получать семенной материал для создания лесов будущего.

Займка на острове Б. Чухтинский

Кедры...

Обратили внимание? Мы говорим о разных местах, о разных ландшафтах природного парка, но везде упоминаются кедры (научное название — сосна сибирская).

Кедр — это своеобразный символ Югорской земли, магический талисман и сибирский доктор. В народе издревле его называют «хлебное дерево».

Орехи содержат от 60 до 70% кедрового масла, своими качествами не уступающего оливковому. Кедровые орехи используются в медицине... А кто-нибудь знает, почему сосну сибирскую в народе называли кедром? За особую статью, долголетие, внушительные размеры и ароматную древесину. Живет кедр 500–600 лет, достигает высоты 35 метров, плодоносить начинает не раньше, чем через 50 лет.

Банька на Треньке

По легендам коренных народов ханты и манси кедр обладает положительной биоэнергетикой, вбираемой от земли и солнца, можете погладить это величавое дерево, и оно поделится с вами частичкой своей силы, мудрости и жизненной энергии.

Итак, *экологический туризм...*

Экология (oikos — дом, logos — наука), т. е. наука о доме, наука о взаимоотношениях человека и природы. Природа и есть наш общий дом. Мы — часть природы.

У каждого из нас хоть раз в жизни непременно захватывало дух от созерцания заката или рассвета, хотя бы раз мы с замиранием сердца смотрели на звездное небо, ждали, когда упадет звезда, чтобы загадать желание, мечтали пройти по лунной дорожке или Млечному Пути.

А кто из нас не любовался бабочкой, стрекозой, сидящей на ветке синицей или плывущим по озеру лебедем.

А тайга зимой... Это что-то необыкновенно сказочное, волшебное.

Итак, экологический туризм — это отдых на природе. Но не тот, что подразумевает веселье на поляне у костра с произнесением тостов и объеданием шашлыками. Это отдых **с** природой. Наблюдение, изучение, возможность узнавать о ней больше, чем нам известно, общение друг с другом и наслаждение обществом друг друга именно на природе.

«Самаровский чугас» создан для того, чтобы сохранить уникальные природные ландшафты и приобщить людей к природе, тому единственному дому, который нужно знать, любить и беречь.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

ноябрь-
декабрь 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Маршруты Зауралья		
Н. НИКУЛИНА	Самаровский чугас.....	2 полоса обл.
Заповедные земли Урала		
Е. МИХАЙЛОВА	«Олени ручьи» — Урал в миниатюре.....	10
Экспедиция «Уральского следопыта»		
У. МАРКОСЯН	И эта высота тебе по плечу.....	13
Проекты «Уральского следопыта»		
	Серебряное кольцо «Уральского следопыта».	24
Маршруты «Серебряного кольца»		
Т. ЧЕРЕМИСИНА	Сысерть сказочная.....	24
Экспедиция		
К. РЕМИЗОВ	Сысертские загадки.....	31
Здравницы Урала		
	«Изумрудный берег» исцеляет тело и душу!...	34
История уральского туризма		
Р. ТИХОНОВ	Петля.....	35
	Ночь.....	36
	Молевой сплав.....	37

СВЕЧА ГОРЕЛА

Наши знакомые		
Ю. ГОРБУНОВ	Анюта.....	38

АЭЛИТА

Законы Вселенной		
А. и Н. НАВАРА	Паломничество на Казангу.....	4 5
А. ЛЬВОВ	Старые письма.....	5 2

Редакционный совет

«Уральский следопыт» возрождается во всех отношениях.		
Интервью с В. Головачевым.....		5 0

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска		
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....	49
Проекты «Уральского следопыта»		
	Конкурс «Природа вокруг нас».....	54
	Центральная точка области.....	57
Портреты		
В. ДЬЯЧКОВ	Жуков в Раскуихе.....	56
Ю. КЛЮШНИКОВ	Я патриот этой земли.....	58
Литературное краеведение		
Н. КОРЫТИН	Записки о первой экспедиции.....	63
Путешествия по Южному Уралу		
А. АЧИМОВА	Три экскурсии на Аркаим.....	73
Сказки Южного Урала		
Н. РЫБАЛКИНА	Смотрящие в небо.....	80

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.
Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.
Художники — А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — М.Ю. Фирсов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
 Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
 • Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
 • Семен Спектор, заслуженный врач России.
 • Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
 Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд, тел. (343)269-22-34
 Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:
 - Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»
 • ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
 • ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
 • ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
 • ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
 • ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
 • ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
 • пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
 • ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
 • ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», №11-12 подписан к печати 20.12.2008 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щербеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото и картографический материал предоставлены автором

Ракетно-космическая деятельность на Урале

В 2006 году по программе Федерального космического агентства открыта новая трасса пусков ракет-носителей для выведения космических аппаратов с космодрома Байконур на солнечно-синхронную орбиту. Особенность ее заключается в том, что объект, находящийся на такой орбите, проходит над любой точкой земной поверхности приблизительно в одно и то же местное солнечное время. Таким образом, угол освещения земной поверхности будет приблизительно одинаковым на всех проходах спутника. Такие постоянные условия освещения очень хорошо подходят для спутников, получающих изображения земной поверхности. Выбором времени запуска на нее можно обеспечить требуемые и постоянные на протяжении длительного времени условия наблюдения — одинаковую освещенность

Планирование работ

Старт ракеты-носителя с космодрома Байконур. Фото В. Байдукова

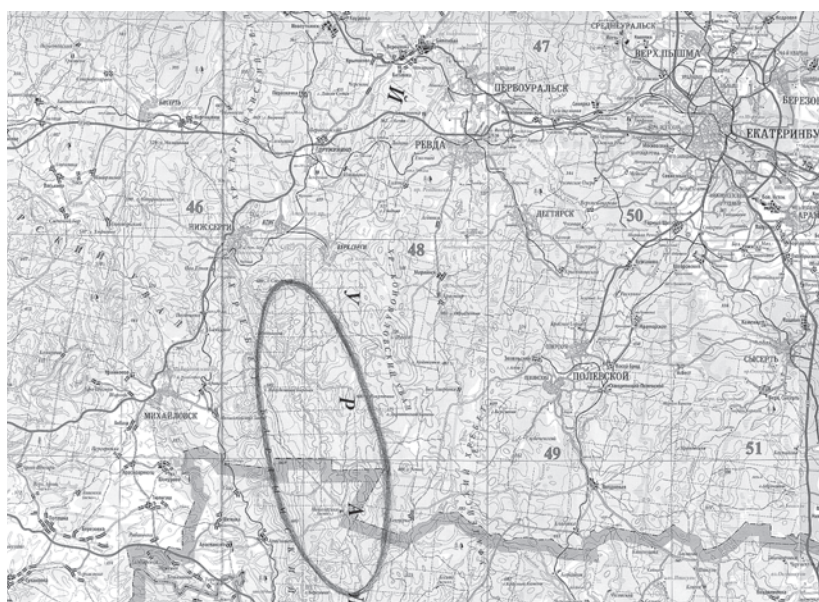
Ирина Анатольевна Кузнецова — старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, кандидат биологических наук

ценность подспутниковой трассы, что позволяет осуществлять дистанционное зондирование Земли, метеорологические наблюдения, экологический мониторинг природной среды, исследования природных ресурсов, картографии, отслеживать изменения тактической обстановки при решении задач национальной безопасности. Открытие новой трассы выведения космических аппаратов уникально прежде всего своим северным направлением: траектория выведения проходит над Северным Казахстаном, Южным, Средним и Северным Уралом — территория-

1 — район падения второй ступени ракеты-носителя «Союз»
2 — планируемый район падения первой ступени МКБР

Планируемый район падения отделяющихся частей ракеты-носителя для выведения спутников легкого класса

ми с высокой плотностью населения и интенсивной хозяйственной деятельностью, а также открытием и эксплуатацией новых районов падения отделяющихся частей ракет-носителей (ОЧРН). Один из таких районов, открытый в 2006 году, располагается на Северном Урале, на границе Свердловской и Пермской областей с центром в районе хр. Кваркуш. На сегодняшний день по этой траектории произведено три запуска космических аппаратов с использованием ракет-носителей «Союз». Каждый пуск, а значит – падение на выделенной для того территории фрагментов отделяющейся второй ступени ракеты-носителя, сопровождался большими работами по обеспечению безопасности населения, в том числе и экологическим сопровождением: велись наблюдения за состоянием природной среды территории, отбор проб, (допусковой и послепусковой) для контроля загрязнения, поиск фрагментов отделяющихся частей и оценка нанесенного ими ущерба. Следует отметить, что все три произведенных цикла работ не выявили негативных последствий для природной среды эксплуатируемой территории.

В настоящее время планируется осуществление выведения спутников легкого класса доработанными

Контроль динамики состояния природной среды района падения ОЧРН

межконтинентальными баллистическими ракетами (МКБР), и одним из условий, позволяющих реализовать такие запуски, является необходимость кратковременного эпизодического (в момент запуска космического аппарата) использования под район падения первой ступени ракеты-носителя территории, расположенной на границе Свердловской и Челябинской областей: между хребтами Бардым и Коноваловский. Территория эта не заселена, малопосещаемая, однако все же используется — в качестве охотничьих угодий и для лесозаготовок. Первый запуск космического аппарата с использованием нового района падения намечен на конец 2009 года, в дальнейшем предполагается производить 1–2 пуска в год.

Условием использования любой территории в ракетно-космической деятельности является ведение экологического сопровождения пусков ракет-носителей и своевременное обеспечение безопасности населения, включающее обнаружение и эвакуацию всех фрагментов отделяющихся частей ракет-носителей. Для полноценного контроля состояния природной среды, а значит — ГАРАНТИРОВАННОГО обеспечения безопасности населения, в районах падения и на прилегающих территориях уже начата организация и ведение комплексного экологического мониторинга, включающего контроль состояния отдельных компонентов природных комплексов, динамики состояния природной среды района падения, сбор материала для оценки последствий эксплуатации территории в качестве района падения, если таковые вдруг обнаружатся. Результаты работы обеспечат получение достоверной информации о состоянии природной среды территории, позволяя в случае необходимости вовремя провести необходимые природоохранные мероприятия, а значит — обеспечить целостность и устойчивость природной среды районов падения и как следствие — безопасность населения на прилегающих к ним территориях.

Ведение комплексного экологического мониторинга

Фрагмент отделяющейся ступени в безлюдном районе обнаружить сложно

«Оленьи ручьи» — Урал в миниатюре

Природный парк «Оленьи ручьи» расположен в нижнем течении реки Серги, между г. Нижние Серги и пос. Аракаево. Название парка родилось в 1976 году, во время первых экспедиций по изучению этой территории. Маршруты полевых исследований охватывали площадь более 150 тыс. га, т.е. в 11 раз больше территории, на которой сегодня расположен парк. В пределах исследованной территории берут начало две реки с названиями Ревда и Ревдель (приток Серги). В некоторых финно-угорских языках есть корень «ревд», который означает — «лесной бык», т.е. лось или олень. Поэтому название рек может быть переведено как Оленья река или Олений ручей.

Территория парка даже по европейским меркам невелика, всего 12,7 тысячи га. С севера на юг ее можно пройти пешком за 2 дня, с запада на восток — за полдня. Но эта небольшая территория за последние 100 лет стала одним из самых известных туристских районов Среднего Урала. Транспортная доступность, удивительные по красоте пейзажи древней речной долины и множество туристских достопримечательностей привлекают сюда самых взыскательных ценителей природы, как из крупных отечественных городов, так и из дальних стран.

Инспектор Д.М. Шукин нашел отделившиеся части ракеты-носителя в районе хребта Кваркуш

Грибники обнаружили следы запуска канадского спутника

Екатерина МИХАЙЛОВА

Были времена, когда здесь не было дорог, только охотничьи тропы. Сегодня в парк «Оленьи ручьи» ведёт прекрасная асфальтированная дорога. Да и парк изменился: вместо тропинок — удобные, отсыпанные дорожки, сделаны лестницы, в лесу — чистота и порядок. Везде ощущается рука заботливого и гостеприимного хозяина. А теперь здесь появился новый современный комплекс — административное здание, гараж, автомобильная стоянка, контрольно-пропускной пункт. Комфортабельные номера ждут гостей, которые смогут останавливаться в парке на несколько дней.

На открытие нового комплекса приехал губернатор Сверд-

ловской области Эдуард Россель. После торжественного разрезания ленточки делегация, в составе которой были заместитель председателя правительства области Владимир Власов, министр природных ресурсов Константин Крючков, министр по физической

культуре, спорту и туризму Владимир Вагенлейтнер, осмотрела новостройки. Директор парка Николай Калинин рассказал об истории создания парка, его деятельности. Отметил, что сейчас в парке возникла уникальная ситуация: в парк приезжает столько отдыхающих, что нет возможности принять!

А туристам есть что показать, недаром «Оленьи ручьи» называют Уралом в миниатюре. В парке на небольшой территории и река Серга, которая не замерзает даже в самые сильные морозы, и водопады, и пещеры, и лес, и скалы с рисунками древних художников. Даже ангел свой. Это — символ единой надежды, один из семи монументов, поставленных шведами по всему миру. По замыслу их создателя, шведской художницы Лены Эдвалл, обняв планету, «Ангелы» должны защитить нашу Землю от боли и страха, от войн и природных катаклизмов. Все эти красоты показал гостям известный биолог Александр Добров — один из создателей парка, отдавший ему более двадцати пяти лет. Некоторое время он работал его директором. Поэтому о парке знает

практически всё. Вместе с губернатором они прошли 2 км по тропе здоровья.

Кстати, сотрудники парка готовят и новые маршруты — не только

пешие, но велосипедные и конные. Скоро в новый комплекс завезут новую мебель и откроют его двери для посетителей, которым в парке всегда рады!

И эта высота тебе по плечу...

Как родилась идея экспедиции

Приполярный Урал — одно из красивейших мест нашей страны. Однако из-за его сегодняшней недоступности, причиной которой служит отсутствие транспортных схем, немногие желающие могут побывать в этих местах. Согласно федеральной программе «Урал промышленный — Урал полярный», в ближайшем будущем здесь планируется строительство автомобильных и железных дорог. И скоро поселок Саранпауль, который находится у подножия гор Приполярного Урала, станет туристической Меккой. В будущем городе Саранпауль и в окружающих его горах будет построено множество гостиниц, санаториев и других объектов туристической индустрии. И десятки тысяч туристов облепят Приполярный Урал — пешком и на

машинах, катамаранах и дельтапланах, снегоходах и квадроциклах в надежде успеть все посмотреть и отдохнуть, пока промышленники не уничтожили природу своими жадными варварскими аппетитами. Создание туристической индустрии в Приполярном Урале станет одним из гарантов его экологической безопасности. Я думаю, что турист — это неподкупный эколог, как сотрудник государственных контролирующих органов. Но это потом.

А пока в Приполярном Урале на ближайшие сто километров ни одной живой души, неизвестность, суровая погода и опасность манят душу. Хочется получить очередную дозу адреналина и, пока еще никто об этом даже не подумал, собрать людей, себе подобных, готовых оторваться от рабочей суеты и рвануть вперед, а точнее, вверх, на самую высокую точку Приполяр-

ного Урала, на снегоходах на гору Народа. Надо успеть быть первым. Достижениями в бизнесе и в жизни сейчас никого не удивишь, а вот то, что мы первые поднялись так высоко — это на всю жизнь. И надо доказать себе и другим, что кроме достижений в работе и жизни мы и в другом деле можем себя показать. Ну и пусть, что от самой идеи пахнет опасностью и авантюрой. Это здорово! Вот уже есть идея.

Месяца два идет подготовка, сбор, согласование участников из разных городов России и Украины, и экспедиция под названием «Зимняя экстремально-приключенческая экспедиция УРАЛ ПРИПОЛЯРНЫЙ» стартовала.

Приглашаю в ней участвовать нескольких моих знакомых, а остальных нахожу по Интернету. Основные требования — чтобы они уже раньше участвовали в подоб-

Усик Амаякович Маркосян. 48 лет. Предприниматель из поселка Саранпауль, ХМАО. Руководитель экспедиции по Приполярному Уралу.

ных мероприятиях. Людей, увлеченных экстремальными приключениями. Есть планы пригласить одного-двух парапланеристов. Старый знакомый Виктор Завалипич появился сам и рассказал, что он и его друзья готовы полететь. Полеты на парапланах в горах Приполярного Урала до этого еще никто не практиковал — это должно украсить нашу экспедицию. В программе экспедиции также купание в озерах возле высоких гор, катание на сноубордах, последняя рыбалка на хариуса. И еще обо всем этом нужно снять фильм. Поэтому я приобрел второй вездеход для оператора и профессиональную видеокамеру. Если все получится удачно, то снятый фильм и репортажи можно показать по телевидению. Наверняка это будет интересно многим зрителям, да еще привлечет интерес потенциальных туристов. Но для этого необходима информационная и административная поддержка. Обращаться к поселковым властям — это потеря времени, а районным властям не до меня. А еще выше, там, где можно получить необходимое — не достучаться. Я не знаю, через какие двери к ним попадают. Но кое-какие попытки предпринимаю. Повсюду с надеждой отправляю пресс-релизы.

Экспедиция планируется на шесть дней, но все снаряжение, продукты, топливо — с запасом, на 10 дней автономного проживания. Участники своим ходом должны на автомобилях добраться до поселка Саранпауль.

День подготовки

Утро 18 марта 2008 года. Подготовительные работы завершены. Определен маршрут, согласованы все действия. Сегодня жду моих гостей, моих новых друзей. Подтянулись участники. Первое их знакомство между собой. Полная суета. Вечером все должно быть готово. В 19.00 ужин в местном кафе. Торжественное приветствие гостей. Напоследок вечером тост:

— Уважаемые мои старые и новые друзья. Снегоходы, сани, сна-

ряжение, инвентарь и все остальное было ваше, когда оно было у вас дома, а завтра, когда повезете в экспедицию, это все будет уже наше, общее. Поэтому прошу лозунг «Один за всех, все за одного» перефразировать: «Ваши проблемы станут нашими, наши удачи станут вашими». Ложимся во втором часу. Подъем в 6.00.

День первый

Запланированный на 10.00 выезд из поселка состоялся лишь в 11.00. Колонна торжественно выдвинулась маршем по улицам поселка. Не каждый день в Саранпауле проходят подобные мероприятия. Проезжаем мимо администрации поселка. Из всех окон видны людские непонимающие взгляды главы и работников администрации. Они нас и не будут понимать, потому что мы, участники экспедиции — специалисты по доходам бюджета страны, а они, смотрящие из окон — великие специалисты по расходованию бюджетных средств. Подъезжаем к школе, где детишки с огромным интересом разглядывали технику. Пусть дети пообщаются с людьми, которые... Возле школы из поселка при ясной погоде видны горы Приполярного Урала и гора Неройка с ее гордым видом. Наша же задача — подняться на гору Народа, которая еще выше и дальше, чем Неройка.

После приятного общения со школьниками снегоходы выдвигались на переправу через реку

Ляпин.

Планировали на выходе из поселка сделать красивую съемку. Мы настолько увлеклись процессом, что совсем забыли про наледь. Да и я тоже совсем не подумал, что в это время года вода на реке стоит выше колена. Семь снегоходов очутились в снежной ловушке посреди реки. Сопровождающие ухмылками односельчане наверняка подумали: «Да, с вами, экстремалами, все понятно! Наверняка переберутся на другой берег, попьют водки и вернутся обратно домой. Понадобилось два часа упорных бурлацких трудов, чтобы всю технику вытащить на берег. Это было первым и очень хорошим уроком для нас. Насколько крут снегоход, но не круче природы. Необходимо ее уважать, слушать и подчиняться. Проехали деревню Ясунт, расположенную на слиянии рек Манья и Хулга. Через шестьдесят километров, уже ближе к горам, заезжаем в стойбище оленеводов. Заехали специально. Угощались очень вкусно приготовленной олениной.

Оленеводы — удивительные люди... Очень рады гостям и готовы поделиться последним куском хлеба. Кому-то из наших очень понравилось скромное поведение олененков, и он решил прикупить пару десятков для своего участка земли в охотничьем хозяйстве.

Надеюсь, друзьям понравилось. Колонна двинулась вперед.

Через двадцать километров три снегохода, идущие впереди, на перекрестке свернули не на ту просеку. Решили за ними не гнаться, а ждать на месте. Логика такая: мы будем гоняться за ними, чтобы предупредить, а те, видя сзади свет наших фар, ни о чем не подозревая, будут ехать вперед. Эта просека может тянуться до Салехарда, а нам не туда, слишком далеко. Потом решили больше не ждать, а ехать вперед. Парни пойдут, вернутся и поедут по нашим следам. Поехали, и опять не туда. Нам не хватает согласованности в наших действиях. А впереди еще шестьдесят километров. Там в горах, в верховье реки Хальмерью (в переводе с коми-зырянского означает — Мертвая река), расположен геологический участок по добыче золота. Там планировали переночевать. Вроде бы до этого участка дорога или просека есть, вроде бы тяжелая техника и олени ходили по ним, но от этого нам ехать не легче. Промытая колея снегоходы кидает с одной на другую сторону, и с прибавлением усталости переворачивание техники, саней и падение нас становится все чаще и чаще.

Соответственно, к моему опыту, лежа в снегу на спине, прибавлялся мой профессионализм. Вот мы с большим трудом добрались, наконец, до этого поселка. Температура — 30 градусов. Сегодня преодолели где-то 160 километров, но усталость такая, как будто тысячу

проехали. Нашему приезду геологи удивлены и рады. Помогли, накормили и поделились теплыми и уютными местами в домах. За это и за другое им моя особая благодарность. На завтрашний день планов никаких. Уснули в первые минуты. От усталости спится плохо. Всю ночь слышен за окнами свист ветра, снежные удары по окнам.

Второй день

День с утра туманный, грустный и снежный. При такой погоде ехать вперед всей командой нет смысла. Впереди — 30 километров самых сложных участков. Самим себе создавать трудности неохота. Отправляем четырех разведчиков из состава тринадцати добровольцев на разведку и проминку 30 километров участка. Разведчиков вооружаем до зубов (топоры, лопаты, веревки, топливо для внутреннего сгорания и для внутреннего разогревания). После обеда погода поправляется, и настроение оставшихся в поселке участников тоже. Виктор Завалипич готовится лететь на парашуте. Погода совсем не для полета. Но Виктор не из таких. Не зря он за 1000 километров от Югорска привез собой мотопарашют. Без особой подготовки, при ветре, в незнакомой ему горной местности и морозе 20–25 градусов, одетый в тяжелый тулуп, после многократного падения, с десятой попытки он героически полетел и

поднял в воздух флаг нашей экспедиции «Зимняя экстремально-приключенческая экспедиция УРАЛ ПРИПОЛЯРНЫЙ». И еще посмотрел с птичьего полета, что дальше гор только горы, а до горы Народа рукой еще не подать. Полет состоялся удачно. Это был первый полет на парашуте в горах Приполярного Урала. Геологи помогли заготовить дров для нас, чтобы мы с собой взяли. Там дальше в горах леса не растут и с дровами туго. Дров, а также топлива и продуктов должно хватить нам с запасом даже в аварийном случае.

Вернулись наши. Бодро рассказывали, что было трудно, но очень интересно и красиво, в горы промяли где-то 50 километров. Даже больше, чем ожидали. Планируем завтра в 10 отъезд от базы геологов.

Время еще позволяет, и я делаю экскурсию по геологическому поселку. Очень много домов. Много сооружений. Я знаю, что здесь затрачено много миллиардов на добычу золота промышленным способом. Позвольте сделать отступление от экспедиции и вспомнить старые годы. Когда-то в застойные времена я работал в Сосвиньской геологической экспедиции. Эти годы были годами планов. Вот и экспедиция делала планы по запасам золота на Холмеринском участке. Тогдашний начальник партии золотарей Севастьянов, чтобы получить премиальные, десятикратно добавлял в расчетах запасы золота

того месторождения. В годы перестройки, с появлением в округе нефтяных денег, решили добавить к окружающим деньгам еще и золотые слитки. Но оказалось, что там Бог золота больших запасов не разбросал. А миллиарды потрачены. Севастьянова давно нету, и посадить сейчас некого. Это не единственный пример в Приполярном Урале. Но это другая и долгая тема. И тем более не туризм. Больше не буду об этом.

Третий день

Эта ночь еще хлеще, идет снег и дует за окнами безостановочно. Утро не радует. Дует, много снега, туман и холодно. Геологических сторожевых собак не видно. Спрятались в своих конурах. Только дежурные работники и персонал ходят по участку. Нам уже некуда деться. Нам уже некогда, нам пора вперед ехать. Выезжаем, как планировали.

За лесами, уже на плато, видим, что снег шел порядочно и от вчерашней проминки никакого следа. Поискали вчерашний след, а оказалось, что по нему еще хуже ехать. Полдня протащили двумя тягами каждые сани на расстояние 5–6 километров. Видимость местами до 30 метров. Все мы понимаем и без навигаторов, что здесь при такой погоде делать нечего, и ползем

вперед, щупая каждый метр. Но настроение участников великолепное. Не зря они поехали за трудностями, и вот они нас окружили. Командный дух преобладает. В редкие минуты отдыха успеваем развлекаться и позировать перед фотоаппаратами.

Андрей Малков из Кургана с огромной глыбы камня сделал сальто с поворотом со словами: «Живой останусь, дальше поедem». Живой остался. После прыжка увидели рядом с местом прыжка торчащие из-под снега острые камни. Долго будет жить.

Не зря с собой брали оператора. И поэтому часто организовали съемки. Режиссирую сам. Показываю, где что снимать. Тренируюсь как режиссер. А вдруг обанкроюсь в бизнесе? Последнее время торговля йогуртом и жвачками не приносит прибыли и тем более удовольствия. Научусь, буду кино снимать.

Во второй половине дня понимаем, что наши снегоходы ограничены в своих возможностях, и без помощи далеко не проедem. На обратную дорогу оставляем 200 литров бензина, еще кое-что возле заметного камня на очередной вершине. Заправляем снегоходы, освобождаем одни сани, а с остальных переформируем груз. Легче стало сразу. Один снегоход без саней, за рулем Хасанов Рамил

из города Чайковский впереди, с собой навигатор и карта местности. Посоветуется со мной и проминает след, показывает нам дорогу. После часа в этой роли заслуживает себе прозвище «навигатор». С погодой не везет. Целый день снег, ветер и туман. Мы уже сто километров проехали по европейской части Урала, а погода еще настоящая, сибирская. Обычно в это время года погода бывает солнечной и теплой. А сейчас что-то не так. Уже поздно ночью в полумертвом состоянии подъехали к золотым приискам. Бескрайние горные массивы покрыты снегами и нескончаемыми порывами ледяного ветра. На сотни километров нет людей. Становится холодно и страшно, когда в одну минуту представляешь, что здесь ты одинок. (Здесь когда-то работали старательские артели под руководством известного золотодобытчика Туманова, друга Высоцкого). Много лет назад эти территории резко перевели в категорию национальных парков. Любые работы сразу запретили. Старатели бросили эти места и даже не сделали положенные после разработок рекультивационные работы. И сейчас летом в отвалах после дождей можно увидеть блестящие мелкие зернышки золота. Из-под снега торчат куски разных конструкций и ветхих строений, цистерны, полуразрушенные домики и балки,

брошенные со времен развитого социализма. Ощущение: лунный пейзаж и холодный ветер в духе коммунизма. В одной из более сохранившихся балок мы и решили остановиться и переночевать. И нам повезло. Не представляю, как после сегодняшней усталости поставить свою палатку. Остановка в подобных местах входила в наши планы. Ранее, составляя маршрут движения, я старался проехать по местам, где остались от бывших штолен и приисков хоть какие-то остатки цивилизации. В надежде переночевать в вагончиках, дрова на всякий случай собрать, да и так интересно посмотреть. Вагончик рассчитан на пять человек. Главное, в нем печка есть. Нам не до удобств. Некоторые ложатся прямо на полу в коридоре. Если ночью кто-то в этом зоопарке захочет выйти на улицу, то обязательно наступит на чье-нибудь лицо и испортит чей-то макияж. Нет, я этого не хочу. Беру коврик и спальник, прощупывая каждый сантиметр под нарами, чтобы не наткнуться на гвозди из-под досок от нар, лезу вперед. Надо успеть лечь раньше всех. Поделюсь годами заработанным секретом: чтобы чужой храп не мешал нормально уснуть и спать, необходимо в таком коллективе ложиться раньше всех. Приятно, тепло и просторно, но под нарами. Ничего страшного, главное,

не в тюрьме. Там наверху на нарах шириной в 3 метра стараются расположить 8 здоровых мужиков. Математика не в их пользу.

Четвертый день

Погода переменчива: снег, ветер, туман и солнце. Отъезжаем в 9.00. Можно сделать вывод: с каждым днем команда участников становится собраннее, согласованнее. Лозунг экспедиции воплощается в наших действиях. Так как мы раньше выехали и наши действия согласованны, времени стало хватать на все. И вот проезжаем мимо очередного участка, где раньше разработали штольни для добычи горного хрусталя для потребности военных, для оптических приборов. (Прошлым летом мы на 7 машинах, с 23 участниками проехали мимо этого участка и встретили двух мужиков, которые наверняка занимались поиском друз горного хрусталя в отвалах старых штолен. Я их просил на обратную дорогу подготовить подарки в виде маленьких друз для участников экспедиции и вручил бутылочку водочки и еще обещал одну по возвращении. Но мы тогда вернулись с горы Народа другой дорогой. И бутылку не завезли, и подарки не забрали). Вспомнив об этом, на всякий случай очищаю проход от снега внутрь домика и с

трудом залезаю туда. Вот это сюрприз! На столе в коробке аккуратно завернута пара десятков дружок. Деловито разделяю подарки между уже другими участниками другой экспедиции. На радостях забыл обещанную бутылку на столе оставить. Придется еще раз туда вернуться. Сюрпризы на этом здесь не закончились. Оказывается, много десятков лет назад где-то в этих краях работал Анатолий Семьяшкин из Нижнего Тагила. Он поэтому сильно просился и рвался в экспедицию на Приполярный Урал. Но побывать именно на том участке, где работал, и не надеялся. Да и забыл точное его местонахождение. Сейчас старый волк стоит на том же месте, что и много лет назад, на лице грусть и радость, вспоминает свои молодые годы и знакомое оборудование... Надо же, бывает и такое.

В горах Приполярного Урала много мест для катаний на сноуборде и горных лыжах. Я и Рамил взяли с собой две пары сноубордов. Устроили кинопробы. Оператор Алексей первый спустился вниз по ущелью. А мы должны были в группе со снегоходами вместе зигзагообразно спуститься вниз. Не вышло. С европейской стороны склона горы свежий пушистый снег толщиной больше метра не оставил нам никаких надежд. Даже снегоходы, спускаясь вниз, зарывались,

не говоря о нас. Жаль. Можно было спуститься на сноуборде на расстояние 2–3 километра, до очередного золотого прииска, который находится на реке Сюрасрузь. А там еще дальше по реке 10–15 километров, и мы выезжаем на равнину Деля Глодь. Вот и видно горы Старик-Из и Старуха-Из. («Из» на зырянском означает гора). А между этими горами озеро Балбанты (Богатое озеро, а Балбанью — Богатая река). На берегу озера еле видны маленькие времянки (летние стойбища Саранпаульского совхоза). А само озеро еще надо хорошо поискать. На огромной равнине, под снежным покровом незнакомый человек вряд ли найдет. Равнина и озеро Балбанты нас встречают переменной погодой. То солнце с пронизывающим ветром, то туман со снегом. Ближе к стойбищу впереди идущие экстремалы первыми увидели волка и погнались за ним. Старый одинокий волк обалдел от нашего неожиданного шумного появления, не стал связываться с нами и удрал из последних сил на гору Старик-Из (1280 м). Волку повезло вдвойне. Он встретился с экстремалами, а не охотниками. Охотник, увидев волка с такого расстояния, спокойно, не дергаясь, достал бы ружье и, пока волк не успел опомниться, хлопнул. У одного из наших на санях лежал карабин с оптикой.

Как он хвастался, одна только оптика стоит более 200 тысяч рублей. После нашего возвращения через два дня мы оставили на стойбище много продуктов. Это волку за испуг.

И вот мы у подножия горы Народа. От нас до вершины — 20 километров. В хорошую погоду отсюда видно вершину горы Народа. В горах обычно погода изменчива, каждые 10 минут может измениться. Ничего, если сейчас паршивая. Завтра будет хорошая.

Ближе к обеду уже поставили палатку. Один из домиков оленеводов устроили как кухню и место встречи. Время нам позволяет расслабиться. Трое пошли рыбачить на хариуса. Вечером попробуем малосольку. Двоих не знаю как рыбаков, а Олегу Каменскому верю. По его словам, он даже из аквариума вытащит окуня. Когда сидя в душном офисе в поту составлял программу нашей экспедиции, мечтал спокойно искупаться в проруби на озере Балбанты. Сейчас, при этом холоде и ветре, я вынужденно предлагаю команде искупаться в озере, как ранее планировали в программе экспедиции. Мотивация такая: чтобы гора Народа нас пустила к покорению своей вершины, необходимо к ней приехать чистыми духом и чистыми телом. Лед оказался более полутора метров, при-

шлось еще дно бассейна пробурить льдобуром. Бассейн размером 3х3 на высоте 1000 метров над уровнем моря у подножия горы Народа готов. Девять участников из 13 искупались в проруби. Это уже достижение для нас. Не каждый может похвалиться в своей жизни таким фактом. Да, не перевелись богатыри на нашей земле. Правда, у меня и еще у кое-кого на следующий день вылезла простуда, а Виктор Завалипич сгоряча пробежал босиком триста метров и заморозил все 10 пальцев на ногах.

День удался на пять! Перед сном самое то покурить на свежем воздухе. Между порывами ветра со снегом иногда видны редкие звезды. Значит, утро будет солнечным и морозным. Прожитые мною годы на севере уже научили меня погоду чувствовать. Погода не должна мешать нашему завтрашнему покорению гор. Красота местности даже и сейчас, при такой погоде, прекрасна. Одним словом: райское наслаждение. И «Баунти» здесь не конкурент. Двадцать с лишним лет назад, когда на север приехал, все говорили, что Сибирь — суровый край. Тогда так и было. А сейчас, при таком развитии, современных одежды и обуви, при современных средствах связи, технике и т.д., слово «суровый» уже не актуально. И с надежными друзьями, с таким снаряжением поездки в эти места для нас стали развлечением. Завтра в 9.00 отъезд, если будет погода. Палатка, изготовленная по заказу и эскизам Андрея Мерзлякова, получилась очень уютная и теплая. Молодец Андрей, надежный, основательный, подготовленный. Много хороших слов можно про него говорить. Он у нас был замыкающим. То что-нибудь подберет упавшее с саней, то кого-нибудь из отстающих заберет с собой. Настоящий МЧС. При сильном ветре и 35-градусном морозе спалось в палатке лучше, чем в 5-звездочной гостинице.

Пятый день

В 7.00 подъем. На улице — 35 градусов без ветра и солнце светит ярко. Видимость на редкость

удачная.

Вот она, наша цель. Вершину горы Народа видно очень хорошо. Там на вершине что-то блестит. Я знаю, что это стела, установленная туристами, но другим об этом не говорю и еще разыгрываю, связываю с мистикой и опасностью.

– Поднимемся и посмотрим, – дружный ответ команды.

Оставляем сани в основном лагере. Берем с собой веревки, лебедки, термосы, еду и т.д. Нереально предположить, с какими трудностями сегодня мы будем иметь дело. Отъезжаем в 9.00. В 10.00 уже стоим у подножия Народа. Мы сюда приехали с добрыми намерениями. Увидеть и радоваться красоте Приполярного Урала с вершины горы Народа, с самой высшей точки. Горы не должны нас наказать. Пусть не пускают к вершинам, но главное, чтобы с командой ничего не случилось. До какой высоты поднимемся, даже я не предполагаю, хоть знаю весь маршрут. Погода в любую минуту может измениться. Поэтому стараемся побыстрее подняться, с ходу, с разведкой.

Расстояние от подножия до вершины по пешеходным маршрутам где-то 5–6 километров. Мы сокращаем расстояние, проезжая по ущелью, которое засыпано 10-метровым пластом снега. Уже ближе к вершине после очередного опасного участка появляется

участок ложбины, засыпанный камнями. Экстремалы, почувствовав и уже видя вершину, совершенно забывают об опасности и, обгоняя друг друга, рвутся вверх. И даже оператор Алексей (заслуживший прозвище Михалков) забыл о своих обязанностях и поддался общей гонке. Народ топчется к вершине Народа. Такое ощущение, что боятся, что кому-то не достанется кусок вершины. Только меня это картина тревожит и приводит к истерике.

– Безбожные, куда вы прете выше креста?! Это уже знак. Это наш потолок. Андрей куда ты...!!! Ой, извини меня, крест, за мою матерщину.

На высоте 1806 метров в 2000 году установлен православный крест. В 11.00 23 марта 2008 года 11 снегоходов с 13 участниками поднялись на вершину. До

абсолютной высоты осталось 89 метров. Могли мы и до вершины подняться на снегоходах, в крайнем случае, могли 2–3 снегохода на себе поднять без проблем, но не стали. Лично я и многие, видя крест, успокоились. С божьей помощью добрались на эту высоту, и было грешно подняться выше креста. Это уже была крыша для нас. Пешком до вершины поднялись за пять минут. Вот и мы на абсолютной вершине гора Народа. С вершины Народы видны горы Карпинского 1803 м, Мансинер 1778 м, Манарага 1820 м. Со снегов горы Народа начинается река Народа, одна из красивейших рек Урала, и бежит она в Азию. Она является гордостью уральских рек, с интересными перекатами, когда-то была полна ценной рыбой — хариусом. С горы Народа начинается и река Манарага, которая, протекая мимо горы Манарага, становится рекой Кось-Ю. Хоть гора

Манарага считается красивее и называется царицей уральских гор, на гору Народа поднимаются гораздо больше туристов.

Ощущение подобно победителю. Вроде бы. Вспоминаю слова гимна нашей экспедиции.

Мы, конечно, взойдем по Народной к вершине,

Чтобы цели достичь и себе доказать:

Средь земной суеты мы остались мужчинами.

Можно звезды потрогать, мирозданье обнять.

Спускаясь вниз с вершины к кресту уже грустным, невольно сравнил свое ощущение с грешным желанием, когда долго стараешься добиться любви, казалось бы, недоступной красотки, а после интерес пропадает. Сергей Дерюшев, самый старый участник, возле креста мне говорит: «Ну, ты авантюрист». Это слова близки

моему характеру, и я не сопротивляюсь. К сегодняшнему нашему подвигу еще добавил свой полет на парашюте Виктор Завалипич. Этот человек вообще без страха. При сильном ветре поймал для парашюта попутный поток и полетел к вершине Народа и вдвойне записал свою фамилию в истории покорения вершин Приполярного Урала. А его брат Владимир оказался между нами самый экстремаль. Во время экспедиции он держал Пасху. После таких физических нагрузок он не поддался человеческим слабостям. В результате за шесть дней похудел на 30кг. Сопровождали полет Виктора с доброй завистью до предполагаемого места его посадки, и экспедиция двинулась вниз. О безопасности речи не идет. Мы уже настоящие экстремали. Нам уже гора Народа нипочем. Несемся вниз, чтобы успеть раньше спуститься, чем За-

валипич приземлится. Все благополучно, мы все внизу.

Время где-то ближе к 13.00. Согласно программе экспедиции, в наших планах покорить и гору Манарага. Некоторые не планируют дальше ехать. Им больше хочется хариуса наловить на озере Балбанты, и они вернулись в лагерь. Обсудили ситуацию. Можно на равнину реки Манарага спуститься следующим маршрутом: сначала с верховья реки Лимбеко-ю до слияния с рекой Падежа-вож и потом подняться по ней, а затем спуститься к Манараге. Маршрут, может, и легкий, но путь длинный. Так как участники экспедиции уже без слов понимали друг друга и были уверены в своих силах, решили выбрать более короткий путь. Подняться с верховьев реки Балбан-ю, переехав к Лимбеко-ю, и сразу спуститься по ущелью к реке Манарага. На карте видно, что очень опасно. Но сила авантюры толкает вперед. Тогда вперед, господа. По нашему маршруту вперед ведет след одинокого волка. Значит, и мы правильно едем. Большие лапы, но короткие шаги, идет из Сибири в Европу. Идет тихо, не торопясь, наверное, почту несет, пошутил я внутренне и похвалил себя за находчивость.

Вот уже мы наверху ущелья. Остановиться, посмотреть — значит, передумаем. Поехали. И, спускаясь, через несколько метров понял. Снег на европейской стороне склона мягкий и тяжелый, теплый

и поэтому уже нелюбимый. В Европе весна наступила. Снегоходы даже на крутом склоне местами зарываются, толкая вперед метровый слой снега. Понятно, нам назад подняться по этому маршруту будет нелегко. На равнине реки Манарага провели несколько часов. О том, чтобы подняться на гору Манарага речи уже не идет. При такой погоде нереально. Остается только на ее фоне сфотографироваться и подождать, пока наш след на обратном пути в гору подмерзнет. В этой редчайшей красоты речной долине не бывает туристов в зимнюю пору. Только одинокий охотник оставил след своего «Бурана» ниже известного домика у подножия горы Манарага. Река Манарага, с открытой водой на ярком солнце на фоне гор настолько красива, что не в моих силах описать. Уверен, что за несколько кадров профессиональные фотографы готовы туда прилететь на вертолете. Даже мною сделанные фотографии сейчас напечатаны во многих журналах. Как и ожидали, Олений ручей нам легко не сдался. Но такого не ожидали. За гору высотой 400 метров боролись более 6 часов. Это была проверка на выносливость участников. Каждый снегоход по одному на веревках подняли на вершину. Волжские бурлаки в гробу перевернулись бы, увидев такое.

Вернулись в лагерь в 1.00 голодные и холодные. Олег Каменский нас плотно накормил све-

жепойманным своими руками малосольным и жареным хариусом и напоил вкусным чаем из брусничного листа, чудом откопанного из-под снега. До сих пор тошнит.

Шестой день

Приближается утро. Слышны первые шорохи. Хлопок дверцы чудо-минипечки из нержавеющей стали, сделанной Андреем из Ижевска. Через закрытый спальник, на который сверху накинута куртка, до носа доходит приятный запах дымка. С пробуждением к активной работе моему телу уже не хватает кислорода, поэтому руками приоткрываю щель в спальнике для поступления свежего воздуха. Первый глоток, и уже ясно. В палатке — 10. Это означает, что дежурный проспал свое дежурство. Еще пять минут, и с появлением первых волн тепла выпрямляю окоченевшее тело. Становится уютно и тепло. Мысли возвращаются и сразу поднимают мое настроение.

Есть потери в оборудовании, но при таком масштабе авантюры можно сказать, что это незначительные потери, а так, небольшие жертвы для большого дела. Разбилась несколько саней: пластиковые и самодельные из нержавеющей стали. У снегохода Рамила есть проблемы со стойкой и лыжами. Раз ночью доехал до лагеря, значит, и до дома доедем. Леха, наш оператор, разбил передок моего «поляриса». Восстановили, в отличие от той берёзы, которая, к сожалению, восстановлению не подлежит. Одни мелочи. А сколько хорошего. Сколько фотографий. Алексей, наш Михалков местного значения, сделал шестичасовые съемки. Если какую-то часть этих съемок покажут по телику, представляю, внимание скольких туристов привлечем к красоте Приполярье Урала. Но, конечно, показ по телику не от меня зависит. Вчерашние планы реализованы и уже стали приятными воспоминаниями, которые будут нас радовать всю жизнь. Мы вчера покорили гору. Друзья по покорению все живы и здоровы. А этот факт са-

мый важный. И грудь греет чувство гордости. Ту-ту-ту. Рано. Нам еще надо вернуться домой. Там внизу, в трехстах с лишним километрах отсюда, находится поселок Саранпауль. Там свет и тепло, семья и работа, конкуренты и покупатели. Одним словом, ЗЕМНАЯ СУЕТА.

В палатке тепло. Спать и спать. Внутренний будильник после вчерашнего чая заставляет выйти из спальника за палатку. А возложенные на меня обязанности вынуж-

дают подняться одним из первых. Косить не получается. Встали в 6.30. За палаткой погода ожидается быть неважной. А нам уже все равно, мы домой поедем.

На обратном пути замечаю в продутой до земли траве олени катышки. Достая бинокль и долго осматриваю окружающие горы с надеждой увидеть их. Увидел, на расстоянии меньше километра от нас на склоне горы оказалось стадо диких оленей, не меньше трехсот

голов. Спокойно пасутся и играют. Ветер мешает им слышать наше грозное и близкое присутствие. Молчу, у друзей и так много впечатлений. Им необязательно видеть это. Пусть олени дальше играют. А нас баня ждет в Саранпауле. Мы сегодня доедем до дома. Мы уже команда.

Моя искренняя благодарность участникам экспедиции.

УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ:

Мерзляков Андрей. Город Ижевск. Предприниматель. Не первый раз в экспедиции на снегоходах. 36 лет. Обязанности в экспедиции: ЗАМЫКАЮЩИЙ, ЗНАЮЩИЙ ДЕЛО СОВЕТЧИК. НА НЕГО ВСЕГДА МОЖНО ПОЛОЖИТЬСЯ.

Дериошев Сергей Николаевич. Город Пермь. 74 года, пенсионер. Обязанности в экспедиции: ЛИШНИЙ РАЗ НИКУДА НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ, ВЕСЕЛЬЧАК.

Хасанов Рамил. 46 лет. Газпромковский чиновник. Город Чайковский. Постоянный участник экспедиций. Обязанности: ПЕРВОПРОХОДЕЦ ПО УКАЗАННОМУ МАРШРУТУ С ПОМОЩЬЮ КАРТЫ И НАВИГАТОРА.

Брюхов Юрий. Город Нягань. 44 года, предприниматель.

Вакуев Алексей. Поселок Саранпауль. 25 лет. Оператор. Обязанности: СНИМАТЬ ХОРОШИЙ ФИЛЬМ.

Семешкин Анатолий. 58 лет. Город Нижний Тагил. Председатель охотничьего общества. Обязанности: СТАРЫЙ ВОЛК СЛЕД НЕ ПОРТИТ.

Веретехин Андрей. 35 лет. Город Нижний Тагил. Обязанности: ДОБРОВОЛЬНЫЙ ПОМОЩНИК ВСЕМ ПОДРЯД.

Мальков Андрей. 30 лет. Город Курган. Предприниматель. Обязанности: КОНТРОЛЬ ЗА ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ И ИХ РАСХОДОВАНИЕМ.

Завалипич Виктор. 46 лет. Город Югорск. Строитель. Обязанности: ИЗУЧАТЬ МЕСТНОСТЬ С ПОМОЩЬЮ ПАРАПЛАНА

Завалипич Владимир. 40 лет. Город Югорск. Чиновник. Обязанности: СБРОСИТЬ ЛИШНИЙ ВЕС.

Каменский Олег. 53 года. Летчик. Город Югорск. Пассажир-участник. Обязанности: ЛЕЗТЬ ТУДА, КУДА НЕ СЛЕДУЕТ...

Мироничев Игорь. 24 года. Город Днепропетровск. Инструктор по подводному плаванию. Участник-пассажир.

Маркосян Усик. 48 лет. Поселок Саранпауль. Предприниматель. Обязанности: РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ.

Экспедиция по горам Северного, Приполярного и Полярного Урала

АНО «Урал Приполярный» планирует провести экспедицию на снегоходах по горам Северного, Приполярного и Полярного Урала по маршруту: Екатеринбург – Ивдель – Полуночное – Вижай – пос. Приполярный ХМАО – Югра – пос. Саранпауль, Березовский район – Лабытнанги – Салехард, ЯНАО.

Старт экспедиции
10 марта 2009 года.
Предполагаемая продолжительность до 20 дней.
Экспедиция пройдет в 4 этапа.

Первый этап. Старт из г. Екатеринбург – г. Ивдель – пос. Полуночное – пос. Вижай (по восточному и западному склонам Урала, по дорогам, хребтам, плато) – до пос. Приполярный. Встреча участников. Один день на отдых и подготовку.

Второй этап. К основной группе присоединяются другие участники. Далее экспедиция проходит по маршруту: пос. Приполярный – пос. Саранпауль. Встреча. Основное место отдыха и базировки.

Третий этап. Маршрут Усть Пуйва – Неройка – база Холмер-Ю или база Желанная.

Четвертый этап. Маршрут до Салехарда. Встреча. Отдых. Разъезд.

Информационную поддержку оказывает журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Участниками экспедиции станут любители экстремального путешествия, как с Азиатской, так и с Европейской стороны Урала. Часть участников будут с прошлогодней экспедиции. Выбор остальных участников по определенным критериям и позволяющий брать на себя тяготы и финансовые расходы. Экспедиция некоммерческая.

Развлечения по пути следования: полет на парaplанах, кайтинг, сноуборд, купание в озерах у подножья гор, рыбалка на хариуса, покорение вершин гор на снегоходах и пешим порядком. По окончании экспедиции выпуск фотоальбома с названием (СНЕЖНЫЙ УРАЛ), фильм.

Руководитель проекта экспедиции: Маркосян Усик Амаякович
Сайт: www.anour.ru **Элек**
Почта: m.usik@mail.ru
Тел. 8(3467)44-54-24; 8-909-038-0800

«Серебряное кольцо» «Уральского следопыта»

Ни для кого не секрет, что Свердловская область обладает богатейшим туристскими ресурсами, и, конечно же спрос на уральский туризм увеличивается с каждым годом. Поэтому начиная с ноябрьского номера мы будем разрабатывать экскурсионный маршрут под названием «Серебряное кольцо» «Уральского следопыта». По ходу маршрута мы посетим сказочные «Бажовские места» с городами Сысерть, Полевской и их окрестностями. Затем, двигаясь на север, познакомимся со старейшими заводскими городами Урала — Невьянском и Нижним Тагилом. Нам отворит ворота Верхотурский Кремль, и золоченые купола множества церквей и храмов засияют на солнышке. После духовного центра Урала Верхотурье побываем в музее-заповеднике деревянного зодчества и древнерусского народного искусства, расположенном в Нижней Синячихе. Город Алапаевск стал местом массового паломничества по местам, связанным с царской фамилией Романовых. Далее наш путь будет совпадать со знаменитой самоцветной полосой Урала. В Режевском природно-минералогическом заказнике водят экскурсии по старым копиям, где раньше добывались аметисты, изумруды, топазы, турмалины.

Возможность спуститься в старые выработки и побыть старателями нам предоставит город Березовск — «родина золота» в России.

И первым объектом нашего маршрута станет родина Павла Петровича Бажова — город Сысерть.

Фото Е. Савенко

Татьяна ЧЕРЕМИСИНА

Сысерть сказочная

«Здравствуй, матушка-Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами»¹ — здравствуй, Сысерть сказочная, Сысерть бажовск я. Здесь, в этом небольшом заводском поселке, родился и делал свои первые шаги замечательный писатель, самобытный уральский сказочник и талантливый обработчик фольклора — Павел Петрович Бажов. А сам Павел Петрович писал, что правильнее всего называть его следует уроженцем всего Сысертского округа, который включал в себя поселки Сысерть, Полевской и Северский.

История освоения земли сысертской ведется еще с 1680 года, когда близ невеликой речки Сысерть были найдены железные руды и крестьяне Арамильской

слободы начали использовать их для выплавки железа. Узнав о богатствах здешних земель, в 1731 году сюда совершил поездку знаменитый заводоустроитель, генерал-лейтенант Виллим Иванович де Геннин. И уже через год, в 1732 году, лесной пейзаж

пополнился первым небольшим поселением при свежестроенном Сысертском заводе. Первоначально завод назывался Сысертским железодельным заводом императрицы Анны — племянницы Петра I, но название как-то не прижилось.

Панорама Сысерти. XIX век

¹ П.П. Бажов . «Сысертские заводы».

В середине XVIII века судьба завода повернулась от казенного в сторону частного капитала — новым владельцем предприятия стал соликамский купец Алексей Федорович Турчанинов. При новом хозяине производство получило значительное развитие, а в захолустном заводском поселке появился зоопарк, пополнялись коллекции минералогического и археологического музеев и сохранилась солидная по книжному собранию научная библиотека. После смерти Турчанинова Сысерть снова осталась бесхозной. Огромное налаженное хозяйство, разделенное между всеми наследниками, перестало работать как единое целое. Наступили нищенские года, «когда живя у несметных богатств, попирая их ногами», рабочим приходилось жить в нищете. «Золотая лихорадка» в 1832 году нанесла заводу большой урон. Недальновидные потомки Алексея Федоровича снимали рабочих с производства и гнали на добычу драгоценного металла, которая не приносила ощутимых прибылей. Наверное, именно тогда уральские рабочие сочинили множество пословиц, связанных с добычей золота, одна из которых гласит — «Золото мыть, голодом быть». Но, несмотря на все трудности, Сысертский завод продолжал выплавлять чугун и выделывать железо, получая награды «За отличное качество продукции» на различных выставках.

В очерках «Уральские были» Бажов писал о Турчаниновых как о «коренных, родовых, исконных барах для Сысертского округа». Так оно и было, вплоть до самого конца XIX века, когда фамилия Турчаниновых сменилась на Соломировских, а затем вообще завод был отдан английской компании «Лена-Голдфилдс Лимитед».

А в 1932 году оборудование окончательно пришло в негодность, рудники иссякли, и металлургическое производство прекратило свое существование.

Сейчас, смотря на старые заводские цеха, мы можем только

Фото В. Байдукова

Памятник П.П. Бажову перед храмом Симеона и Анны

вообразить, как здесь кипела рабочая жизнь...

Но заводская история Сысерти не кончилась. В 1942 году на базе ремонтных мастерских организован гидротурбинный завод — будущий уральский завод Гидромаш, в котором также находится музей, где можно познакомиться с историей завода и его работой в наши дни.

Судьба Петра Бажова неразрывно связана с Сысертским заводским округом. Его отец — Петр Васильевич Бажов — был опытным мастером на заводе, и маленький Павел любил слушать байки и истории, ходящие среди мастеровых людей. Любил он слушать и других старых бывалых людей, знатоков прошлого. Хорошими рассказчиками были сысертские старики Алексей Ефимович Клюк-ва и Иван Петрович Короб.

Недалеко от старых цехов завода, на улице Володарского, на-

ходится Дом-музей Павла Петровича Бажова. Когда-то тут стояло два дома — большой и малый, но большой дом сгорел еще в конце XIX века, поэтому вся экспозиция музея располагается в малом доме и надворных постройках. Здесь наш замечательный писатель появился на свет. Здесь висит детская колыбель. В похожей колыбели матушка Павлуши Августа Степановна баюкала свое чадо и рассказывала ему сказки, наверняка не задумываясь о том, что в будущем сказки ее любимого сына будут читать дети и взрослые. Давайте пройдем в горницу, очень светлую и чистую комнату. Самый важный элемент горницы — «красный угол» — наиболее освещенное место, куда ставилась икона или домашний иконостас. Украшает угол полотенчико, любовно сотканное умелыми руками Августы Степановны. Матушка Павла Петровича была искусной

кружевницей. Этому мастерству она обучилась в сысертском приюте для девочек-сирот. Такой талант стал большим подспорьем для семьи, особенно когда муж временно оказывался без работы. Жены и дочери заводского начальства частенько обращались к ней за ажурными чулками да кружевами.

Обстановка в горнице типично городская. Из мебели — кровать, обшитая кружевами, сундуки, «горка» с праздничной посудой из фарфора.

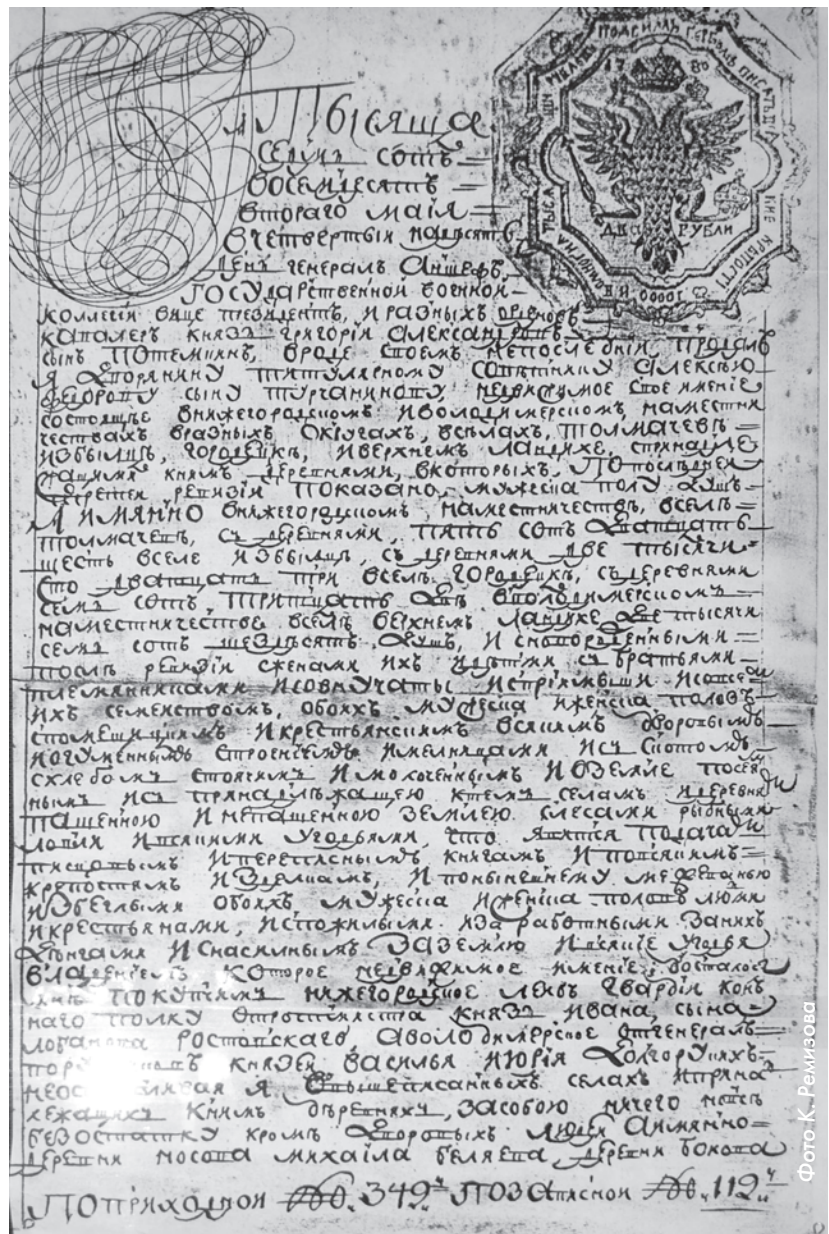
На кухне мы видим лавочку, небольшой стол, в котором хранили посуду, повседневный самовар, полочки с разнообразной утварью. И центральное место в кухне — печь — хранительница тепла и очага.

Помимо самого дома, во внутреннем дворике располагаются и другие постройки. Прежде всего, это конечно же баня — неотъемлемый элемент русского двора. Далее по часовой стрелке нашему вниманию поочередно представят: конюшня и завозня. В завозне стоят сани-розвальни и телега, в которую летом запрягали лошадь, также здесь хранили разнообразные хозяйственные инструменты. И завершает надворные постройки амбар, служивший для хранения всевозможных продовольственных запасов.

Двор с надворными постройками интересен нам не только как мемориальный. Здесь мы можем узнать, как был устроен быт заводских людей, ведь дом Бажовых представляет собой типичную усадьбу XIX и начала XX века.

В музее проводятся интересные мероприятия: игровые беседы с детьми по бажовским сказам, театральные представления с привлечением актеров сысертского детского театра.

Если мы выйдем из дома и пройдем тропой юного Павла Бажова до улицы Быкова, то окажемся прямо перед школой, где он учился в течение трех лет. Школа носит название цифирной, она была построена в 1735 году для обучения будущего заводского

Мемориальная плита

Фото К. Ремизова

Фото К. Ремизова

Фото В. Байдукова

Памятник погибшим морякам российского флота

персонала. Школу будущий писатель окончил одним из лучших учеников – с похвальным листом. Сейчас в этом здании располагается обычная вечерняя школа.

Пройдя по диагонали в сторону центральной площади, мы оказываемся прямо перед Храмом Симеона и Анны. Этот храм начал строиться почти одновременно с заводом. Поначалу он был деревянным. И только лишь спустя сорок лет, в 1773 году, был заложен фундамент по инициативе и на средства А.Ф. Турчанинова, о чем на стене церкви до сих пор сохранилась мемориальная плита.

Любопытным представляется документ, повествующий о том, что любовь к Богу вбивали в головы прихожан не только молитвами, но и кулаком либо розгами. Докладная записка священника Никифора гласит, что «служитель А. Дулов, унимая в церкви собравшихся малолетков от резвости... малолетка Ипполита Алексева, за правым клиросом резвящегося, простосердечно ударил кулаком по голове, у которого внезапно про-

шиб голову...». Выводом из происшествия стало такое предписание: с тех, кто «во время службы Божией стоять неблагочинно станет важно взыскать штраф по рублю в церковную казну, сразу же после выхода из церкви». Надо сказать, штраф по тем временам был весьма и весьма ощутимым. Да и сам Турчанинов был очень обеспокоен благочестием своих крепостных, строго взыскивая с тех, кто не ходил времени для исповеди.

В источниках 1917 года есть указание о нахождении в Симеоно-Аннинской церкви иконы Божьей матери, написанной в Италии в 1516 году учеником Рафаэля Санти – художником Гарфолло. Но дальнейшая судьба иконы неизвестна, ведь в 1935 году храм закрыли, а спустя год купол храма Симеона и Анны был взорван. Также храм претерпевал и сильный пожар.

Сейчас собор Симеона и Анны восстанавливается. Во дворе храма можно увидеть купола, постепенно покрывающиеся сусальным золотом. Как только закончатся

основные работы по восстановлению храма, начнется реконструкция родовой усыпальницы Турчаниновых.

Напротив собора, практически в центре площади, установлен памятник погибшим морякам российского флота. Казалось бы, какое имеет отношение к флоту Сысерть, удаленная от всех морей? Имеет, и самое прямое. В Сысерти работает кадетская школа-интернат под названием «Кадет», где воспитанники помимо получения среднего образования имеют возможность каждое лето бывать на Северном флоте. Юнги проходят практику на военных кораблях.

Рядом с городским прудом виднеется краеведческий музей города, получивший статус памятника архитектуры. Ведь построили его еще в 1779 году, по инициативе Алексея Федоровича Турчанинова. Здание Сысертского горного округа вместе с Симеоно-Аннинской церковью и ранее находившимся здесь домом Турчаниновых образуют при заводскую площадь, выходящую прямо на плотину.

Двухэтажный дом с подвалами предназначался для главной конторы по управлению горными заводами округа, для библиотеки, и здесь же располагалась экспозиция минералогического музея, о котором заботился Турчанинов.

Краеведческий музей разместился в здании конторы еще в 1969 году. Со временем его потеснил районный отдел народного образования, заняв второй этаж, а еще позже – офис коммерческой организации оккупировал подвал.

Экспозиции музея уникальны и разнообразны. Это и археологические находки, и изделия Сысертских заводов, в том числе прекрасные образцы медной посуды, кустарно изготовленные сысертскими мастерами. Великолепна богатая коллекция уральских самоцветов, слава о которых давно разлетелась по всему миру. Каменья эти чудесные легли в основу многих сказов Петра Бажова. Книга «Малахитовая шка-

Фото В. Байдукова

Краеведческий музей

тулка» — это собрание сказов, о Хозяйке Медной горы, о Великом Полозе, о лесном козле Серебряное копытце, о рудокопах и старателях, мастерах-камнерезах и гранильщиках.

Находясь в стенах музея, можно ярко представить себе облик города прошлых веков — старинные фотографии с видами завода и городскими пейзажами. Хорошо представлена Сысерть «в лицах», большой материал о владельцах завода, их управляющих и других значимых личностях.

По пути к музею нас встречает памятник Павлу Петровичу Бажову. С высокого постамента смотрит он в сторону плотины и старого завода.

Место, с которого можно окинуть взглядом самые отдаленные уголки старинного уральского города, зовут по-разному: Караульная гора, гора Бессонова или Бесенкова. Караульную гору высотой в 144 сажени (310 метров) называли потому, что на ней находился сторожевой пост, охраняющий завод и поселок от внезапных набегов башкир.

Бессоновой — в честь офицера Бессонова, руководившего оборонной заводом во время нашествия отрядов Пугачева. А Бесенковой — так как, по мнению суеверных жителей, здесь обитали бесы. В зимнее время года гора использовалась для катания на салазках, которые можно увидеть в конюшне Бажовых.

Гора вместе с Сысертским прудом — главные достопримечательности местного ландшафта. Несколько столетий назад, когда генерал де Геннин осматривал окрестности с самой высокой точки, выбирая место для строительства завода, он был поражен дикой, первозданной красотой края. И сегодня с вершины открывается чудесная панорама с городской застройкой вдоль береговой линии пруда и реки Сысерти. В любое время года с горы видны сказочные дали Уральских гор, предгорья, покрытые малахитовым ковром стройных мачтовых сосен, и местами вдруг да проблеснет, играя с солнцем, чешуя Золотого Полоза...

Природа щедро наградила земли сысертские — богатыми

лесами, драгоценными камнями, недрами, полными минералов, одним из которых является тальк. В окрестностях Сысерти находится озеро — Тальков Камень — выработанный рудник, затопленный грунтовыми водами. Этот рукотворный памятник красивого изумрудного оттенка чудесно вписывается в окружающий природный ландшафт. Тальковые зеленоватобелые берега, словно скалы, высятся над озером, достигая тридцати метров. До революции здесь проходили тайные сходки рабочих сысертских заводов, а рядом с камнем Сивка-Бурка, что находится на берегу сысертского пруда, однажды выступал Я.М. Свердлов.

Рядом с поселком Асбест, в пятнадцати километрах от Сысерти, находится природный памятник — Марков камень. Склоны горы покрыты лесом, и трудно представить себе, что когда-то здесь бушевало древнее Уральское море, следы которого нашли ученые. Вершину горы охраняют древние гранитные стражники — «каменные палатки». Легенды

Фото В. Байдукова

и народные сказания прочно окутали Марков камень. Споры о его названии не утихают и по сей день. Некоторые считают, что назван он именем Марка Турчанинова – внука первого сысертского заводовладельца, Алексея Федоровича, который любил здесь охотиться. На что Павел Петрович Бажов им отвечает, что «там вовсе, может, ни один Турчанинов и не бывал. Шибко глухое место, в болотах кругом. Не барское дело по этим местам бродить. Ноги промочит, из носу закаплет... Название горы по другому Марку поставлено»¹. Марк

¹ П.П. Бажов. «Марков камень».

был подмастерьем на полевском заводе. Вместе с женой Татьяной укрывались они от преследований барыни Колтовской в избушке, построенной на склоне горы. Многие склонны верить именно этой версии, поскольку П.П. Бажов очень тщательно подбирал фольклорный материал для своих исторических очерков.

Очень необычным и увлекательным для детей и взрослых будет путешествие в комплекс «Холзан» – центр по реабилитации и мониторингу хищных птиц, расположенный близ поселка Кашино (8 км от города Сысерть). Посетителям будет представле-

на уникальная возможность познакомиться с представителями редких хищных птиц: беркут, сокол-балабан, степной орел, тетеревиный и другие. Здесь обитает белая сова по кличке Букля – любимый питомец сказочного героя Гарри Поттера. Питомник также возрождает традиции такой царской забавы, как соколиная охота. Редкий случай понаблюдать за красотой и грацией стремительного полета этих пернатых хищников, услышать множество интересных историй и фактов из жизни птиц, привезти домой фотографию сидящего на руке сокола.

Центр по мониторингу
и реабилитации хищных птиц

Холзан

Показательная охота на фазана
Организация экскурсий
Соколиное шоу

село Кашино, Сысертский район, Свердловской области
телефоны +79122417602, +79028717917
E-mail: falconfreesky@gmail.com
www.holzan.falconer.ru

Константин РЕМИЗОВ,
фото автора

Сысертские загадки

«Из Сысерти уходили последние белогвардейские части. Увозили все самое ценное: заводскую кассу, дорогие вещи из господского дома. Стали было грузить на подводы тяжелые ящики с коллекционным фарфором. Выходило, чтобы довести его в целости, нужно много упряжек. Либо везти фарфор, либо бросать пушки. Прапорщик, командовавший погрузкой, остановился в нерешительности — времени было совсем мало, красные шли по пятам. Доложили командиру. Фарфор — старинные севрские и саксонские сервизы, прекрасные образцы первого русского завода, виноградовские вазы, гарднеровские блюда, уникальные наборы с портретами героев войны 1812 года.

Командир колебался, но потом приказал: ящики с фарфором оставить.

— Спрятать бы, ваше благородие, — шепнул кто-то рядом. «Действительно, почему бы не спрятать? Вышибем гольтьбу, заберем. Спрятать надежнее, найти человека, который знает тайники».

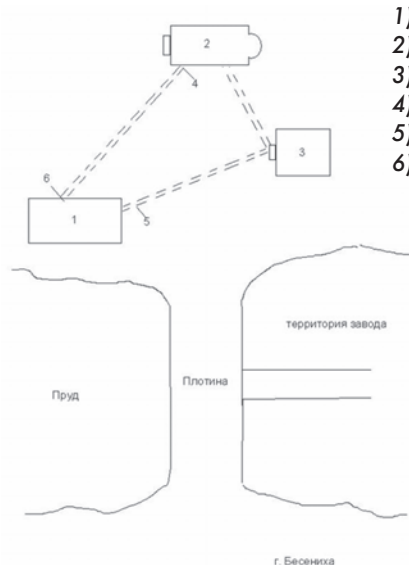
Именно так начинается повествование о Сысерти в книге В.М. Слукина «ТАЙНЫ УРАЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ», и именно это вы найдете в глобальной сети, набрав в любом поисковике слово «Сысерть». А какие тайны действительно хранит земля?

В марте 2008 года собралась группа из пяти человек, которым просто не давало покоя, то, что они хо-

дят по тайнам нашей истории и никак не могут в них заглянуть, а что если есть клад Соломирского? И вот, получив разрешение на проведение поисковых работ в администрации Сысерти и благословение местного батюшки, команда приступила к поискам.

В период с марта по октябрь 2008 г. была проведена огромная работа, был перелопачен не один кубометр грунта, проводилось бурение стен и грунта, а сколько баек пришлось выслушать от местных. Результат не заставил себя долго ждать.

- 1) Дом Соломирских,
- 2) Храм «Вознесения»,
- 3) Заводская управа,
- 4) Залитый ход,
- 5) Барский туалет,
- 6) Колодец

Перво-наперво наведались в гости к местному батюшке, испросить, чего ему знакомо про подземелья. На что святой отец попросту отвел гостей в трапезную, находящуюся в подвале храма Вознесения, и показал на хорошую добротную бетонную стену. Вот тут и был ход, и вел он в сторону заводской конторы, но был засыпан остатками купола церкви после взрыва в 1932 г. При расчистке подвала его нашли рабочие и усердно принялись копать далее, забыв про работу. Батюшка поступил просто, чтобы не привлекать внимание к храму и не будоражить мозги рабочих, повелел залить вход бетоном. Приехал миксер, и 12 кубов раствора похоронили под собой все.

Эпизод 2. Из книги В.М. Слукина «...люк подняли с большим трудом. Открылся вертикальный колодец с ветхой приставной лестницей. Спустились. Дальше шел ход со стенами, выложенными кирпичом. Подземный путь вел к церкви. Влево отходил второй коридор. Жуткая тишина, слабый свет фонаря, запах плесени и сырости... У развилки остановились, стали спорить, куда идти».

Заветный люк и ход был нами найден, но вот вести он никуда не мог, потому как был всего лишь резервуаром питьевой воды в господском доме. Он имел два входа: один из дома, другой со двора для пополнения водой. Подтверждая нашу теорию, стены и дно

колодца были пробурены. Следовательно, один вход это воспаленная детская фантазия.

Далее из книги «...уже в советское время люди, спускавшиеся в подвал дома, отмечали его сложную конфигурацию, с множеством лабиринтов и каналов. Каналы выполняли роль системы вентиляции. Что вентилировать? Более глубокие помещения? Подземные ходы?»

Стоит отметить, что конструкция дома Соломирских являлась для своего времени вместилищем интереснейших инженерных решений. Система вентиляции, описанная в книге, не что иное, как система отопления, в доме прогревались стены за счет котельной, стоявшей в подвале. По остаткам конструкций приглашенный нами специалист нарисовал систему отопления.

Эпизод 3. «...со стороны северной стены дома, той, что образовывала главный фасад, был колодец (сейчас он засыпан землей и мусором). Его когда-то вскрыли при земляных работах, и, по словам рабочих, открылся ход, облицованный гранитом, сухой, чистый, он направлялся в сторону собора».

Где же ты, колодец, облицованный гранитом? И он нашелся, только предстал в виде выгребной ямы, не передаваемое ощущение оказаться на дне барского туалета. Вот только непонятно, где рабочие гранит увидели и куда ходили по тоннелю.

Эпизод 4. Устав откапывать выгребные ямы и продуктовые ледники, проламывать стены в музее (бывшая заводская контора), приняли решение попросить помощи у геофизиков. На нашу просьбу откликнулись специалисты ОАО «Инженерный центр Энергетики Урала», имеющие огромный опыт по поиску под землей различных коммуникаций, за что им огромное спасибо. С помощью мощнейшего георадара были проведены замеры по двадцати профилям. В результате картина стала ясной. Из храма ход обрывается, не выходя за ограду, скорее всего это был всего лишь церковный тайник, но вот под колокольней обнаружен глубокий колодец, более 10 метров глубиной, он засыпан доверху, и для чего служил, не понятно. А вот в остальных местах геофизики однозначно что-либо утверждать не стали.

Перечитав книгу Слукина, общаясь со старожилками и собирая по крупицам материал, я сделал вывод. Не мог Всеволод Михайлович знать как происходило отступление Белой армии и погрузка фарфора. Самое главное упустил в своей книге Слукин. Дмитрий Павлович Соломирский – главный владелец заводов Сысертского горного округа – на момент революции был известным меценатом. Благотворительность в дореволюционной России считалась делом достойным. Соломирский отдавал, конечно, не последнюю рубашку, хотя жертвовал много. В конце жизни его ждало одиночество. Жена, дочери, брат, сестры ушли в мир иной. В 1917 г. рабочие не позволили его расстрелять (хотя управляющего Мокроносова постигла эта участь). После революции он лишился средств к существованию. По воспоминаниям очевидцев, престарелому аристократу пришлось просить кусок хлеба у своего бывшего лакея Черепанова. Другие сысертцы боялись ему помочь. Затем в Екатеринбурге Дмитрий Павлович находился на иждивении бывшего служащего его заводов Гребнева.

Скончался Соломирский в 1923 году. И не мог никто при живом хозяине куда-то что-то прятать, тем более увозить.

Вот и напрашивается вывод о том, что если и есть в Сысерти закопанные сокровища, то искать их нужно в другом месте. У нашей команды есть план в следующем году обследовать гору Бесениху, находящуюся на другом берегу Сысертского пруда. Если верить местным легендам, там есть что поискать.

«Изумрудный берег» исцеляет тело и душу!

На живописном берегу Режевского пруда, под зеленой шапкой леса расположился оздоровительно-санаторный комплекс «Изумрудный берег».

Здесь можно и отдохнуть, и здоровье поправить, и природой насладиться. Санаторий готов принимать гостей круглый год.

Вы сможете пройти полный курс профилактики и лечения заболеваний:

- аллергических;
- сердечно-сосудистой системы;
- органов дыхания;
- опорно-двигательного аппарата;
- нервной системы;
- органов чувств;
- гинекологические;
- кожи.

В «Изумрудном берегу» огромный выбор лечебных процедур. Это и галокамера – соляная комната с эффектом морского воздуха, грязелечение, аппаратная физиотерапия, водолечение, ручной и электро-массаж, гирудотерапия, косметология (аппаратная, программы ухода за лицом и телом), кислородолечение и фиточаи. Организуются поездки на радоновые источники в областную больницу «Липовка», которая находится недалеко и называется «Храм здоровья».

В «Изумрудном берегу» два бассейна длиной 10 и 25 метров, банный комплекс, бар, бильярд, оборудованы детские и спортивные площадки.

Здесь созданы все условия для оздоровления детей. Можно получить значительную скидку при покупке путевки «Мать и дитя». Это отдых и лечение для двух человек: взрослого и ребёнка. Причём восполь-

зоваться ей могут не только мамы и папы, но и бабушки, и дедушки, то есть любой взрослый, кому родители доверят своего ребёнка.

Круглый год работает детский санаторно-оздоровительный лагерь. Без отрыва от учебы ребенок сможет полноценно отдохнуть и здоровье поправить. Ведь рядом с ним будут педагоги, воспитатели и вожатые. А путевку можно приобрести как самостоятельно, так и за счет средств Фонда социального страхования.

Новинкой сезона является программа «Антистресс». Уникальное сочетание медицинских программ с санаторно-курортным лечением сделали ее особо актуальной у жителей Свердловской области. Если у вас ежедневные головные боли, рассеянность внимания, плохой сон, раздражают любые мелочи, срываетесь из-за пустяков – значит, вам необходима наша программа «Антистресс». В программу входит прием невролога, который назначит индивидуальный курс лечения; медикаментозное лечение – внутривенные инъекции стимулирующих и восстановительных препаратов, а также водные и физио процедуры, кроме этого прекрасный воздух и хорошее питание восстановит вас в достаточно короткие сроки. Программы рассчитаны на 5, 7, 10, 14 дней.

Мы рады вам всегда!

**г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8(вход со двора) ;
Телефон: (343) 371-98-12; 359-84-79, 371-28-06
8-912-66-000-16, 8-912-26-25310.**

www.izumrud-bereg.ru

E-mail: izumrud_bereg@mail66.ru

Рудольф ТИХОНОВ,
фото предоставлено автором

Петля

В течение нескольких лет, по выходным, мы с друзьями и знакомыми посещали эти места на Чусовой. Станция Мраморская, час ходу по лесным увалам. Вот и петля на Чусовой.

С собой брали палатки и байдарку-одноместку. Петля была вроде полигона для обучения управлению байдаркой. Лагерь обычно ставился на поляне в самом узком месте, где от берега до берега Чусовой на петле было метров полтора, а по петле около полукилометра. Здесь устраивались гонки по времени — два заплыва вечером, два заплыва утром.

Особенностью этого места были соловьиные концерты. Они начинались с вечера, как только стемнеет, и продолжались до утра. Проплыть по петле на байдарке в темноте и послушать соловьиный концерт — непередаваемое впечатление; особенно когда поют два, а иногда — три исполнителя.

Таинственные черные заросли по берегам, плеск весла и разливы соловьиных песен. Шумный лагерь с песнями под гитару ни в коей мере не смущал певунов. Костер дополнял картину концерта. Его потрескивание вплеталось в коленица их пения — создавая очарование. С Чусовой напознал туман, и звуки лагеря стихали, оставляя природных певцов выступать одних под летними звездами, едва видными сквозь слой тумана, подсвеченного припозднившимся месяцем.

Чусовая была прекрасна в эти моменты; соловьи — чудо, тихий плеск струй, приглушенные разговоры в палатках — все это настраивало на торжественный лад. Эти ночевки под соловьиные песни настраивали наши души слитно с природой, давали заряд бодрости. Соловьи под утро стихали, уступая концерт-

ным программам утренних певцов. Изредка всплескивала рыба на просыпающейся реке. Туман ушел, оставив сырость на палатках и байдарке. Вот уже принесены дрова, и костер завел свою песню, бросая искры, потрескивают поленья, лагерь проснулся.

Снова заезды на байдарке, рыбаки замерли на своих постах. Новый день начался, река оживилась, пропала ночная таинственность и торжественность природы, бурлит вода на пере-

праве через Чусовую в самом узком месте петли.

Сегодня экскурсия на мраморный разрез; там с тихим скрежетом работают камнерезные машины с громадными пилами, выпиливая многометровые квадратные колонны от мраморного пласта. Окрестность завалена бракованными глыбами правильной формы. В лесу великое множество клещей — только успеваем осматриваться и сжигать непрошенных гостей.

Ночь

Было на Чусовой у деревни Мартьяново. Припозднились на сплаве. Плыли на паре плотов. Тут же на плотках варился ужин. Причалили к берегу, забили колья, пришвартовались, остановились на ночевку. В лагере гомон, разговоры. Поставили палатки, поужинали, теперь – отдых.

Небо чистое, в яркой россыпи звезд; редкие облака, подсвеченные зависшим над сонным миром огромным месяцем, тихий перелив журчащих струй реки у причаленных плотов; все это создавало таинственную картину спустившейся над миром весенней ночи. Птицы давно смолкли, только отдаленный лай деревенских собак, чем-то обеспокоенных, нарушал эту торжественную тишину, да обрывки разговоров подгулявших мужиков – праздники в разгаре. Еще, пожалуй, звон и гудение уже появившихся комаров да всплески ондатр, уже

обследующих причаленные плоты. Над кострами лагеря повисла торжественность весенней ночи.

Разговоры шепотом, иногда перезвон струн настраиваемой гитары, журчание речных струй у плотов вторгались в эту торжественность. Редкие облака сменились прозрачными перистыми полосами, скрадывающими яркий блеск звезд и еще более смягчающими свет месяца. И вдруг в эту гамму звуков ночи влилась одинокая тихая песня женщины, в лодке переправлявшейся через реку.

Звуки завораживали, песня лилась свободно, без надрыва. Не разобрать, о чем, но о чем-то душевном, сокровенном, своем. Молодой голос звучал в ночи, передавая настроение исполнителя. Эта песня как будто явилась сигналом – в лагере, у костров, прозвучали, пока несмело, несколько песен под гитару; потом

все свободнее полились напевы слаженного хора наших исполнителей.

Яркий свет звезд, месяц, плывущий по полосе перистых облаков в молчаливом небе, плеск невидимой уже реки, тихие звуки песен создавали неповторимый придаваемый таинственному звучанию весенней лунной ночи над Чусовой. Лес, обступивший лагерь темной стеной, только усиливал очарование, песни смолкли; людям не хотелось нарушать гармонию природных звуков.

Скоро вставать, и новый рабочий день привычно зазвучит в лагере. Проснулись дежурные, завжикала пила, раздалось потрескивание подживленных костров; занялась заря, начали перекличку соловьи. Звезды исчезли, а месяц одиноко плыл и слабо светился, возмущенно взирая на всю эту рассветную кутерьму.

Молевой сплав

На подходе к камню Столбы на правом низком берегу Чусовой нам представилось любопытное явление. Берег был уставлен громадным количеством штабелей леса. Два бульдозера методично сталкивали штабели с откоса в реку. Бревна с грохотом сыпались в воду с откоса, и река уносила эту сыпавшуюся массу на своих струях. Бревна плыли, сталкиваясь, ныряя, догоняя друг друга. На речной струе возникал поток из бревен. Плыли березы, осины, сосны, ели и пихты. Видно, лес штабелировали с осени; под штабелями оставались снежные сугробы и ледяные площадки. За зиму влага из древесины повымерзла, бревна имели

хорошую плавучесть. Лесины догоняли наш плот и довольно чувствительно ударяли в него. Плот шел в струе этой бревенной мешанины, захватившей его, и стал неуправляемым. Некоторые бревна ныряли под плот и ощутимо долбили его, всплывая. При подходе к берегу плот подстерегала другая опасность. Бревна наталкивались на подводные камни и становились силой течения поперек реки, норвя выскочить на плот. Приходилось шестами отталкиваться от таких «гостей». Целый день прошел в напряженной борьбе с бревенным потоком. Бревна цепко держали нас в плену; на обед пристать не удалось, у плота скапливался затор

из бревен, грозя сорвать чалки. К вечеру вырвались из потока бревен и причалили к правому берегу. Назначили дежурных с шестами, они все время провожали шестами бревна мимо плота. С утра отчалили и пристали к кресту против камня Писаного. У креста встретили двух девушек-байдарочниц с оптико-механического завода г. Свердловска. Крест поставлен по повелению Акинфия Демидова в честь рождения сына. Есть два креста: один из цельного камня, установлен на берегу, другой высечен на скале против первого. Существует легенда, что Чусовая имеет в этих местах второе дно, выстеленное затонувшим лесом.

Анюта

Дом на полустанке Якушиха ставил путеобходчик Егор Якушев году этак в пятнадцатом. Его сын, Яков, родился уже в новых стенах. Родителей Якова рано увезли на станционное кладбище, даже не дождалась они невесты, которую их сын, тоже путеобходчик, привез на другой год, в тридцать девятом, из недалекого поселка Красноглинного — Анюта в том же году тоже осталась сиротой.

С войны, в сорок четвертом, Яков вернулся хворый. Не жил, не умирал на своем полустанке. Анюта держала мужа.

1.

Яков Егорович Якушев преставился в 3 часа 44 минуты. Так показали ходики, неумолчно стучавшие в комнате над большим портретом Ленина. Они и потом продолжали себе стучать, когда Якова не стало.

Анюта которую уже ночь забывалась только к утру, понимая, что жизнь покидает Якова и держится в нем на каком-то тонюсеньком волоске. Может быть, думала Анюта, этот волосок она сама и есть — мужнина половинка. Только отвернись, смежи веки — а смертушка Яшина тут как тут.

Ей так и показалось, что на какое-то мгновение она отвела от Якова взгляд, посмотрела куда-то в себя — и на тебе. Яша уже не с ней.

И она посмотрела на ходики — 3 часа 44 минуты.

А когда часы при этом не остановились ни на миг, ни на секунду, Анюте стало страшно. Ходики ей всегда представлялись живыми — как она, как Яша, как корова Милка. Но живое ведь не может не остановиться хоть на миг... на минуту молчания?

— Яша, — позвала она. — Яша, ты что же это? Вот так ушел — и все? Ни слова, ничего? Как же ты? А я? — она схватила его за нательную рубаху и затрясла, потом упала, обняла собой всего, думая, что еще можно вернуть жизнь, заставить биться в нем.

Потом замолкла, прислушалась. Тикали ходики. Где-то за стеной их дома, во дворе, пробовал голос петух.

Муха вдруг забила о кухонное стекло. И свои пальцы, всю себя она чувствовала живой. А Яков под ее руками, под ее грудью остывал.

Ведь я... как же это я проглядела-то? Яков, ты что же думаешь, я смогу теперь одна? С Милкой, с огородом, с дровами? А с сеном как? С сеном? У носилок ведь четыре руки, Яша? А рыбалить? Ты же меня к своим снастям сроду не допускал. Думаешь, так можно, Яша? А если бы я? Да разве ж я смогла бы?

Вся бездна одиночества разверзлась перед ней, одиночества, невидимого миру, а живущего в ней самой. Невозможного, не вообразимого в самом кошмарном сне. Не одиночества даже, а безобразной, уродливой неполноты, бессилия и ни на что теперь не годности своей. Не помня себя, она то падала на него, то вскидывалась, стуча кулачками по немой груди.

Перед ней мельтешила и мельтешила прожитая с Яковым жизнь. Оказывается, Яков всегда был рядом, едва ли не в ней самой — доила ли она Милку, месила ли тесто для пирога, сбивала ли сметану в масло или ехала гостевать. Его мужское, надежное жило с ней, хоть и немощен он был из-за угнездившегося в нем ранения.

— Яша-а-а... — заголосила Анюта. — Яшенька-а-а, соколик мой ненаглядно-ой.

Изнеможенная, она упала рядом с ним. И перестали стучать ходики, замолкли звуки за стеной, угомонилась муха...

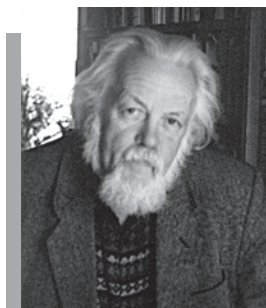
Сколько времени прошло, когда услышала Анюта за окном ясный и громкий голос соседа Тимофея Поткина:

— Анюта! Спишь ли, чо ли? Слышь, Милка-то заревелась вся.

Анюта вскочила, словно ее застали за чем-то постыдным. Ей показалось, что голос этот поткинский уже давно слышится ей за окном.

Стоял день, солнышко поднялось и купалось в реке, рылись куры за оградой, Милка мычала — просилась на дойку.

— Иду-иду, — отозвалась Анюта, осторожно оставляя постель и Яшу. Она и завсегда вставала раньше Якова. И

Юний Алексеевич Горбунов — редактор отдела истории и краеведения в журнале «Уральский следопыт». После окончания УрГУ работал в редакциях уральских газет, журнале «Урал». Был инициатором создания и первым руководителем всероссийской общественной организации «Содружество павленковских библиотек». Автор книги об издателе-просветителе Ф.Ф. Павленкове и многих научно-популярных статей о нем, серии очерков о женщинах великокняжеской Руси, нескольких книжек публицистики, составитель словаря «Писательницы России». Очерки и рассказы печатались в «Уральском следопыте», «Урале» и другой уральской периодике.

нынче мелькнуло: пусть полежит — не война. Пусть в последний раз и навсегда.

И начался ее первый день без Яши.

Хоронили Якова на погосте станции Урай, в трех с небольшим километрах от Якушихи — начальник выделил дрезину.

На ее платформе, вокруг гроба, сколоченного Тимофеем Поткиным, уселись двенадцать человек провожающих. Анюте оставили место у изголовья, рядом с пирамидкой, наскоро сваренной из железных прутьев и увенчанной звездой, но она все опаздывала, стараясь ничего не забыть и всех рассадить.

Яков лежал строгий и молчаливый, каким и был всегда. Только в этом синем бостоновом костюме, всего-то раза три надеванном при жизни, его мало кто видел, и эта необычность выделяла его среди провожающих. Он, как и все, терпеливо ждал, когда Анюта закончит свои хлопоты, взойдет, подхваченная несколькими руками, на платформу и, поправив черный свой платок, присядет на лавку у изголовья мужа.

Вот тогда дрезина тронулась.

Под стук колес бабы и мужики громко говорили про погоду, про Горбачева и Ельцина, про то, что третью неделю нет дождя и на капусту и прочую огородную овощ идет столько воды, что кажется Сосьва обмельела как никогда прежде.

— А ты, Яков Егорыч, о том не думай, — сказал Тимофей Поткин, возвращая провожающих к теме дня и что-то поправляя у покойника. — Не твоя енто теперь забота. Отдыхай себе.

Вздрагивая на рельсовых стыках, дрезина шевелила и покойника, уравнивая его со всеми сидящими.

У Анюты не было мыслей в голове. Она только силится вспомнить, когда же Яша эти три километра до станции ехал, а не шел пешком. И припомнить не могла. «Неужто впервые?» — слабо удивилась она.

...Обратно с кладбища шли пешком вдоль рельсов, растянувшись двумя цепочками. Начальник станции тоже почтил поминки своим присутствием. По этому поводу Анюта хлопотала вдвойне, рассаживая тринадцать присутствующих за уже готовым столом. Все у нее было под рукой, обо всем она подумала заранее. Была хлопотлива без суеты, улыбочива и предупредительна к каждому. За поминальным столом водки наливала еще и еще. И обратно на станцию провожавшие, исключая Тимофея Поткина с сожигательницей Светой, шли по рельсам неровно, то и дело пытаясь затянуть песню.

2.

Оставшись совсем одна, убрав со стола и перебив в горячей воде посуду, Анюта присела за столом напротив полного нетронутого стакана мужа, накрытого ломтем хлеба.

В эту пору дня Яша привычно доставал из ящика комода свою толстую тетрадь, собранную из нескольких ученических в одну клеенчатую обложку. Достала и она. Осторожно открыла тетрадь — знакомую и такую таинственную, Яшину, еще державшую в своих закоулках

запах его руки и его дыхание, неведомую ей его бытность. Она долистала исписанное до чистой страницы и, удивляясь своему почерку, своей руке на белом листе бумаги, написала: «3 июля 1994 года в 3 часа 44 минуты Яков Егорович Якушев кончился».

Буквы складывались в слова трудно, ложились на бумагу не по-яшиному, словно Анюта впервые в жизни делала эту не свою работу — мужскую, мужнину, неведомую ее руке.

Странное родилось ощущение. Были, оказывается, в доме, во дворе, за оградой предметы, практически ею не задеваемые — Яшины. Их, казалось бы, не так уж и много было за точившей его изнутри хворью. Но они были, и отсчет их Анюта начала вот с этой тетради, которую прежде, сколько помнилось, никогда не держала в руках.

Теперь она жила за двоих, и то иное, мужское, ей неведомое, предстояло ей найти в себе самой, если довелось теперь одной жить дальше.

Страницы, как самые Яшины ладони, держали в себе его неведомые ей слова и мысли. Эти слова были еще теплы, как остывающие в руке картофелины.

«18 февраля 1944 года, — читала Анюта, — t утром — 16 градусов. Сильная потайка. Одна сосулина на крыше коровника достала до земли — еще и Милка надышала. Ночью на смелился и сказал Анюте, чтобы сходила на ночь к Поткину Тимофею. Все свой человек, сосед. Пока он без бабы. Анюта ничего не сказала, только проплакала до утра. Совсем не спали».

Лицо Анюты жаром занялось, когда прочитала, словно бы кто услышал.

— Когда это было-то, Яша, — горестно закачалась она над тетрадью.

...С фронта Яков пришел живой после долгих госпитальных лежаний. Все при нем вроде было — руки, ноги, голова. Но скоро оказалось, что не все. Оставшийся после ранения недуг обнаружился в первую же ночь. Весь влажный и холодный, Яков вдруг отстранился от нее, горячей и напряженной. Долго лежал недвижно, откинувшись на спину. Анюта потом только поняла, что тогда творилось в его душе. А поначалу, остывая и не догадываясь, она целовала его холодные, словно окаменевшие, щеки и говорила, говорила...

— Яша, миленький, да не бери ты в голову, отдохнешь, отъешься на Милкином масле... Мы с тобой еще столько деток нарожаем, Яшенька.

Но проходили ночи одна за другой. Все меньше было слов у Анюты для Якова. А он... Ой лихо было Яшеньке, ой лихо! То ожесточался он в постели до бессильного пота, то лежал закаменевший и безмолвный.

Наконец однажды собрался и поехал в город, в железнодорожную поликлинику.

День, потом другой не было Якова дома. Анюта места себе не находила, из рук валилось все. То и дело поднималась на насыпь, высматривала мужа.

А он пришел, словно с неба упал, видать, берегом Сосьвы возвращался, чтобы подлиннее да побуреломнее выбрать путь — это по февральскому-то снегу берегом!..

Увидев Анюту, только махнул рукой и принялся за обычные домашние дела.

Ночь, другую, третью лежали они рядом, почти не касаясь друг друга, а на четвертую Яша и сказал ей это.

Тимофей Поткин и впрямь был почти своим. Всего два двора и стояли в Якушихе, и второй был Тимофея Поткина. Отцы Якова и Тимофея построились рядом, образовав полустанок, который почему-то обрел имя Егора Якушева — Якушиха. Дома с той поры обросли пристройками. Выгоны и огороды, обнесенные живой ивовой изгородью, то и дело удлинялись между берегом Сосьвы и насыпью железной дороги — земли и заливных лугов было здесь не меряно.

Яков незадолго до войны привез в дом Анюту, а Тимофею Поткину с женами ну никак не везло. Поживет одна год-полтора, бывало, даже народит ребеночка и подастся в город — дорога-то железная рядом. Пригородные поезда у Якушихи притормаживали, если машинист видел на насыпи своего человека, а дальние проносились, не оглядываясь. В чем была у соседа причина — не кому было о том и посудачить в Якушихе. Тимофей Поткин, когда ждал с Анютой или Яковом вагон-лавочку под навесом, после очередной «жены» только посмеивался:

— Не моя оказалась. Опеть чью-то чужую прихватил.

Анюта пошла к Тимофею Поткину на следующую ночь. Отложить, не выполнив мужнина приказа, она не могла. Пойди она двумя-тремя днями позже — это была бы уже не Яшина, а как бы ее собственная затея.

С Яшей она глазами не встречалась — не то чтобы разговаривать. Будто повздорили они. Собралась на скорую руку — словно бы на вечернюю дойку. Или соли у Тимофея занять. Сколько раз перед тем репетировала свой приход к соседу, а так ни на чем и не остановилась — шла, как в ледяную воду.

Фонарь на столбе у ворот был у них общий. Подошла к воротам. Как открыть задвижку, конечно, знала, но сама открывать не стала, а отчаянно, как ей показалось, застучала железной накладкой, чтобы Серко залаял, позвал хозяина открыть.

Тимофей вышел в валенках и нательной рубашке, цыкнул на Серка.

— Ты ли, чо ли, Яков? — спросил. Кому еще было в эту пору года и в такой час?

— Это я, Тимофей, Анюта.

— Ну так што колотишша. Не знашь, ли чо ли?

Анюта молчала. Ждала, когда откроет. Ей вдруг греховно так подумалось, что знай Тимофей, зачем шла к нему Анюта, стоял бы у ворот в фонарном круге молодецом, а не в пимах и рубашке навывпуск.

— Слышь, Тимофей, что хочю сказать-то, — начала Анюта загадочно, понуждая хозяина впустить ее во двор, а потом и в избу. Обычно-то у них было принято сразу у порога, а то еще и голосом из-за ворот говорить свою надобность — какое у Анюты к нему личное дело может быть?

Пропустив Анюту в дом, Тимофей продолжил то, что делал — щепать кухонным ножом лучину для растопки печи.

— Ты что сегодня с печкой-то припозднился? — обрадовалась Анюта возможности начать разговор.

— А што мне? Ночь-от дли-инная. Это вам с Яковом есть чем заняться ночью-те, а мне, бобылю, только в трубу палить. Садись, гостьей будешь.

Анюта и так-то была напряжена как бельевая веревка, а после слов Тимофея и вовсе не знала, как начать. «Ведь могла бы догадаться, что он скажет на ее приход, охальник. Подобрать слова».

— Мы с Яковом знаешь, что подумали, Тимофей, — начала, наконец, Анюта, радуясь тому, что хозяин занят растопкой и не смотрит на нее.

Произнеся «с Яковом», она вдруг представила его себе сейчас в доме одного. Уже ведь сколько времени-то прошло?! Наверно, ходит по комнате, думает, что его Анюта, поди, сговорила с Тимофеем. Налаживают вместе чайком побаловаться перед ответственным делом. А то у Тимофея и чего покрепче найдется.

Она даже видела его лицо — какое-то детское, беспомощное, какое было той первой ночью после немца, его руки видела, бесполезно ищущие сейчас заделья и не находящие ничего, и плечи, плечи его видела, задрожавшие вдруг от неслышного рыдания...

«Яшенька, миленький мой, — ужаснулась Анюта. — Да как же мы могли, бесстыжие? Это какое же наваждение ослепило нас с тобой, Яшенька». И она заторопилась:

— Да ты послушай меня, Тимофей, отступись от печки-то. Мы ведь что с Яшей подумали — пчел завести. А твоя Глафира, помню, говорила мне про отцову пасеку. У тебя случаем ее городского адреса нету ли?

— Ты, Анюта, што, прямо нонче собралась в город-те?

— Так Яша говорит, завтра бы и слетала с алапаевским. Он ведь знашь у меня какой?

— Ну слетай. Дам я тебе Глафирин адрес. Только чур — девку мне из города вези, — захохотал Тимофей и молодецкато притопнул валенком. — По себе, слышь, выбери.

— Ладно, заболталась я с тобой, охальником.

Анюта перевернула страницу Яшиного дневника и нашла 19 февраля. Сначала, как всегда, шли погодные сведения, а за ними сразу, без абзаца: «Анюта не насмелилась».

3.

Теперь Анюта каждый раз после трудового дня брала Яшин дневник и, подделываясь под его стиль, записывала погоду и новости. А заодно листала и свою с Яшей жизнь, зацепившись за какое-нито отмеченное им событие.

Яков был скуп на слова, шел по белым страницам тетради, как по минному полю, выбирая, куда ступить. Но перед глазами Анюты то, чего коснулось его перо, воскресало целым рядом картин с мельчайшими их подробностями. Яша только набрасывал контур, а уж Анюта дорисовывала картину со всеми ее деталями. Это было как чудо и волновало Анюту.

«Милка повредила левую ногу, когда всходила на поветь», — прочитала Аня под 27 апреля 1962 года. И встал перед ее глазами тот апрель...

Весна в Якушихе любому времени года фору даст. «Переживу весну — еще год не усну», — радуясь нежданно красивому сочетанию звуков, говорила Аня.

Причиной тому была Сосьва. Обычно невеликая и медлительная, весной река непременно выходила из берегов, затопляя всю округу до самой железнодорожной насыпи. А были весны, так и насыпь кое-где перехлестывала ее неумные воды, и приходилось поездам омыwać колеса речной водой.

Половодье Якушиха ждала и встречала как трудный и непредсказуемый праздник, каприз природы. Что выкинет Сосьва в очередное свое гостевание на лугах, огородах и дворах якушевских обитателей, знать никто не мог. Принесут ли дров на зиму ее вездесущие воды, вымывая топки и собирая по берегам застрявшие в ивняке остатки бывшего некогда лесосплава? Будет ли вода добычливой на рыбу, ведь промышлять саком в пору половодья можно было не выходя со двора? Хорошо ли удобрит на лето заливные луга речным взбаламученным илом? А уж чем еще порадует или огорчит расхолодившаяся река — одному Богу известно.

К апрелю Якушиха готовилась загодя. Только пригреет солнышко и начнутся потайки, Яков уже проверяет и отлаживает поветь, куда на время половодья поднимают Милку, кур, собаку Волгу со всем их обиходом. А Аня и из избы поднимала все, что может понадобиться для жизни между небом и водой. Лодка конопатилась и обсмаливалась. Плотики — один другой — причаливались к ограде в ожидании воды. Весь мелкий обиход, что может быть смыт и унесен, прятали хозяева от водяного.

На случай, если взбеленится река и перекроет насыпь, запасались мукой, крупами, сахаром, а Яков не забывал схоронить на повети и пару лишних поллитровок «Перцовой» — Семков с кем-то из друзей обязательно нагрят порыбачить на вольной воде, побаловаться саком: когда как не в половодье поживиться едва ли не даровыми щурятами да окунями. Затеет Аня уху и посылает кого-то из гостей сгонять на плотике и сакануть в заливной траве. Уже через час стоит на повети густой ушиный аромат, и Волга переступает и повизгивает в ожидании остывающей щучьей головы...

В апреле в Якушихе на повети и стол, и дом.

А той весной Милка в этой суете где-то и повредила заднюю левую ногу. И ни Аня, ни Яков этой Милкиной беды сразу не заметили. А только в самый разлив воды. На дойку Милка поднялась с трудом, стояла беспокойно и весь остаток дня не покидала сеной подстилки.

Яков с Аней Милку пошевелили, поспрашивали и дошли до левой ее ноженьки — батюшки-светы, а там нарыв уже почти с Яшин кулак, и черный Милкин «чулок» этим нарывом вздулся, обнажив лиловую кожу.

— Да что же ты молчала, Милочка, эо место? — взмолилась на нее Аня. — Ведь мы же с Яшей ни сном, ни духом. И где это тебя угораздило, красавица моя?

Милка переставала жевать и косилась на Аню большим коричневым глазом, неохотно впуская ее в свою грустную коровью думу.

На станции Урай своего ветеринара не было. С утра Яков наладился в город.

До насыпи доплыли в лодке вместе с Аней. Мутная желтая вода беспечно играла приливом и отливом в полуметре от рельсов. Якушевы стояли и смотрели на два беспомощных домика с пристройками посреди широкой — глазом не охватить — водной глади. Ивовые и черемуховые заросли вдоль берегов Сосьвы теперь, казалось, плавали где-то посередине разбежавшейся во все стороны реки. Не видать и изгороди, только бьются друг о друга выловленные Яшей и заякоренные бревна. И дом их, и покосившаяся издали поветь тоже, казалось, беспомощно плавали. И где-то там, невидимые, ждали их родные живые существа, доступные малейшей прихоти ветерка и течения.

Алапаевский пригородный — дай ему Бог здоровья! — тормознул, машинист помахал рукой из кабины, и проводница предпоследнего вагона открыла дверь и опустила подножку — Якова в этом поезде знали.

— Поезжай с Богом, — сказала Аня вслед Якову и, дождавшись, когда паровоз пустит пары, оттолкнула лодку и поплыла к Милке.

День прошел в уверенности, что помощь вот-вот придет — или с какой дрезиной, или вечером опять с алапаевским пригородным.

Но солнце дурило, перепутав апрель с июлем. Сосьвинская вода поднималась на глазах, принимая в себя бесчисленные речки и ручьи, текущие с гор. Аня со страхом смотрела на сходни, ведущие к ней на поветь: после Яши уже четыре ступеньки ушли под воду. А солнце все палило, все било прямой наводкой в проем повети и в Милкин белый бок. Шерсть лоснилась, то и дело занимаясь мелкой дрожью.

Аня сидела рядом с Милкой на доильной скамейке, и ничего, кроме Милкиной беды, ей в ум не шло. Смотрела за двор и ворота на дальнейшее течение Сосьвы, а там то и дело проплывала разная нежить, оторвавшаяся от своих корней: забытый кем-то стожок осевшего сена с косо торчащим стожаром, необитаемый плот с горкой какого-то хлама, а вон и целая банька неспешно проплыла, еще почти новая, с остатками железной трубы на рубероидной крыше. Распахнутые двери предбанника словно что-то кричали разухабистое и отчаянное... Вода — это уже нельзя назвать рекой — затеяла с человеком опасную и коварную игру. Занедужившая Милка на полустанке Якушиха оказалась прямо в ее эпицентре.

Когда в положенное время алапаевский не пришел и на рельсах вообще не было никакого движения, Аня поняла, что помощи Милке сегодня не будет. Высмотрев на рельсах Тимофея Поткина — его была нынче смена — она закричала, еще не теряя надежды:

— Ну что там, Тимофей?

— У оврага насыпь размыло. Ходил на станцию рабочих звать. Только к ночи посушили. Молись, Аня, чтобы ночью рельсы не сели, если так-то пойдет.

Теперь Анюта знала: Яков помочь не в силах. Сидит, поди, в закутке у дежурного на станции Урай и держит ветеринара всякими посулами. А у того, видите ли, дел невпроворот, он капризничает и набивает себе цену.

И еще знала она: Милкина судьба теперь на ней лежит.

Анюта вернулась на повесть и поместилась у Милкиной головы. Милка лежала, вытянув шею, и глядела на нее терпеливыми бабьими глазами. Опухоль накрыла полноги и багрово просвечивала сквозь сухую черную шерсть. Встать Милка уже не могла, а вымя ее просило дойки.

— Ладно, Милушка, ладно, сердешная, лежи и лежи, кровинушка моя, мы и так тебя подоим за милую душу, — приговаривала Анюта, и уже не было в ее голосе и движениях растерянности и ожидания. «На войне как на войне», — звучали в голове когда-то услышанные по радио слова.

В жизни Анюты и Якова была только одна война. Она никого не унесла — некого было, и Якова вернула ей какого ни на есть. Анюта помнила войну как землетрясение или вселенский пожар, которые каким-то чудом обошли Якушиху своей неминуемостью.

Она придвинула скамейку к вымени, обмыла его теплой, из чайника, водой, что ждал своего часа на электроплитке; приспособила тазик и ударила по нему первой молочной струей.

Милкина шерсть мелко вздрагивала то там, то тут. Милка то и дело вскидывала голову, будто силилась что-то сказать Анюте. Раз, потом другой Анюте пришлось опрашивать посудину, чтобы молоко не лилось на пол, но вымя уже слабело. Милка лежала, не поднимая головы, но всем своим существом благодарила Анюту за временное облегчение.

К концу дойки совсем смеркло над водой. Сходни уходили в глубокую темь, но, осветив их фонариком, Анюта увидела, что еще одна ступенька погрузилась в густую черную воду...

День прошел в хлопотах вокруг Милки. Анюта ничего не готовила и не ела — просто в голову не шло. Делала Милке болтушку из отрубей и картошки, сдабривая ее же свежим молоком. Но Милке тоже было не до еды. Поднять ее хотя бы на колени не было никакой возможности. Анюта меняла под ней подстилку, убирая мокрое и грязное сено. Под большую ногу соорудила подушку из сена и своего старого халата. Пытаясь разбудить в Милке аппетит, выбирала из сена зеленые и пахучие цветы и траву, клала перед ней охапкой. Милка, подняв голову, доставала траву губами, но голова тотчас беспомощно падала, и Милка скоро переставала жевать.

К ночи ей стало совсем плохо. Поднялась температура, и все большое Милкино тело ходило ходуном. Ногу разнесло, она лежала на сенной подушке, словно была и не ее вовсе, а чужая.

— Потерпи, Милочка, потерпи, солнышко мое, — обливаясь слезами, уговаривала Анюта, а сама лихорадочно вспоминала, где в доме что лежит.

Глядя на Милкину ногу, Анюта понимала, что грядет какой-то финал. Милкино тело горело.

Решительно спустившись по сходням на плот, который маленьким паромом по веревке ходил от сходней к дому и внутрь него, Анюта вплыла в сени, потом на кухню, в комнату. Темная вода билась по стенам.

В верхнем ящике комода, под которым ходила и, казалось ей, стремительно прибывала вода, нашла бинт и вату, пузырек с йодом; в другом ящике — Яшину опасную бритву..

За окнами и за распахнутыми дверьми дома стояла густая темнота и, мнилось ей, вместе с водой вползала и заполняла кухню и комнату. И где-то там, в этой темноте, между звездным небом и черной водой еще жила, еще дышала, еще страдала, еще ждала ее Милка. И кроме нее, Анюты, не было на свете человека, который был бы в силах помочь ей.

Рассовав все по карманам халата, она заторопила плотик назад, к сходням — целая вечность прошла, как оставила она Милку.

Милкино черно-белое тело горело и ходило ходуном, только больная вздувшаяся нога недвижно лежала на подушке.

— Сейчас, Милочка, сейчас, родимая, — заторопилась Анюта, делая все механически, одними руками. Плача навзрыд в пустоту безлюдной ночи, она подставила под Милкину ногу чашу, сунула лезвие бритвы в кипяток и, зажмурив глаза, полоснула бритвой по лиловому.

Милка не вскинулась, не взревела, наверно, это была уже не боль для нее.

Когда глянула на дело рук своих, чаша была полна бело-розовым. Милка лежала без движения, словно лезвием бритвы не жизнь ей облегчила Анюта, а смерть.

Анюта схватила толстый марлевый тампон, горсть ваты и всем этим сдавила Милкину рану. Бело-розовое тотчас наполнило чашу и потекло на пол, на подушку, на сено. Дождавшись, когда последует кровь, другим тампоном она накрыла рану, густо и плотно обложила ватой и принялась бинтовать. Ни нога, ни сама Милка не подавали признаков жизни.

— Дай господи... дай господи, — непроизвольно, словно сами собой, шептали Анютины губы. — Дай здоровья Милушке моей, господи!

Больше не было сил, и Анюта, уронив голову на горячий Милкин живот, провалилась в сон.

Но и сон не дал ей освобождения. В поту и бреде она продолжала опасную операцию. И Яков был с ней, и тоже порывался к Милке, а она все пыталась его остановить, уберечь Яшу от Милкиных умиротворенных глаз: ведь ему, сердешному, придет срок вести ее к бойцу...

А потом возник перед ней старец, ликом похожий на Якова, но весь в бороде и усах. И длинные прямые волосы спадали ему на плечи. Это был Бог, смотрел взглядом неземным, безгреховным, и она, уже обесиленная, услышала его слова:

— Ты, Анюта, просила Милке здоровья — я ей дал. А у кого, скажи, мне было взять его? У тебя и взял.

С рассветом на полустанок Якушиху прошла-таки дрезина с Яковом и дремавшим на чурбаке ветеринаром.

На зов Якова Анята не отозвалась, и на лодке за ними приплыл к насыпи Тимофей Поткин. Он ничего не мог сказать Якову, что и как у него там, на повети, да Яков особо и не спрашивал. Он плыл стоя, прямой и суровый, готовый ко всему. Оставив в лодке замешавшегося ветеринара, взбежал на поветь.

Анята спала, припав головой к мерно вздымавшемуся Милкиному животу. Перебинтованная Милкина нога лежала на сенной подушке. Рядом стояла чаша, накрытая белым лоскутом. А по повети, пронизанной солнцем, из угла в угол носился утренний воробей, оглашая мир неумным чириканьем.

4.

Эту запись в тетради Якова Анята не искала — боялась. Боялась и помнила каждый свой миг.

Анята любила гостевать. По натуре была она общительная и веселая — выпадает другая карта, дала бы фору многим плясуньям-хохотуньям. Но оказавшись по жизни возле молчуна и инвалида, она брала свое нечастыми гостеваниями.

Собиралась загодя, едва ли не всю долгую зиму и суматошную весну. Готовила и берегла в подполе наливку — любимую Яшину рябиновую да еще клюквенную, какую обожал их постоянный гость Семков. Варила студень из телячьих лыток; если первый не удавался добрым трясуном, оставляла для себя, а гостям настаивала второй, третий...

Кульминацией подготовки был у нее пирог из щурят. Его в городе ждали в разное время сразу несколько семей, но первые завсегда — Семковы. Это было фирменное Анятино блюдо — пирог из сосьвинских щурят.

Его зачинала, когда определен уже день гостевания, в ночь перед ним, чтобы пирог в дороге сохранил-сберег в начинке хоть самую чуточку ядерного тепла русской печи.

Сначала ставила на воде опару — мука, дрожжи, сахар, соль. Брала все щепотью, испытанной русской мерой. Потом колдовала над тестом. Делала в муче мягкое гнездышко, с каким-то своим неслышным миру наговором разбивала туда яйца, взбивала их в этой лунке, добавляя молоко с водой, размягченный маргарин — он тесто рыхлит и растительное масло — это дает сладковатый «коровий» запах. Вливали опару.

Потом начинался процесс замешивания. Сначала веселой Яшиной работы — не менее, как сто раз, пока тело будущего пирога не загустеет. А уж потом... Потом она творила его руками. И из теплых своих ладоней дарила ему и неумную энергию, и нерастрченную веселость, и несбывшееся материнство, и счастье будущего гостевания. Без этого всего, знала Анята, тесту не бывать и пирогу не состояться. В это время она, как шаман-язычник, ничего не видела и не слышала вокруг. А только руки, только песню, с которой встала до петухов.

Готовое тесто легко отстает, отходит от рук, словно бы начинает жить своей, уже неподвластной ей, жизнью.

Боясь присесть и опустить на колени обессиленные руки — им в это время нельзя давать спуску — налаживала лист, нагревала, смазывала растительным маслом. Тесто-то уже просилось. И печь, закрытая загнеткой, ждала пирога.

Сочень раскатывала тонко и так, чтобы чуть свисал он с листа. Смазывала растопленным маргарином. Тогда он, тонкий, станет потом пышным.

Рыба была приготовлена загодя. Из щурят Анята филе не делала — какие у них косточки, у щурят? Только чуть схрустят, придавая начинке секретец. Рыба целиком без голов, хвостов и плавников томилась в кастрюле, залитая растительным маслом с солью и перчиком. В другой посудине — мелко-мелко нарезанный лук; в третьей — отваренный загодя рис.

Его-то первым и клала она на сочень, припорошивая луком. Щурята ложились тесно, плотными рядами. Сверху снова лук. Рыба в пироге, знала Анята, без щедрого лука вкуса своего не обретет. И снова рисовое одеяльце... Верхний сочень Анята катала еще тоньше нижнего. И защипывала нижним крепко и фасонисто.

Уже последними силами — а пирог-то о том не знает, песня-то все звучит и звучит — разбивает Анята в чашку два яйца, берет однако только желтки, мукой сдабривает, чтобы не стекали с сочня, взбалтывает и смазывает пирогу крышу. Ладонью смазывает, не жалея пирогу себя. Остается только ножиком сделать в центре его отдушину и перед тем, как внедрить в печь, чуть подержать на сочельнице, чтобы вытронул, поднялся пирог.

Теперь для Аняты-язычницы настает время получасового отдохновения. Еще тихо в доме, еще Яша не ворохнулся, и только за стенами стала ей слышна привычная мелодия утра. Словно бы она окно распахнула.

Сложив все наготовленное в большую ивовую корзину Яшиного плетения, Анята достает из сундука свою драгоценность — шикарную, азиатской работы, кашмирскую шаль. Невидаль эту ткали из невесомого подбрюшного пуха высокогорных тибетских коз. Не меньше чем трое ткачей работали шаль в течение трех месяцев, промывали в таких же, как шерсть, мягких водах кашмирского озера Дал. Шаль была загадочного рисунка и осталась ей от матери единственным приданым и наследством.

Достав шаль, Анята садится, кладет ее на колени и надолго уходит мыслями в никуда. Мелькают незнанные лица, нездешние картины какой-то другой ее жизни, в которой она то ли девушка, то ли женщина, то ли старуха, но совсем иная и в ином окружении. Говорит, смеется, плачет... Что? Чему? О чем? А время длится, длится... Господи, как дороги ей, как неподвластны и почему-то греховны эти минуты! Никому и никогда она не в силах передать шальные свои видения. Но с них-то и начинается Анятино гостевание. Накинув невесомую шаль поверх обыденной одежды, машинально идет она к насыпи, невидяще целует Якова, принимает, стоя на подножке тормознувшего алапаевского, свою корзину и нездешней павой wpłyвает в расступившийся перед ней вагон. Никогда не толкнуло ее оглянуться на Якушиху, помахать в окно Якову, хватиться чего-то забытого. Ни-ког-да.

В этот раз машина на стоянке такси была одна. За темными стеклами никого не было видно. Но стоило Анюте подойти поближе, как дверца открылась, и водитель в тельняшке поманил ее.

— Садись, мать. Тебе куда?

— Мне бы, сынок, на Сортировку. Знаешь, поди, магазин там продовольственный. Вот в этот дом, квартира 43.

— Садись, мать, садись. Квартиру-то уж сама найдешь.

Анюта, оберегая шаль, поместилась на переднем сиденье, устроив на коленях свою тяжелую плетенку, а водитель, перегнувшись через нее, захлопнул дверь, и что-то в ней щелкнуло.

— Чтобы не выпала, — пояснил он.

Положил на руль руки — на правой не было двух пальцев, а на левой синел якорь и птичка трепыхала крыльями на одной из его лап — и обернулся на заднее сиденье.

— Едем что ли?

Только теперь Анюта услышала там возню, смешки и пыхтение, тоже обернулась. Спина к ней дергалась полуодетая девица, сидя на коленях гологолового парня, откинувшегося на спинку сиденья.

— Отвянь, Верок, не гони волну, — услышала она. — Мне с бодуна не тебя, а целочку надо. Чтобы царапалась и кричала «Ой, мамочки!». — И, не меняя позы: — А где твое «здравствуйте», бабец?

А на Анюту напала немота. Мертво вцепившись в края корзины, она непонимающе смотрела на беспалого, а тот откинул голову на сиденье и закрыл глаза — будто задремал, но по щеке — туда-сюда — ходил желвак.

— Ладно, «здравствуйте» простим, ага, Верок?

Девица хохотнула.

— А что у тебя в корзине-то? За-апах!.. И бутылек, наверно, имеется! Буксы горят, сама понимаешь. — Бритый резко ссадил с колен девицу и так же резко перегнулся, пытаясь достать корзину.

Анюта, задеревенев, не меняла позы.

— Ну ты, шкипер, подай сюда корзину! — приказал Бритый.

Беспалый не поднял головы и не открыл глаз.

— У вас что, — сказал, — у самих-то матерей нету, что ли?

— Че-че?— будто не понял тот. — У нас одна на двоих, да, Верок?

Он схватил Беспалого сзади за тельник, крутанул материю на кулак.

— Мы тебе за что башли гоним, шкипер? За язык? Ну так и не высовывай его. Подай корзину и вези, куда скажали.

Анюта машинально, как кукла, отняла руки от корзины — на войне она не была.

Поехали.

На заднем сиденье восторгом не было конца — там пировали. Наверно, ломали Анютин пирог, клали куски на колени, через горлышки бутылок пили ее наливки, руками совали в рот студенец...

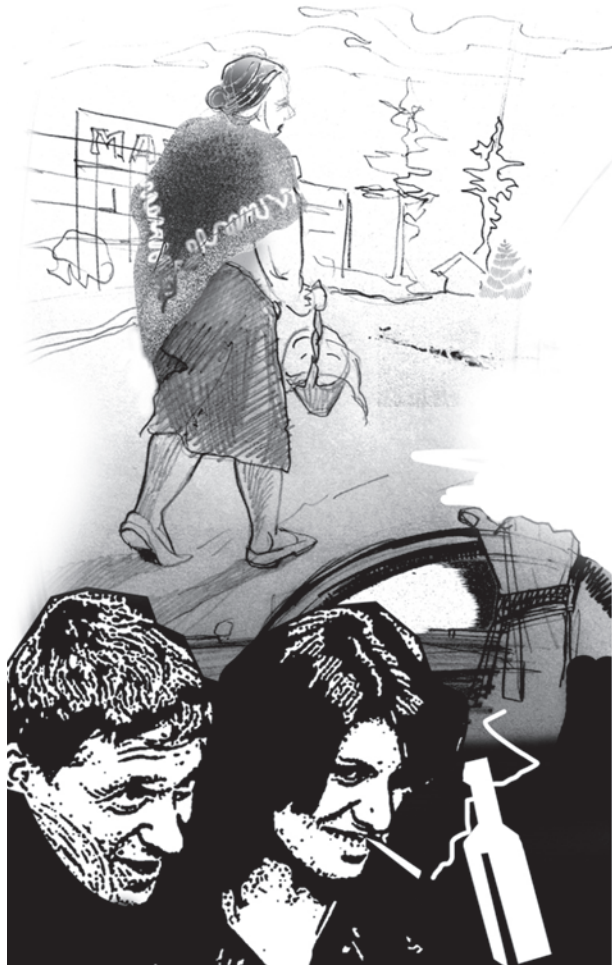

Рис. А. Митрофановой

— Рыбку-то сама ловила, бабец? Как называется? Пирог у тебя в кайф. Давай, Верок, на брудершафт! Да не тряси ты ляжками — такой кусман уронила! Ну, бабец, за тебя! — доносилось сзади.

От вокзала до района Сортировки езды — минут пятнадцать, от силы двадцать. У продовольственного магазина еще постояли минут пять — пока Бритый и Верок завершали трапезу.

— Ну бывай, бабец! — сыто и умиротворенно сказал Бритый. — Привет родным и знакомым. На нас зла не держи — сама виновата: здороваться надо, когда приходишь в приличное общество, да, Верок?

Щелкнул замок. Дверь открылась. Анюта вышла и пошла невидяще. Дверь машины захлопнулась, защемив конец ее кашмирской шали, и она тихонько сползала с Анютиных плеч, распластываясь по асфальту. Из задней двери машины, гремя бутылками, вылетела ей вслед корзина.

Анюта шла, не оглядываясь, когда ее догнал Беспалый. Собрав в корзину шаль, подал ей и тремя пальцами больно сжал руку выше локтя.

— Прощай, мать.

Тридцать минут бесконечности длилось для Анюты это небытие.

2007–2008 гг.

Александр и Надежда НАВАРА

Паломничество на Казангу

«Альфред Саймон родился на Казанге-4, небольшой сельскохозяйственной планете неподалеку от Арктура, и здесь он водил комбайн по пшеничным полям, а в долгие тихие вечера слушал записи любовных песенок Земли.

Жилось на Казанге неплохо. Девушки тут были милы, веселы, не ломаки, отличные товарищи, верные подруги жизни. Но совершенно не романтичны! Развлекались на Казанге открыто, живо, весело. Однако, кроме веселья, ничего больше не было»¹.

Я поморщился и захлопнул туристическую брошюру — сколько можно цитировать классику? Экономика, этнография и культура Казанги-4 известна любому дошкольнику в пределах обитаемого космоса. И уж, коль на то пошло, основная агрокультура на родине Альфреда Саймона вовсе не пшеница, а кукуруза.

Корабль начал снижение с орбиты, и пассажиров отобрали в капсуле безопасности. Сидим рядками, словно морковки на грядке. Одни заказывают выпивку, другие шевелят губами в молитве. Я же предпочитаю чтение: отвлекает, да и руки заняты.

Признаться, сегодня мне не повезло — стюард принес одну макулатуру. Я отложил «Справочник паломника» и скосил глаза. Рядом со мной старушка в шляпке с заколкой, увенчанной дымчатым шариком морацианского самоцвета — писк моды времен освоения Детройтов — штудировала ту же статью. Нервничает, но вида не подает. Бабуля — кремень!

Я прикрыл веки.

«Казанга-4...»

Бело-голубое чуть золотистое марево атмосферы — еще на Земле я изучил казангийские орбитальные триды и могу представить это зрелище в любом ракурсе.

«Совсем недавно — богом забытый мирок. Население — полтора миллиона фермеров — упрямо возделывает дедовским способом немодифицированные злаковые культуры. Кому это нужно в век генной инженерии и

биосинтеза, — скажете вы и вынесете вердикт — неудачники. Как же часто мы судим, не утруждаясь проникновением в суть вещей! Только на Казанге, в каждодневном труде и единении с природой, смог выжить и развиваться давно забытый архетип: бесхитростный, чуть наивный, упорный, сильный и верный мужчина. Я не боюсь этого слова — настоящий мужик. На такого полагаешься сразу и безоговорочно.

И вот, в один прекрасный день, Альфред Саймон — обычный казангийский абориген — отправился в «Великое паломничество на Землю». Может ли человек сгинуть бесследно в мире греха? Запросто, если только он не казангиец! Бог ведает, сколько пережил Альфред. Через какие страдания, насмешки, неимоверный труд, кровь и потери он прошел, прежде чем стал Большим Саймоном, пожизненным Лордом-протектором Человечества.

Абсолютная власть — сильнейшее искушение. Но Альфред Саймон превозмог и его. В зените славы Лорд-протектор добровольно сложил полномочия и удалился на родную планету. Что он делал в тот период, точно не известно. Говорят, его видели среди бескрайних полей, в отрогах гор и на карнизе храма в Казанга-сити. А потом с Казанги пришло Слово. Слово святого Альфреда!»

Недурно. О некоторых вещах стоит позаботиться заранее. Я перемотал отрезок памяти и внес ряд корректур. Готовый файл лег в защищенное хранилище в недрах моего мозга. Чертовски полезная штука — киберначинка.

Вообще-то, я долго не мог решиться на имплантацию. Работал по старинке, и неплохо получалось. Опять же, ходят слухи о киберпсихозе. Да что там слухи — сам знал парочку отличных парней, съехавших с катушек после того, как их нашпиговали чипами. Представляете, при моей-то профессии — спянуть, потерять контроль над телом или лицом! Нет уж, увольте! И все же, когда выходишь на главную охоту и отдаешь себе отчет: сколь-

¹ Роберт Шекли. «Паломничество на Землю».

Александр Навара родился в 1964 г. в Ленинграде, Надежда Навара (девичья фамилия Маслова) — в 1970 г. в Москве. Надежда имеет два высших образования: педагогическое и юридическое. Александр поступил в Ленинградский ветеринарный институт, но вуз не окончил. Позднее в Германии учился в технической школе и сдал экзамены на техника по информационному оборудованию. Оба отличались живостью характера и часто меняли профессии. Авторы встретились в 2005 году на конвенте фантастики «Роскон» и с тех пор не расстаются, ведя совместную жизнь и творческую деятельность, в результате которой появился ряд фантастических рассказов. Роман «Расходный материал» вышел в 2008 году в издательстве АСТ, его продолжение «Олимпийские игры» готовится к печати.

ко до тебя пытались и не смогли взять трофей, невольно задумаетесь: не потому ли, что самонадеянно игнорировали достижения науки и медицины.

Итак: кибер-зрение, кибер-слух, имплант в мозг, параллельный процессор для периферической нервной системы, усилители и контроллеры мускулатуры, акселераторы и регуляторы биохимических реакций. Все скромненько, без излишеств. Разумеется, никакой костной арматуры, встроенного оружия или субдермальной брони — игрушки для дилетантов.

Нет, нет! Я не машина, обыкновенный человек, как и вы. Просто подправил ряд природных упущений. Теперь могу вести на подсознательном уровне сбор и анализ информации в диапазонах от инфракрасного до ультразвукового. Да и почти в любой ситуации обойдусь без помощи оборудования. Вот, к примеру, изменение внешности. Только не спрашивайте, как я сейчас выгляжу, честно — дерьмово.

Корабль вошел в плотные слои атмосферы. Я приоткрыл веки, хотя мог этого и не делать — виброрецепторы в ушах скажут о дрожании салона больше, чем глаза. И все же я предпочитаю натуральные ощущения. Можно дать команду импланту: пусть покопается в бортовой сети и вытащит картинку от внешних камер — занятно посмотреть на торможение снаружи. Стоп! Вот на такой ерунде обычно и попадают!

«Ты — паломник, обыкновенный турист-паломник», — приказал я себе и для верности повторил мантру еще разок.

Слева подозрительно завозились. Бабушка в шляпке с заколкой ловко свернула пробочку с четвертушки «Глен Гранта». Я одобрительно хмыкнул — пожилые люди умеют правильно выбирать. Соседка, не морщась, ополовинила бутылочку и промокнула губы вышитым платочком.

— За Казангу! И удачной нам посадки, сэр.

Бутылочка качнулась в моем направлении, и я благодарно принял пососок.

За воротами космопорта Сан-Саймона новенькая с иголочки столица встречала паломников и туристов огромным тридом. Работа дизайнеров была так реалистична, что казалось, Святой смотрит только в мои глаза, а его указательный палец упирается в мою грудь: «Сын мой, что сделал ты ради Настоящей Любви?! Я даже слегка опешил. Изображение сменилось — пальцы раздвинулись в победном знаке: «Делай, как я!»

Толпа проходила под ногами трид-патриарха и исчезала в зеве подземки. Еще одна дань традиции — именно таким транспортом Альфред Саймон добрался до Таймс-сквер в день своего прибытия на Землю.

Чуть левее в отдалении находилась станция монорельса, и, разумеется, к услугам богатых путешественников были такси: колесные, винтовые, ховеры.

Как бы мне ни хотелось комфорта после утомительного полета, приказ «не выделяться» ввелся в подкорку, даже без помощи импланта. Единственное, что я себе позволили, так это оплатить в космопорте доставку багажа до караван-гостиницы и, как и другие паломники, направился в метро. Уже и то хорошо, что не надо за-

ботиться о сохранности вещей и карманов: Казанга — не Земля.

По плану у меня значился отдых. Пара-тройка часов ушла на осмотр города, обязательное посещение Храма и прочих культовых мест. Не ради рекогносцировки, благодаря импланту и базе данных я ориентировался в Сан-Саймоне так, будто в нем родился, — просто честно отработал легенду.

Потом — ужин в ресторанчике в стиле кантри. Ужин все же отмечу особо. При моей сумбурной работе редко когда выпадет отпустить ремень и предаться чревоугодию, а тут... Поверьте, нигде, ни на одной планете вселенной, вы не получите такой фунтовый стейк, изумительные тушеные овощи и кукурузные лепешки, что тают во рту! А пармская ветчина с кусочками дыни! Салат с помидорами, луком и брынзой! Молодое местное вино! М-м-м... Что рассказывать, слетайте на Казангу и попробуйте сами. Не пожалеете.

Затем я вернулся в гостиницу и лег спать. Понятное дело — один. Хотя нравы тут по-прежнему просты и естественны — не за тем я приехал.

Ровно в пять утра сработал внутренний будильник. Я отлично выспался и энергично взялся за сборы. Время праздности прошло: на выполнение миссии осталось двое суток. В левом глазу фоном включились часы с обратным отсчетом.

К пяти сорока пяти я успел позавтракать в буфете и вышел в вестибюль.

— Собрались за город, сэр? — осведомился портье и выложил на стойку стопочку масок-фильтров. — Нынче у нас кукуруза цветет, спасу нет от пыльцы. Вот, сэр, могу предложить.

— Благодарю, предпочитаю медитировать в горах, — я демонстративно поправил лямки рюкзака. — Поеду на автобусе до Бигмаунтен. Скажите, любезный, нет ли у вас хорошего состава, отпугивающего змей и прочую кусачую нечисть? Знаете, ночевка в палатке, и вообще... Всякое бывает.

— Не беспокойтесь, сэр.

Фильтры исчезли, на стойке появились пластиковый тубик и металлический цилиндрок с прищепкой на манер авторучки.

— «Аванс найтгард анлимитед» — лучшее качество в галактике, эффективно отпугивает все ядовитые виды казангийской фауны. А это — поисковый маячок. Улавливает биоритмы на удалении до двух метров. В случае травмы или иной серьезной угрозы для жизни посылает автоматический сигнал «СОС» через спутник. Пожизненная гарантия в пределах Казанги. С вас восемнадцать долларов и сорок три цента, сэр.

Я молча положил на стойку двадцатку, сгреб шедевры туристической индустрии и направился к выходу, обдумывая проблему. С одной стороны — я запутал следы, а с другой — маячок-следачок не вписывался в мой первоначальный план. Пристроить-то я его пристрою, но так недолго и из графика выбиться.

Во дворике группа паломников делала зарядку. Один, видимо старший, задорно выкрикивал: «Саймон говорит — сесть!» «Саймон говорит — встать!» И так

десять раз к ряду. Потом, тем же порядком, следующее упражнение.

Их экзерсисы напомнили мне о новых возможностях моей мускулатуры. Неторопливо удаляясь от гостиницы, я вызвал в памяти карту города и, выбрав безлюдные в этот час улицы, наметил маршрут до автовокзала. Завернул за угол и отдал команду. Наверное, со стороны это напоминало старт ракеты. Сам я оценить зрелище, увы, не мог — сознание затопила волна адреналина.

В половине седьмого взмыленный, словно жеребец на дерби, я затормозил на окраине Сан-Саймона. Вот она цель — шоссе идущее в глубь сельскохозяйственных районов, а проклятый маячок катит в кармане доранского туриста на север к предгорьям. Забег обошелся мне еще в двадцатку — стоимость банки меда и копченого окорока — имплант сигнализировал о катастрофическом падении уровня сахара в печени и белковом истощении мышц. Деньги — ерунда. Но мед со свиной — отравла! Что поделаешь, впредь наука. Главное, я по-прежнему держался в графике.

Я зашел в сарайчик у обочины шоссе, и началось перевоплощение. Исчезло брюшко, расправились плечи, цвет стриженных под гребенку волос изменился с темно-каштанового на выжженный солнцем русый, кожа огрубела и сменила пигмент. Прощай, горожанин с Земли, здравствуй, фермер с Казанги! Я проверил голос, он стал ниже и приобрел казангийский выговор — речевым аппаратом управлял имплант, подбирая слова из местного диалекта. Теперь одежда: застиранная майка, фланелевая рубашка в клеточку, кожаная жилетка, пятнистая от машинного масла, черные джинсы. Все местное, поношенное, но крепкое и добротное. И рабочие башмаки. Башмаки — предмет особой гордости. Это вам не подделка, которую продают туристам и паломникам, а натуральные казангийские башмаки ручной работы. Боже, кто бы знал, каких трудов мне стоило раздобыть эти бахилы. А каково было заставить себя надеть их и привыкнуть ходить? Мне, человеку, который принципиально носит обувь только от «Футлокер»! Издержки профессии.

Ровно в семь часов я вышел на обочину и поставил у ног похудевший рюкзак. Через пару минут со стороны города показался грузовичок с открытым кузовом. Я поднял руку и выставил большой палец. Скрипя и громяхая, машина остановилась. Открылась дверца.

— Кукуешь? — улыбнулся водитель. — Куда тебе, парень?

— В Джек-таун, отец. Подбросишь?

— Садись, — кивнул тот. — Довезу тебя до Грейс-вилледж, а там уж и рукой подать.

— Годится. — Я закинул пожитки в кузов, забрался в кабину и захлопнул дверь.

Мотор чихнул, и машина покатила по шоссе.

— Клиффом меня зовут, — представился фермер. — А тебя как кличут, сынок? Ехать-то нам на моей старушке, почитай, без малого сутки. Познакомимся?

Собственно говоря, я знал не только его имя и фамилию, но и массу других подробностей: регулярно, раз в два месяца, Клифф проводил уикенд у дочери в Сан-

Саймоне, а теперь держал путь домой. В нашем деле тщательная подготовка — дорогого стоит.

— Чарли Шин, — имплант выдал подходящую комбинацию и намертво записал ее в сознание.

— Значит, в Джек-таун целишь?

— Ага. Говорят, там работа есть, а мне лишняя монета не помешает. Механик я. Могу на комбайне, на тракторе, на ферме тоже могу. Сам знаешь — сезон!

Экономика Казанги переключилась на обслуживание туристов и паломников. Теперь мало кого прельщала навоз и другие прелести сельского быта. Сезон — фермерам до зарезу нужны рабочие руки.

— Механик, — оживился Клифф. — Слушай, парень, какого рожна тащится в такую даль? Работы и у нас навалом. Приедем в Грейс-виллидж, зайдешь в бар к Эрне, скажешь мужикам — я прислал.

— А платят у вас как? — осведомился я. — Хорошему механику?

— Как платят? — водила хитровато прищурился. — Не бойся, не обидим!

— Ох, смотри, отец. Мне шурином говорил: в Джек-тауне по десять монет в час предлагают.

— Десять монет! Ох, и врет твой шуринок. Ох врет! Как мерин врет! От самого Локуса и, почитай, до Харни-пик отродясь таких расценок не водилось.

Так, торгуясь, обсуждая крестьянский труд и болтая о всякой всячине, я километр за километром приближался к цели — Альфреду Саймону.

В Грейс-виллидж мы прибыли с опозданием всего на час. Мою жилетку украсила пара новых пятен, а колымага фермера получила, наконец, должную регулировку движка. Собственно, на сей раз я шел ведомым — над подтверждением легенды о мастере-механике трудился имплант. В любом случае, Клифф лично привел меня в заветный бар, представил хозяйке и битых полчаса расписывал достоинства Чарли Шина. Будьте уверены: парочка-другая засевших на командном пункте у Эрны дедов намотала на ус Клиффовы рассказы. Я же заявил, что хочу денек передохнуть и осмотреться. Как водится, хозяйка сдавала комнаты на втором этаже, где я и обосновался.

Все шло по плану, но была в деле одна странность — или я настолько хорош, или кому-то очень хочется убедить меня в этом? Я на месте, и скоро в бар войдет Альфред Саймон. В том, что казангиец придет, я не сомневался. Смущало другое: прижизненный Святой и пожизненный Лорд Протектор, пусть и сложивший полномочия, а за мной до сих пор нет хвоста.

Нет или не заметил? Не потерял ли ты нюх, «паломник»? Спокойно — будем разбираться.

Следующие два часа я посвятил прокрутке ментальной записи всех событий с начала операции еще на Земле. Подробнейшим образом изучил любой момент, внушавший хоть малейшее подозрение. Пусто! Дружнице, либо ты невероятно крут, либо... Все хватит! Аудиосенсор размером с соринку, который я закрепил под стойкой бара, исправно работает. Остается только ждать и рисковать. Так, и никак иначе!

Я вошел в бар.

Вот он! Крупный широкоплечий мужчина, резко очерченный профиль, открытый лоб, волевой подбородок. Один, словно отделенный незримым барьером от остальных посетителей. Стоит вполоборота, оперся о стойку и расслабил мышцы. Перед ним — кружка с дымящимся кофе. Живой Альфред Саймон выглядит, пожалуй, еще внушительней и уверенней, чем на тридах.

Слишком долго ждал я этого момента и теперь не могу допустить осечки — подключил биоконтроллер. Пульсация в висках прошла, выровнялись ритмы сердца, перестали трепетать ноздри, на лицо легла индифферентная маска. Клянусь, я почти физически ощутил, как внутри меня взводится боевая пружина. Имплант оценил обстановку и дал подтверждение — чисто, можно работать.

Я неторопливо подошел, встал рядом и положил руки на темное дерево.

Святой Альфред посмотрел на меня, чуть улыбнулся краешком губ и спросил:

— Вы землянин?

— Да, а как вы узнали? — выдал я на чистейшем казангийском.

«Поздравляю, ты — олигофрен!» Миссия летела в выгребную яму, к чертям собачим, в топку! Можно представить, как смотрится со стороны казангийский фермер, безмятежно порюющий чушь. «Киберпсихоз, мать твою!»

Я преобольно ущипнул мочку уха. Наваждение не исчезло.

— По ответу, я всегда узнаю по ответу, — добил меня Большой Саймон.

Имплант лихорадочно искал выход, мозг буквально закипал.

«Да пошел ты к черту! — профессионал пинками за толкал нейроэлектронного пса в самый дальний угол сознания. — Сидеть!»

Я собрал в кулак остатки достоинства и объявил.

— Лорд Альфред, сэр. Я действительно землянин — журналист. Знаю, вы не даете частных интервью, но прошу вас, сделайте исключение на этот раз.

— Не даю интервью? Парень, давай-ка, для начала, по пиву, — казангиец указал подбородком на свободный стол и, неожиданно, по-приятельски подмигнул мне. — Жаркий сегодня денек. Эрна, детка, принеси нам парочку!

Мы пили холодное маисовое пиво. И плевать, что один из нас был неудачником, профукавшим главное дело в жизни, а другой — Святым. За столиком в деревенском баре сидели два фермера — два мужика. Старший поставил кружку и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Альфред Саймон. Родился на Казанге-4, небольшой сельскохозяйственной планете неподалеку от Артура. Здесь я водил свой комбайн по кукурузным полям, а в долгие тихие вечера слушал записи любовных песенок с Земли, — начал он тихим голосом. — Только вот что я тебе скажу — фуфло это.

Я недоуменно возрился на рассказчика.

— Не так все было... — Саймон запнулся, подбирая слова. — Понимаешь, вроде правильно — Казанга, па-

ломничество на Землю, а на самом деле — неправда это.

— Кажется, я понимаю, — журналист наконец-то снялся с тормоза, пошла работа. — Официальные источники всегда фильтруют информацию, особенно когда речь идет о персонах вашего масштаба...

— Да погоди ты с персонами, — перебил собеседник. — Посмотри вокруг, выйди из бара. Что ты увидишь?

— Поля... фермы... Грейс-виллидж, — неуверенно предположил я.

— Правильно. Вся Казанга — одни большой Грейс-виллидж. А теперь скажи честно, какая перспектива у такой планеты, если кругом навалом дешевой синтетической жратвы?

Я дипломатично ответил:

— Акции аграрных миров стоят не высоко.

— Пахать с утра до ночи и видеть, как молодежь улетает на другие планеты в поисках лучшей доли, — Саймон умолк и устремил взгляд в пространство. — Это наш мир, наш дом. Кто, кроме нас, позаботится о женщинах, детях, стариках... Ты слышал о «Галактик Менеджмент Рисерч»?

Имплант преданно заскулил и получил временное прощение.

— Немного. Крупная корпорация специализируется в области комплексного управления планетарными экономикками.

— Они предложили нам контракт, гарантировали экономический бум. Сорок процентов с чистой прибыли уходит корпорации, остальное — нам. Вот так и родился маркетинговый проект «Альфред Саймон».

Кто же из нас более сумасшедший? Или Святой испытывает меня? Остатки пива единым духом отправились в глотку охладить перегретый разум.

— Сэр, не морочьте мне голову! — твердо попросил я. — Мисс Пенни Брайт, тир, революция и усмирение перуанских мятежников, войны и победы, Слово Альфреда. Такое не подделаешь!

— Я и не говорю о подделке. Все, что ты перечислил, реальность, — Саймон задумался. — Знаешь, та несчастная девушка из тира была права, мне не попасть даже в космос. В самом деле, какой стрелок из человека с планеты, где практически нет преступников и крупных хищников. После-то я натренировался. Пришлось. А тогда — высадил в молоко всю обойму. Тир вдребезги разнес кто-то другой, сразу за мной. Но нашлась парочка свидетелей. Они видели, как я в ярости вышел из «Лав инкорпорейтед» и зашел в тир, а уж пресса расстаралась. Их не подкупали, нет. Да и газеты не врал. Ни тогда, ни позже. Достаточно не знать или не принять в расчет одну мелочь, и вся картина меняется. В «Джи-эм-ар» работают такие зубры, тебе и не снилось!

— Значит, идя в «Лав инкорпорейтед», вы знали о проекте?

У меня на языке так и вертелся вопрос: «Что же ты за человек, Большой Саймон, да и человек ли?»

— Дудки! — глаза Альфреда потемнели. — Да, я знал о сделке, дающей планете шанс, но убей меня бог, если

я или кто-нибудь другой на Казанге мог догадываться о конкретных шагах маркетологов.

Судорожно сжатые пальцы расслабились, и болезненная улыбка искривила его губы:

— Честно говоря, со мной не было хлопот. Я идеально вписывался в психотип. Меня даже не пришлось кодировать. Ловкачи из «Джи-эм-ар» только чуточку подстраховывали и направляли.

— Послушайте, мистер Саймон, если все так круто замешано и нигде не подкопаешься, как вы заподозрили подставу?

— Тут как в картах, шулер поначалу поддается, заманивает. Ты и играть-то толком не умеешь, а масть идет такая — закачаешься. Если сохранить голову, становится подозрительно. Знакомо?

Я кивнул.

— Так вот, почуял я неладное, а потом и доказательства добыл — вероятностные сценарии. Я уже был Лордом-протектором.

— Почему же вы не раздавили мерзавцев?!

Саймон посмотрел мне прямо в глаза.

— Говорят, пуля не виновата, когда убивает. Я — человек. У меня всегда был выбор. Чем же я лучше «Джи-эм-ар»? Ведь благодаря мне проект «Казанга» разросся до пангалактических масштабов. Я долго думал, как поступить... И просто ушел. Дальше пьесу играли без меня, «Слова» я не писал.

Он умолк, снова посмотрел на меня и неожиданно спросил:

— Ты готовился прорываться сюда через кордоны спецов?

Я молча кивнул.

— В Грейс-вилледж нет охраны — это последнее распоряжение Лорда-протектора, — грустно улыбнулся Алфред. — Ко мне приходят разные люди, я рассказываю им правду, а уж как с ней поступить — дело их выбора. Тебе, паломникам, всем еще только предстоит научиться жить без маркетинга «Джи-эм-ар».

Вечер медленно клонился к ночи. Мы вышли из бара и на прощание обменялись крепким рукопожатием, казангиец и землянин. Я прошел с десяток шагов по пыльной улице и остановился. Меня не оставляло ощущение, будто я упустил нечто очень важное, без чего не могу покинуть Грейс-вилледж. Я резко обернулся.

Они стояли обнявшись и любовались сумасшедшим закатом. Эрн подняла голову с плеча Саймона и посмотрела на меня огромными темными глазами. В зареве лучей заходящего солнца она показалась мне богиней огня.

Богиней огня? Богиней огня! Богиней огня...

Женщина долгим взглядом проводила землянина-журналиста-паломника. Маленький приборчик в кармане ее фартука сработал безотказно — обеспечил бедняге острую форму киберпсихоза. Жалко парня, да что поделаешь — не он первый, не он и последний.

Миссис Пенни Эрн Брайт-Саймон теснее прижалась к Альфреду. Она очень любила мужа и давно сделала свой выбор.

ЮНИЙ ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГЕРЦЫК, Лубны-Герцык Аделаида Казимировна (в замуж. Жуковская; псевд. Сирин; 1874 — 1925), поэтесса, переводчица, эссеистка;

Сестра переводчицы и критика Е.К.Герцык (см). Род. в семье инженера-путейца К.А.Лубны-Герцык польско-литовского происхождения. Владела несколькими языками и обширными познаниями в области литературы, языкознания, теории стихосложения. Была замужем за Д.Е.Жуковским, издателем, переводчиком и ученым. Ее первая автор. публикация — эссе о Дж. Рескине «Религия красоты» (РБ, 1899, № 1). Примыкала к кругу московских символистов, в журн. «Весы» публиковала рецензии под псевд. Сирин. Многолетняя дружба связывала ее и ее сестру с близкими им по мировоззрению Н.А.Бердяевым, Л.Шестовым, С.Н.Булгаковым, М.О.Гершензоном, а также с Вяч. Ивановым, М.Волошиным и М.И.Цветаевой. Московская квартира Г. в 1910-е годы была своего рода литер.-философ. салоном. Стихи Г. печатались в журналах и альманахах. Единственный сборник — «Стихотворения» (СПб., 1910). Для стихов характерна религиозно-нравственная направленность, призыв к деятельной любви, бодрствованию духа. Проза Г. лирична, автобиографична и психологична, исследует сокровенное «я» человека. Одна и вместе с сестрой Е.К.Герцык Г. перевестила Дж. Рескина, Ф.Ницше, публицистику Г.Гейне; вместе с С.Лорис — «Северные легенды и рассказы» С.Лагерлеф (М., 1905). Написала воспоминания детства «О том, чего не было» — «Рус. Мысль», 1911, № 5. О ней: Герцык Е.К. Воспоминания. Париж, 1973; Волошин М. Лики творчества. Л., 1988; Цветаева А. Аделаида и Евгения Герцык // Звезда. 1985. № 2. С. 172-174; Калло Е.А. Роман с тремя героинями // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. М., 1997.

Русские писатели (портр); Масанов; Розанов.

ГЕРЦЫК, Лубны-Герцык Евгения Казимировна (1878 — 1944), переводчица, эссеистка, критик, мемуаристка.

Сестра писательницы А.К.Герцык (см). Род. в г. Александрове Владимирской губ. Окончила историко-философское отделение Высших женских курсов В.Герье. Много работала над переводами гл. обр. литературы философского содержания (одна, а также вместе с сестрой и Д.Е.Жуковским): соч. Ф.Ницше, Т.Гомперца, Баадера, произв. У.Джеймса, Э.Карлентера, С.Лагерлеф, Ж.К.Гюисманса, А. де Мюссе, Куно Фишера, «Эскизы Петера Альтенберга» (рец. в «Образовании», 1905, № 2, с. 119). Ее переводы отличала утонченная культура, чуткость к философско-эстетич. веяниям эпохи. Лучшие напечатаны в «Золотом руне». Ее высоко ценил и считал своим другом Вяч. И. Иванов (опубл. письма Г. к Вяч. Иванову; его творчеству посв. несколько статей Г., наприм.: «Вопросы жизни» (1905); «Вячеслав Иванов. Эрос» — «Золотое руно» 1907. № 1). Встречам и общению с ним, а также с писателями Волошиным, Бердяевым, Булгаковым, Шестовым и др. отданы многие страницы ее мемуаров (М., 1996). За рубежом напечатаны: «Вступление к «Воспоминаниям»» // Вестник русского христианского движения (Париж). 1975. № 115. С. 201-202 и «Воспоминания: Н.Бердяев, Л.Шестов, С.Булгаков, Вяч. Иванов, М.Волошин, А.Герцык» — Париж., 1973. После смерти Л.Д.Зиновьевой-Аннибал (см) занималась разбором ее рукописей. Советскую действительность она приняла как «крест, на всех нас возложенный, от несения которого никто не вправе уклониться...» (В.Руднев). Будучи человеком глубоко творческим, философски мыслящим, она однако всецело посвятила себя воспитанию своих племянников, была сиделкой больной невестке, хранительницей и берегиней семейного очага. О ней: Цветаева А. Из воспоминаний. — «Звезда», 1985, № 2. В библиотеке мемуаров «Близкое прошлое» изданы мемуары Г. «Лики и образы». (М., 2007), куда вошли (приложением) письма Г. к В.И.Иванову и эссе «Эдгар По», ранее не публиковавшиеся.

Русские писатели (портр); РРЭВД. 3 (здесь г.р. 1875).

Начало в №1, 2005. Продолжение следует

«Уральский следопыт»

возрождается во всех отношениях

Интервью с Василием Головачевым провел Борис Долинго

«Уральский следопыт»: Василий Васильевич, ваше становление как писателя в определенной мере связано с историей журнала «Уральский следопыт» – ведь здесь публиковались когда-то и ваши произведения. Каково ваше отношение к журналу – чем для вас был в те уже достаточно далекие годы «Уральский следопыт»?

Василий Васильевич Головачев: В годы, когда я пытался достучаться до читателя, журнал был очень хорош! Естественно, я говорю о разделе фантастики в первую очередь. Потом возник серьезный «провал», вызванный вполне понятными причинами – тем, что происходило в стране в 90-е годы про-

шлого века, и тем, что в редакции не стало людей, профессионально занимающихся близким мне делом.

Но в последние годы ситуация явно изменилась в лучшую сторону. Я могу сказать, что «Уральский следопыт» возрождается во всех отношениях и, несомненно, движется вперед. Это видно по его литературному наполнению – во всяком случае, могу сказать, что фантастику сейчас там публикуют очень сильную.

«УС»: Василий Васильевич, вы – один из наиболее известных ныне российских писателей-фантастов. Но база, которая была у вас заложена, все-таки началась с фантастики

советской и с лучших образцов мировой фантастической литературы. Как вы относитесь к тому, что журнал «Уральский следопыт» и ныне старается формировать у своих читателей определенное мировоззрение, а не просто публиковать «хорошую фантастику»? И что вы сами можете сказать о себе как о писателе сейчас?

ВВГ: Насчет мировоззрения – спорный вопрос: а стоит ли его формировать? Считаю, что авторы журнала просто должны обозначать свою точку зрения, если она есть, редакторы – представлять качественные произведения, обладающие такой «точкой зрения», а уж читатель решит, укладывает-

Главный редактор Максим Фирсов, писатель-фантаст Василий Головачев и редактор раздела «Аэлита» Борис Долинго в фойе гостиницы «Свердловск»

ся ли эти взгляды в его мировоззрение.

Кстати, хорошей фантастики вообще появляется мало среди общей массы создаваемых произведений, как и в те времена, когда я только начинал писать. Так что ее поиск – есть самая важная задача журнала. А говорить о себе как о писателе не хочу, об этом пусть говорят читатели.

УС: Василий Васильевич, вы лауреат премии «Аэлита» 2004 года, которая родилась при журнале «Уральский следопыт». Эта премия всегда вручалась исходя не из каких-то конъюнктур, а за классную фантастику, которая создавалась в нашей стране. Вы получили ее более чем заслуженно. Чем для вас была эта премия? Как вы видите возможности развития фестиваля «Аэлита», который сегодня переживает далеко не самые лучшие времена, прежде всего, из-за отсутствия стабильной материальной базы?

ВГ: Премия «Аэлита» действительно являлась и является в нынешние времена для меня классическим признанием полезности моей работы и работы других писателей. Я страстно хотел получить ее еще в конце восьмидесятых, когда был написан «Реликт» и «Черный человек». Но тогда не случилось. Однако, безусловно, и запоздалое поздравление – праздник! Считаю «Аэлиту» самой весомой премией в области фантастической литературы в нынешней России.

Что касается фестиваля «Аэлита» – он должен быть! Для это-

го нужно искать спонсоров, читающих, знающих и понимающих фантастику. Уверен, что таковые в Екатеринбурге и в Свердловской области имеются.

УС: После фестиваля «Аэлита», который был первым в Советском Союзе фестивалем фантастики, или как еще принято говорить, конвентом, появилось довольно много подобных мероприятий. Это «Интерпресскон» в Петербурге, «Роскон» в Москве, «Звездный мост» в Харькове и другие. Большинство известных конвентов сегодня проходят в центре Европейской части России. «Аэлита» стала неким «региональным мероприятием» – это где-то далеко, на Урале. Насколько, по вашему мнению, сегодня нужны любителям фантастики конвенты, скажем так, «не центральные»? Насколько этот процесс должен поддерживаться региональными властями как процесс, формирующий в числе прочего и мировоззрение нации?

ВВГ: Несмотря на то, что «Аэлита» – порождение не столичного масштаба, по влиянию на читателя она не имеет равных. Во всяком случае, так было когда-то и в какой-то мере сохраняется и теперь. Вот почему желательнее, чтобы и областная, и городская власть поддерживали фестиваль.

Что касается «столичных» конвентов, считаю, что эти мероприятия в том виде, в котором они проводятся, себя изжили. В принципе, нельзя же из года в год давать призы одной и той же группе писателей, чьи произведения подчас

намного слабее произведений писателей молодых.

УС: Сегодня вы – член редакционного совета журнала и, держа в руках новый номер, наверное, можете сказать, как журнал изменился. Что вы можете пожелать журналу сегодня?

ВВГ: Если честно, мне больше нравятся обложки журналов конца пятидесятых – начала шестидесятых годов XX века: не глянец и не фотокомпозиции. Обложка такого журнала, как «Уральский следопыт», должна звать читателя непременно открыть журнал и найти то, что ему интересно.

Как мне кажется, явно нужны другие приемы подачи визуальной информации на «вывеске» журнала. Я не хую нынешний вид журнала, нет – все-таки он складывался долго. Но лично мне хотелось бы взять в руки журнал, картинка или композиция на обложке которого возбудили бы мое воображение. Публиковать же там фото редакторов журнала, жителей Свердловской области или виды дикой природы не вполне правильно для подобного журнала.

Ведь, по-моему, сегодня и на будущее стабильный интерес к «Уральскому следопыту», в первую очередь, может существовать за счет людей, читающих такой близкий мне раздел фантастики с романтическим названием «Аэлита». При всем моем уважении к остальным разделам журнала именно раздел фантастики собирает наиболее разноплановую и широкую аудиторию и, главное, молодежь.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

**50 ЛЕТ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ГРУППЫ ИГОРЯ ДЯТЛОВА
ТАЙНА ГИБЕЛИ РАСКРЫТА...**

...ДА ИЛИ НЕТ?

Старые письма

Забывший прошлое обречен его повторить.

Джордж Сантаяна

«Если ты читаешь это письмо, значит, ты уже умер...»

Андрей испуганно сложил письмо, огляделся и прыжками через две ступени, расшатывая хлипкие, облупившиеся перила, взбежал на свой этаж. В крыле, где менять лампочку испокон веков считалось обязанностью соседей, было привычно темно и тихо. Лишь монотонно буравили темноту огоньки трех дверных глазков.

Постояв с минуту у двери, Андрей нашарил в кармане ключ и отворил замок. Щелчок — и прихожую затопил мягкий неон. Андрей зашел, разулся, поставил портфель на обувную тумбу и развернул письмо. Его текст был отпечатан мелким шрифтом, притом что конверт, если не считать стандартных типографских разлинок, был чист как совесть младенца. Андрей пытался убедить себя, что это ошибка почтовиков или агитация религиозных фанатиков, которые, не зная меры, подбрасывают в ящик всякую ерунду. Но перед глазами в паническом ритме мелькали лица конкурентов, партнеров по бизнесу, заемщиков, посредников. Злорадные ухмылки, зловещие слова, цепкие взгляды... Кто?!..

Из спальни донеслось шарканье тапочек, и Андрей машинально сунул письмо в задний карман брюк. На всякий случай.

— Приветик.

— Привет, — Андрей поцеловал жену и искося на нее глянул. — Постриглась?

— Ага, неделю назад, — зевнула она.

— Ну вот. А ты говоришь — я невнимательный.

— Да тебя хоть в лыжах встречать выйди!

— Ладно, брось. Где наш орел?

— Из школы к моим полетел. Нам тоже скоро выходить. — Заспанная, она смотрела на него с укоризной. Он таращился куда-то в угол. — Андрей!

— ... А?!

Думал он, естественно, не о родителях, не о жене и не о сыне. Он просеивал варианты, мотал туда-сюда ленту последних событий и пока что не зацепился в своих догадках ни за одно резонное основание для подобных угроз. И какой бес попутал его спрятать письмо от жены? Она же никогда не читала его бумаг, не рылась в бумажнике и дотошно не расспрашивала по каждому вбитому в справочник номеру.

— Момент ступора. Андрюшка, как у тебя это получается? Ты же часами можешь стоять, тупо уставившись в плинтус.

— Что?

— Ясно. Иди, мой руки. Ужин на столе. Через полчаса нам надо выйти. Сам знаешь, к ним лучше не опаздывать.

— Виолетта, мне надо пару бумаг по работе заполнить и...

— Начинается!

— Минут десять от силы.

«Если ты читаешь это письмо, значит, ты уже умер. Умер для меня и моего сына. Умер, каким был, каким я запомнила тебя — эгоистичным, лживым подонком. Ты врал мне так паршиво, что сам погряз в своей лжи, а твои гнусные предательства вошли для тебя в порядок вещей. Я ненавижу твои глаза, полные лицемерия и насмешки, ненавижу твои руки, причинявшие мне боль, ненавижу фальшь твоей улыбки и каждую клеточку тела, источающую аромат чужих

Алексей Александрович Львов родился в 1981 году в городе Куйбышев. Окончил Самарский государственный технический университет (инженер по защите информации), аспирантуру, получает второе высшее образование. Работает начальником отдела IT-архитектуры в компании, предоставляющей телекоммуникационные услуги.

Увлекался компьютерами, программированием, криптографией, стеганографией. Играет на электрогитаре в никому не известной металл-группе и пишет фантастические рассказы. Является автором сайта «Лаборатория Фантастики» (fantilab.ru).

женщин. Мне сложно терпеть эту ненависть. Потому что это слишком сильное чувство, чтобы испытывать его по отношению к такому ничтожеству...

Я могла бы подробно, без лишних преукрашений рассказать как ты разрушил мне и Дениске жизнь, но гори оно все огнем! Знаешь, мы записались с сыном на нейрочистку. Завтра мы забудем тебя и все, что с тобой связано. Останется только хорошее и светлое, мы начнем новую жизнь — без тебя. Не вспомню и о письмах, которые пишу. Вечером отправлю это письмо, но ты получишь его ровно через пять лет, когда ты для меня не будешь даже горьким воспоминанием. Подумать только, сколько проблем можно решить за деньги...

Ой, прости, я же не представилась. Ломаешь, небось, голову, не помнишь меня. Ну конечно, бедненький. Ты ведь так просто всегда заметаешь следы. Сходил налево — нейрочистка, подставил друзей — нейрочистка, поднял на меня руку — нейрочистка. Половина твоей жизни, Андрей, выжжена из мозга. Так нельзя, пойми. Все, что было — все твое и ничье больше.

Хотя, толку оттого, что я тут распинаясь?.. Ты сейчас выкинешь это письмо и снова побежишь стирать память. Тебе ведь не нужны лишние проблемы. Твой чертов бизнес требует полной отдачи, да, да, я помню. Все бесполезно — нейрохирурги делают свое дело.

Что до меня, то мне нужна лишь капелька справедливости. Ты должен знать, что я тоже не будь ангелом — изменяла тебе, что я — тот самый Иуда, информатор твоих конкурентов, который так долго портил тебе жизнь. Почему, спросишь ты? Потому что иначе я сошла бы с ума от твоего вранья и лицемерия, которыми ты погасил мою надежду на счастливый брак. Пускай это было актом мести, но это было! И пусть тебе станет хоть немного тошно от мысли, что Денис, вполне вероятно, не твой сын.

Строкам письма, что ты держишь в руках, уже пять лет, и это лишь первое из многих. Каждое из них подсыпет тебе толику горькой правды — а там уж сам решаешь, что с нею делать. Каждый год ты будешь получать письмо. Курьеры доставят их тебе в разные дни и времена суток. Они будут меняться и действовать скрытно. Ты не выследишь их и не найдешь меня. Да и толку — я к тому моменту тебя и узнать не смогу. Лучше не пытайся, лучше поверь — твоих денег мне хватило, чтобы все это организовать. Просто прими как неизбежность.

Нет, Андрюшка, конечно, это не та жизнь, которой ты заслуживаешь, но... это хотя бы то маленькое воздаяние по справедливости, которое, как мне кажется, все еще заслуживаю я».

Тихонько приоткрылась дверь спальни. Виолетта прошла на цыпочках по мягкому ковру и села рядом с мужем на краешек кровати. Андрей вздрогнул и машинально отдернул руку с письмом. Жена закусила губу и испытующе посмотрела на мужа.

— Секреты?

— Мой брат из Саратова. Дам почитать, — он улыбнулся, — обещаю.

Виолетта недоверчиво кивнула и вышла из комнаты так же тихо, как вошла. Андрей сам удивился, как легко придумал оправдание. Письмо от брата он действительно получил на днях, но жене еще не показывал. Сейчас, в ее отсутствие, он может благополучно достать из ящика стола письмо брата, а это спрятать или вовсе выкинуть. Но сначала — дочитать.

«Как ты сейчас живешь? Женат наверняка на какой-нибудь потаскушке. Впрочем, мне плевать, кто она и как она терпит такую сволочь, как ты. Для меня сейчас главное, чтобы Дениска росла в счастливой дружной семье, которую ты ему дать не смог.»

Пожалуй, хватит на этот год. Считай это письмо прелюдией моей маленькой мести. И передавай привет своей потаскушке. Передай, мне ее искренне жаль».

К концу письма Андрей отвлекся, пытаясь собрать полустертые фрагменты памяти, что сновали совсем близко, дразнили и ускользали в последний момент. Через какое-то время он опустил лист бумаги на колени и с усилием поднялся. Подошел к окну и, тоскливо наблюдая за потоками тысяч огней на дорогах ночного города, смял письмо в кулаке.

Так и не решившись выкинуть комок в открытую форточку, Андрей развернул его и прочитал последние абзацы вплоть до подписи:

«Твоя Виолетта».

Красивое женское имя, на протяжении многих лет звучавшее в доме Андрея как символ теплоты и заботы, в мгновение ока обнажило правдивое уродство реальности. Подсознательно Андрей догадывался, что его прошлое таит сполна всякого, о чем лучше не знать, но вряд ли предположил бы, что забытое может оказаться таким близким и всплыть настолько болезненно. Но теперь, при всей закипающей в нем злобе и ненависти, как сможет он карать супругу за поступки, которых для нее уже пять лет как не было, о которых он бы и сам не узнал, будь она более дальновидной и не выдумай пять лет назад этот идиотский фарс с письмами?! Как вышло, что они снова вместе — остается лишь гадать, роняя слезу уважения черным шуткам судьбы. Сейчас он не может ни уйти от нее, ни остаться жить в этом внезапно разверзшемся бытовом постапокалипсисе. И сколь бы жестокой и глупой ни была ее затея с письмами, в одном его жена оказалась права — завтра он сотрет из памяти это черное пятно, оплатив ради семьи еще один год слепого мира и согласия. А по дороге домой купит жене огромный букет роз. Конечно же, если не забудет.

Положение об областном конкурсе учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области «ПРИРОДА ВОКРУГ НАС»

I. Общие положения

1. Настоящее Положение определяет порядок и условия организации и проведения в 2009 году областного конкурса учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области (далее в тексте - конкурс).

2. Конкурс проводится в целях поддержки повышения качества обучения географии и краеведения за счет дополнения природно-географического компонента предмета, создания новых учебных материалов о природе Челябинской области, воспитания патриотизма у школьников при подготовке творческих материалов.

3. Основные задачи конкурса:

- 1) Выявить учителей географии и краеведения образовательных учреждений, наиболее эффективно использующих интернет-пространство в обучении по данным предметам и способствующих воспитанию патриотизма у школьников;
- 2) Распространить выявленный педагогический опыт повышения качества обучения за счет дополнения природно-географического компонента предмета на уроках географии и краеведения на другие школы области;
- 3) Создать сайты «Природа вокруг нас» муниципальных районов Челябинской области для использования учителями и учащимися образовательных учреждений Челябинской области с целью наиболее полной реализации регионального компонента краеведческого образования.

II. Организатор и участники конкурса

4. Организатором конкурса является Министерство образования и науки Челябинской области (далее именуется – организатор конкурса) при участии **журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ**.

5. Участниками конкурса являются учителя географии и краеведения областных государственных и муниципальных образовательных учреждений (далее именуются – участники).

III. Основные функции организатора конкурса, конкурсной комиссии и экспертного совета

6. Организатор конкурса:

- устанавливает срок проведения конкурса;
- дает объявление о проведении конкурса;
- формирует состав экспертного совета и назначает его руководителя;
- формирует состав конкурсной комиссии и назначает ее руководителя;
- принимает заявки на участие в конкурсе;
- информирует участников конкурса, муниципальные органы управления образованием, общественность об итогах конкурса.

7. Конкурсная комиссия:

- на основании результатов экспертизы конкурсных материалов определяет победителей конкурса;
- подводит итоги и оформляет результаты проведенного конкурса.

8. Экспертный совет проводит экспертизу соответствия представленных конкурсных материалов требованиям настоящего Положения.

IV. Права организатора и участников конкурса

9. Организатор конкурса имеет право отказать участникам в участии в конкурсе в случае, если:

- представленная на участие в конкурсе заявка не содержит всех необходимых сведений;
- нарушены сроки подачи заявок на конкурс.

10. Участники конкурса имеют право:

- привлекать к разработке материалов, представленных на конкурс, других педагогических работников образовательных учреждений: преподавателей истории, педагогов дополнительного образования, учащихся (далее – привлеченные специалисты);
- отозвать свою заявку на участие в конкурсе, уведомив об этом организаторов конкурса в письменной форме.

V. Порядок приема конкурсных материалов

11. Для участия в конкурсе участник обязан предоставить организатору конкурса **заявку** на участие в конкурсе согласно Приложению 1 к настоящему Положению.

12. К заявке прилагаются следующие конкурсные материалы:

конкурсная работа, выполненная в форме web-сайта, содержащая описание природы того района, в котором находится учебное заведение (растительный и животный мир, описание места их обитания, иллюстрации: фотографии, карты, рисунки, схемы);

подписка на журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ с любого месяца текущего года, но не менее чем на один год (копия подписного купона). Подписка может быть оформлена на образовательное учреждение.

13. Прием конкурсных материалов осуществляется организаторами в течение 40 дней с момента опубликования объявления о проведении конкурса в средствах массовой информации и на сайтах Министерства образования и науки Челябинской области и ОГУ «Областной центр информационного и материально – технического обеспечения образовательных учреждений, находящихся на территории Челябинской области» (РКЦ).

VI. Порядок проведения конкурса

14. Экспертный совет проводит **экспертизу заявок** по следующим критериям:

- полнота раскрытия темы в конкурсной работе;
- актуальность информации, представленной в конкурсной работе;
- научная ценность конкурсных материалов (ПРИМЕЧАНИЕ: все рисунки, иллюстрации, фотографии, видео и прочие иллюстративные материалы должны быть созданы участниками конкурса);
- непосредственное участие учащихся в создании конкурсных материалов;
- возможность использования созданного материала в образовательных учреждениях области (сочетаемость материалов с примерной программой и базовым учебником).

15. Конкурсные материалы **оцениваются** по десятибалльной системе (1-10 баллов) в соответствии с Приложением к настоящему Положению. В случае отсутствия информации в представленных заявках по какому-либо из критериев, балл по данному критерию не выставляется.

16. По результатам экспертизы составляется **экспертное заключение** по каждой конкурсной работе, определяется общая сумма баллов по всем критериям, указанным в пункте 14 настоящего Положения, и формируются рейтинги участников по каждой номинации конкурса.

VII. Порядок подведения итогов конкурса и награждение победителей

17. Порядок подведения итогов конкурса:

- конкурсная комиссия в срок до 2 марта подводит итоги конкурса и определяет 3 победителей конкурса;
- победители конкурса определяются конкурсной комиссией по наибольшей сумме набранных баллов;
- при равной сумме набранных баллов победители определяются путем голосования, при равенстве голосов голос председателя конкурсной комиссии является решающим;
- результаты голосования и решение конкурсной комиссии заносятся в протокол заседания конкурсной комиссии.

18. Все работы участников конкурса будут размещены на сайте журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

<http://uralstalker.su>, либо на портале «Родной край» <http://r-kray.rkc-74.ru>

19. Победители конкурса награждаются:

- грамотами Министерства образования и науки Челябинской области
- денежной премией в размере от 30 до 100 тысяч рублей
- Образовательное учреждение получает подписку на журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ на один год.

Денежное вознаграждение используется на внедрение, усовершенствование и дальнейшее развитие проектов.

Каждому областному государственному учреждению, педагогические работники которого стали победителями конкурса, выделяются средства областного бюджета путем увеличения ассигнований на обеспечение выполнения функций бюджетных учреждений для выплаты денежных вознаграждений.

20. По результатам конкурса Губернатором Челябинской области утверждается распределение иных межбюджетных трансфертов местным бюджетам городских округов и муниципальных районов Челябинской области.

21. Оформление подписки на журнал производится организатором конкурса на основании протокола конкурсной комиссии.

22. Проведение конкурса и его результаты освещаются организатором конкурса на официальном сайте Министерства образования и науки Челябинской области, сайте ОГУ «Областной центр информационного и материально – технического обеспечения образовательных учреждений, находящихся на территории Челябинской области», в средствах массовой информации, а также на **портале журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ** <http://uralstalker.su>.

Бланк заявки на участие в областном конкурсе учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области размещен на портале журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ <http://uralstalker.su>.

Жуков в Раскуихе

Летом 1952 г. я работал в деревне Раскуихе под Свердловском над дипломной картиной «На просторах Урала». Поселился в доме Харитины Федоровны и Александра Игнатьевича Мякотиных.

На горе Высокой присмотрел три места с хорошим обзором. Соорудил там мольберты, чтобы не таскать взад-вперед, и начал работать. Уходил с рассветом, приходил под вечер. Вскоре появились помощники в лице дочери Мякотиных Алевтины, приехавшей на каникулы, ее сестры Нюси и их сверстников от 9 до 16 лет. Шумным табором они всюду следовали за мной и рады были выполнить любую просьбу. Сооружали шалаши, балаганы, кострища. Заготавливали горы топлива. Когда я переходил на другое место, эта орава готова была перетащить не только мои манатки, но и меня самого. В местах, где мы побывали, даже змеи исчезали, которых было немало.

Однажды занемогло, и я вернулся в деревню рано. У забора дома толпилось несколько человек. В том числе принаряженные Харитина Федоровна и Алевтина. «Слышь, Василий, ты немного помешкай тут, — сказала моя хозяйка. — Гостя ждем. Вон гляди, идут».

На противоположном берегу реки Чусовой стояла машина «бобик». Четверо военных, перейдя реку вброд, зашагали в нашу сторону. В их числе я узнал Георгия Константиновича Жукова. Подошли к нам, со всеми поздоровались за руку. Жуков, заметив меня, спросил Харитину Федоровну: «Это что за молодой человек?» Она ответила: «Это наш художник». Георгий Константинович подошел ко мне, пожал руку, похлопал по плечу и сказал: «Это хорошо, что художник. Но мы с тобой еще поговорим». И они пошли вместе с Харитиной Федоровной и Алевтиной.

Вернулись взволнованные, суетливые, и Алевтина мне сказала: «Иди, Василий, тебя приглашают». Вот так и состоялось мое знакомство с величайшим полководцем мира Г.К. Жуковым. Когда я перешагнул через порог, из-за стола поднялся Жуков. Он протянул ко мне руки, проговорил: «Прошу к столу, ближе к самовару. Почаевничаем по русскому обычаю, потараторим о жизни нашей». За столом сидело еще двое мужчин. Я оказался в компании, о которой и мечтать не мог. Посреди стола стоял чугунок с вареной картошкой в мундире, тарелка с черным хлебом, сотворенным местными хлебопеками, кувшин с молоком, чашка вареного мяса, редька, нарезанная сочными, посуда с вареной и нарезанной капустой, лежали деревянные ложки, стоял кувшин с квасом, глиняные кружки.

Георгий Константинович все время задавал мне вопросы по искусству. Мне пришлось непросто. В то время я не обладал особым красноречием и знаниями, но все же старался не упасть лицом в грязь. Прощаясь, он сказал, что я интересный и грамотный собеседник.

Прошло два дня, я писал этюд на опушке леса. Раздался лай множества собак. Свора пронеслась мимо меня, и я увидел выходящих из зарослей Георгия Константиновича и одного из тех, что был за чаепитием. Подошли ко мне, поздоровались и стали разглядывать мою работу. Жуков похлопал меня по плечу, сказал: «Славно трудился», — хитро подмигнул, пожал руку, кивнул головой и скрылся в лесу.

Следом пошел егеря Афоня, местный мужик с собаками на сугундере. Еще не раз во время пле-

В. Дьячков. На просторах Урала. 1952 г.

нэра мне приходилось видаться с Жуковым и слышать его речь. Оказывается, в деревне Раскуихе находилась охотничья база Урал-ВО. Тут было 17 разнопородных собак и два деревенских мужика — Афоня и Липат, служили егерями.

Мне приходилось читать, что Жуков ездил на охоту с огромной охраной. Не могу это подтвердить: больше трех человек я не видел. По всему было видно, что это его друзья и соратники. Пребывали они без знаков различия, правда, в военных бушлатах.

Встречи и чаепития были довольно частыми. Во время охоты друзья Жукова да и он сам не забывали поинтересоваться моей работой и посмотреть, что я клепаю. Бывало, не чуждались разделить нашу трапезу у шалаша и перед костром в куче подростков. Еда наша состояла из картофельных печенок, печеных масляток, обабков, репы, свеклы, моркови и даже лука. Было видно, с каким удовольствием они вкушали наши угощения, с каким азартом участвовали в играх с детьми: качались на качелях — согнутых березах, стреляли катапультами — кривыми березками толщиной до 10 см, заостренными сверху, с углублением для снаряда — шишек, камней и любых твердых предметов. Как ни странно, снайперами оказывались подростки. Тем не менее Жуков и его друзья горячо поздравляли победителей, жали им руки, отдаваясь детским забавам. Они шутили, смеялись и дурачились, кто во что горазд.

Моя работа над картиной закончилась, ее надо было везти в Свердловск. А как? До станции Мраморное далеко, картина довольно негабаритная — 90x150, в электричку не пустят. Тащись до города пешком! Картина Жукову и его товарищам понравилась, они расписались на обратной стороне холста.

Потом пришла полуторка, и меня вместе с картиной увезли в Свердловск.

Центральная точка области

Свердловская область как географическая единица, наконец, обрела свой центр. Каменное изваяние, обозначающее центральную ее точку, установлено 5 декабря.

Кроме малахита, Павел Петрович Бажов писал в своих рассказах и об уральском змеевике, из которого состоит большая часть Уральских гор. Именно этот серпентинит «змеевик» и был выбран для монумента на географический центр нашей области. Образец был добыт на Шабровском месторождении. Это пейзажная нежно-зеленого цвета плита размером 240 см на 160 см и 30 см толщиной. Цвет символизирует природу Свердловской области, покрытую лесными массивами, а белые и темные прожилки — горы и речки, стекающие с Уральских гор. Плита стоит на

большой подставке из серпентинита и установлена возле дороги в 26 км от пос. Восточный, и в 21 км от пос. Сосьва — где зафиксирован географический центр Свердловской области

На глыбе обозначены контур Свердловской области, столица области и центр с указанием географических координат

Этот проект — подарок Свердловской области к юбилею — плод творческих исканий трех энтузиастов:

- директора Уральского геологического музея Фирата Нурмухаметова,
- главного редактора журнала «Уральский следопыт» Максима Фирсова и
- фотографа и краеведа Виктора Байдукова.

Один из авторов проекта Виктор Байдуков считает, что установка памятного знака будет своеобразным завершением прокладки так называемого Серебряного кольца Урала, в которое входят города, хранящие историю возникновения и развития Свердловской области, — Невьянск, Нижний Тагил, Верхотурье, Меркушино, Верхняя Салда, Алапаевск, Реж и другие.

Юрий КЛЮШНИКОВ,
фото из семейного архива Никоновых

Я патриот этой земли

Писатель Николай Никонов о туринском крае

Свадьбу играли в Поречье

Туринская тема в творчестве Николая Никонова, чье имя по масштабу творчества стоит рядом с именами Мамина-Сибиряка и Бажова, занимает значительное место. С помощью жены прозаика Антонины Александровны Никоновой, ее сестры Валентины Александровны Суторминой, обе уроженки деревни Ерзовки Туринского района, мне удалось собрать интересный материал.

Первое знакомство Никонова с туринским краем выпало на весну 1950 года. «После окончания Свердловского пединститута я попросилась работать в Пореченскую семилетнюю школу Туринского района, — рассказывает Антонина Александровна. — Николай Григорьевич остался доучиваться. Чтобы разлука не растянулась, досрочно сдал экзамены на учительский диплом о высшем образовании (мы оба учились в одном вузе) и приехал ко мне. 23 марта наш брак зарегистрировали в поселке Поречье. Секретарь сельсовета Леонид Фомин произнес напутственные слова. Возник вопрос: где взять свадебный букет? Живые цветы в эту пору нигде не достать. На подоконниках в школе стояли комнатные цветы. Их состригли. Это был лучший букет в моей жизни. Обошлись без обручальных колец. Лет через 15 муж купил мне колечко. Сам так и ходил без кольца.

Договорились: я заканчиваю здесь учебный год, потом переезжаю к супругу в Екатеринбург (тогда он назывался Свердловск). Потом Николай Григорьевич раза четыре или пять приезжал со мной в Ерзовку погостить у моих родителей. И на отдыхе не сидел без

Антонина Александровна и Николай Григорьевич Никоновы. 1951 г.

дела. Собирал из привезенных с собой палочек детали для птичьих клеток. Любил птиц, особенно певчих. Дома у него был настоящий вольер. Подержит птах неделю и выпустит на волю. Бывало, ночью меня разбудит: «Соловей поет. Слышишь? Фюить, тю-тю, чип-чип, тюи-тюи. Раскат за раскатом. Дробь, щелканье, нежные оттолчки одна за другой. Что-то русское,

святое, хватающее за душу в этом посвисте». В дальнейшем это впечатление выплеснулось в рассказе «Соловей».

Как-то утром с моим отцом он отправился слушать жаворонка в ерзовские поля. С его слов: «Утро тихое, ясное. С поля веет устойчивым, пьяным теплом земли. И вдруг запел жаворонок. Подумалось, вот сейчас, трепеща крыльями, стол-

Тоня Томилова (Никонова), 1949 г.

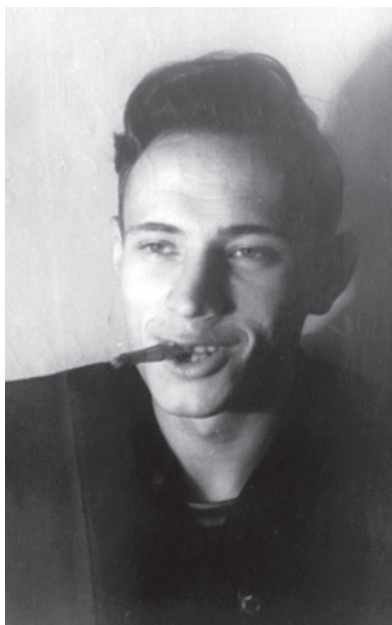
биком подымет, растворится в вышине. Но нет, не поднялся. Жаворонок птица умная, осмрительная. Наверное, заподозрил что-то неладное. Так мы жаворонка и не увидели. А слышать слышали. Совсем рядом был».

Ерзовская ходка вошла впоследствии в книгу Никонова «Певчие птицы» (1968 г.)

Деревня в полях, как в степи

Никонов много расспрашивал жену о жизни ее малой родины, узнавал подробности от местных жителей. Повстречал, к примеру, колхозницу Анфию Ивановну Воронову — подкатил с расспросами: кто бригадир, как идет работа, кто председатель колхоза. Потом довоенные и военных лет будни ерзовского колхоза «Рассвет» вошли в повесть «Когда начнешь вспоминать». Персонажи книги — рядовые колхозники остались со своими именами и фамилиями. И повествование идет от имени жены писателя, только одна буква изменена в имени — Таня вместо Тони. Да Ерзовка названа Березовкой. Выразительно выписан автором ее портрет.

«Деревня рассыпана по обе стороны речки. Та заречка, где большая часть деревни, магазин, сельсовет, школа» и та, «которая

Н.Г. Никонов, 1946 г.

ближе к городу (Туринску), — 8 домов». Здесь и дорога в Туринск, «по которой всегда кто-нибудь идет, бежит собака, едут на телегах или на велосипедах. Дорога пересекает речку по мосту, уходит в соседние деревни» — Кибиреву (в повести Осьмухину), Луговую, Коркино (Порохову) и Липовку.

Прекрасны пейзажи. «Тихие, ясные, просквоженные синевой облачные дороги, полевой ветер, всегда с запахом конопли, ржи и полыни, с полей повеваает ржаной сухостью и ароматом татарников,

малиново млеющих под солнцем на буграх. Лес близко. Тянет в поле смолкой березовых листьев, тянет запахом сосен, цветов, земляники».

И среди этой благодати нелегкий деревенский труд. Муторная прополка картошки перед окучкой на ближних угорах за омутом. Сору уйма. «Солнце греет безжалостно. Голову напекло так, что начинает в ней гудеть и звенеть». Трудно из засохшей земли выдирать осот, «твердый, колючий, прокалывает кожу до крови, обрывается у самой земли, из его длинного, чуть не в полметра, корневища, которое осталось в земле, вырастет через неделю целый пучок новых зазубренных листьев».

Сенокос в Тырловом логу: выбивает из сил, «рубаха — хоть выжми, вся мокрая». Уборка рано поспевшей, перестоявшей, побелевшей ржи вручную, серпами. Комбайн «Коммунар» из МТС сломался, едва начали косить, а время поджигает. «Срезая колосья, женщины быстро кладут кучки, собирают их и тут же вяжут их туго скрученной соломенной вязкой, прижимают круглым белым коленом — вот и готов сноп и гордо стоит на ровном, чистом, отсвечивающем бронзой жнивье». (Здесь и далее воспоминания жены писателя сопровождаются закавычен-

Дом Никоновых в Екатеринбурге, пер. Спорта, 20. 1950-е годы

ными цитатами из никоновской хроники Ерзовки и ерзовцев.)

Умеют они и отдыхать. В престольный праздник Вознесения собирают круг, приглашают из соседних деревень. «Все взрослые, подростки и даже дети выходят на улицу, собираются кучками, на лавках сидят. Старухи судачат, оглядывают гуляющих. Молодежь ходит, взявшись за руки, парни отдельно, и девки — тоже. В группах парней — гармошки. Там поют песни, каждая группа — свою. Мужики с бабами располагаются прямо на завалинках, на траве кружками, на обочинах канав, пьют и закусывают, идет «беседушка». Каждый выносит на круг свое: пироги, шаньги, плюшки. Магазин (сельпо) открыт настежь, продавщица вся в поту отпускает красное и белое, торопливо вешает пряники и конфеты. На кругу сидят, пока не станет темно. Тогда постепенно лавки и завалинки пустеют, в деревне рано ложатся, и остается одна молодежь. Тут уже поют все вместе, парни и девки, под гармошку, а то и под две. Пляшут кадрили с фигурами и сибирскую барабушку».

А какие колоритные у Никонова фигуры колхозников! Всякого в человеке намешано, хорошего и плохого, а поди ж ты, военное лихолетье высветило все самое лучшее в душе. Нелюдимый бобыль, единоличник, «лодырь и проныра» Александр Петрович Кукушкин, сухой, голенастый, недоверчиво-хитренько шустрящийся, промышленлял заготовкой и сбытом хмеля, домашним изготовлением лодок, сушил черемуху, лекарственные травы; с приходом военной беды вступил в колхоз, по собственной инициативе вручную засеял два гектара логовой и холмистой неудобницы за речкой, где и техника не пройдет, да и нету ее, техники, и лошадей — тех, что получше, на фронт забрали. Как раскрылся старик! «Принес темное заскорузлое лубяное лукошко. «Ну-ко, бабы, волокни семена», — скомандовал. Надел полное лукошко через правое плечо на левый бок. Прямой, торжественный, захватил горсть зерна, качнул бородой и, как бы

плясать собираясь, широко повел рукой, пошел. В его движении по пашне было что-то старинное, красивое и щедрое. Он ушагивал в поле и все поводил, поводил, поводил долгой, худой рукой, пока не кончились зерна. Подтащили ему мешок с зерном. К вечеру оба гектара на буграх были засеяны».

Тракторист Колька Белый, белесый здоровенный драчун и задир, на кругу, бывало, забравшись на телеграфный столб, крыл всех матом, а на фронте оказался отважным бойцом. «На Белого пришла похоронная, его убили под Калинином».

Уже упомянутая Воронова (в повести Катерина), лучшая работница в «Рассвете», о ней писала туринаская газета «За коммунизм», ее звено первенствовало на всех работах, приняла бригаду после ухода бригадира в армию, согласилась на председателя, когда один ее предшественник на этом посту пошел добровольцем на фронт, а второй завалил хозяйство. «Катерина работала больше всех, первая идет и в поле, и на покос, последняя уходит, ест, что все, иногда хуже, все знают — у нее большой желудок. Иногда она бросает работу, садится на меже, серая от боли, и только по одичало-отрешенному взгляду можно понять — болит у нее сильно. Некрасивая, худая, крутая на расправу и на резкое слово, однако заботливая и работающая, как ни одна баба в деревне, Катерина ходила мрачнее тучи, под глазами у нее залегла синева, гнуло ее большое колхозное хозяйство со всеми заботами, так неожиданно свалившимися».

Мужики на войне. Лошадей, кои получше, забрали в армию. Пашни у колхоза большие, обрабатывать их некому и не на чем. «На полевую работу выходят бабы, старики, старухи, инвалиды, ребята-подростки, народу собирается вроде бы много, а все не могут осилить. Пахали на оставшихся больных лошаденках, кто-то предложил пахать на коровах. Но коровы и парой тянули плуг худо, скоро выбивались из сил, ложились на пашне. Доярки говорили, что в

молоке у коров после пахоты появлялась кровь. Тогда коров стали гонять боронить».

И все же в центре внимания повести семья Томиловых (девичья фамилия Антонины и Валентины — Томиловы). Отец Александр Капитонович (в повести Иван Емельяныч) получил чахотку еще с Гражданской, «в груди у него всегда пело, свистело и ныло», но продолжал трудиться: делал вилы, грабли для колхоза. На фронт его, старого и больного, не взяли, тогда он пошел работать в поле, с утра до ночи там, а то и день-два не приезжает домой. Когда занемог во все, едва оклемавшись после лечения в туринаской больнице, стал подшивать колхозникам валенки. Мать Анна Николаевна (в повести Анна Миколаевна), неся на своих плечах груз забот по домашнему хозяйству, воспитывая кучу детей, и на работе выкладывалась. Дополнительно выращивала колхозу инкубаторных цыплят у себя дома, поскольку на ферме не оказалось подходящего помещения. «Стоял отчаянный писк сотен цыплят, с утра дро ночи топилась печка — цыплятам нужно тепло. Мать варила им чугуны корму, носила с фермы обрат — сыворотку из-под сепараторов, которой цыплят поили. Сбивала деревянные ящики, куда садила цыплят по десяткам и выносила греться на солнце. Хилые эти птенчики гибли от самых неожиданных причин. То затопчут друг друга ночью, сбиваясь в кучу к печке, то свалятся в корытце с водой, вымокнут и протягивают ноги, то объедятся и валяются в судорогах, то «обезножат» совсем неизвестно почему — возни с ними хоть отбавляй, и ответ большой».

Убедительно показывает Никон, как Томиловы из леса на себе возили сани с дровами, пришлось даже баню разобрать на топливо, мучились с заготовкой сена корове, поскольку присланный из города председатель-временщик издевательски отказывал выделить покос и хоть на час лошадь — привезти дров из леса, а когда предложил сдать в артель единственный стожок сена, накошенного в лесу но-

чами, мать в отчаянии выдернула из земли лопату и пошла на председателя: «Мужик больной лежит... Ребятишки. Сын за тебя, паразита, голову сложил на фронте. Поглядел бы, как мы бьемся живем. Будь ты проклят. Беги от греха. Ссеку!»

Председатель в страхе ретировался. Все обошлось. Сельсовет встал на защиту Томиловых. Я не назвал еще многих и многих жителей Ерзовки, чьи яркие судьбы и колоритные характеры мастерски выписал Никонов в повести, которую смело можно назвать частью истории туринского края.

Очнулся от векового сна

Немного найдется в Свердловской области городов, о которых бы писал Никонов. А городу на Туре он посвятил 32-страничный очерк в серии «Библиотечка юного географа» (Туринск. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск. 1970 г.). Весь город он не только объехал во время коротких визитов, — возил его рабочий ЦБЗ Николай Сутормин, муж Валентины, сестры жены, — но и обошел пешком. Побывал даже на маленьких непроезжих улочках-переулочках. Возвращался — обувь вся облеплена грязью.

Его больше интересовали старые исторические окраины, старинные избы. Не потому ли из

пяти разделов очерка четыре посвящены истории райцентра. Образность, высокое мастерство и здесь не изменили мастеру слова. Писатель прослеживает ключевые этапы: дорога в Сибирское царство, город на Туре, место ссылки, уездная глушь, новый Туринск.

В живописные краски первого раздела очерка «вкраплены» размышления автора о значении и причинах похода Ермака. Сражение пришельцев с аборигенами возле села Усениново обещает успех первым. Сила покорителей Сибири — в их беспримерной храбрости. А вогулы — основной костяк войска татарского мурзы Япандзы — «не боевой народ, только и глядят в свой лес». Да и сам Япандза, по мнению писателя, отнюдь не уверен в успехе ночного налета на флотилию казачьего атамана. «Не случись удача — уйти можно, кругом свои места», а покорителям «сторона незнакомая. Куда они от своих стругов денутся? Лошадей нет».

Но дадим слово писателю. «Вот уж совсем близко плывет первый струг. Стал поворачивать кормой в излучину (Турь). Махнул Япандза. Засвистели стрелы. Завыли воины. Покатились к берегу. И вдруг заблестел огонь со всех стругов. Ударили ермаковы пушки — пищали. Завизжала картечь. Схватился за плечо Япандза. Пробило кольчугу. На пальцах кровь. Прорва-

лись казаки. Поплыли к становичу Япандзы. Отдал приказ Ермак первым десяти стругам подходить к берегу. Высаживаться. Остальным — прикрыть огнем из пищалей. Наголову разбит Япандза. Сожжен дотла его городок Епанчин. «Высота... Вид кругом... Тут бы и нам острожек поставить», — Ермак повел рукой. Было лето. Июнь. Год 1581(правильно 1582.— Авт.)».

Приказ царя выполнил тюменский воевода Иван Лихарев. «Летом 1600 года выстроен был на высоком берегу Турь бревенчатый острог-крепость. В остроге помещался гарнизон казаков и стрельцов. Крепость была поименована по названию реки — Туринск. Так родился один из самых древних городов на Среднем Урале».

Далее писатель останавливается на застройке будущего города, Ямской слободе, гонявшей «ямщину» по сибирскому тракту, зимой по реке от Верхотурья до Тюмени. Никонов отмечает как положительный факт переселение в Туринск из городов европейской России крестьян обрабатывать государеву пашню. Но его возмущает варварское отношение к природе. Лес «нещадно рубили еще тогда, когда на берегах Турь под самым городом возникали или возрождались из прежних татарских станович хлебобороческие деревеньки». «Приезжающий ныне в Туринск, выйдя за город, чувствует себя как в степи. Бесконечные поля уходят за бугры. Маячат на горизонте серые крыши деревень, ветряки, купы тополей. Даже солнце как будто степное: крепко палит сухую, местами растрескавшуюся и темную землю, белокрылый хищный лунь парит над рожью, осторожно взмахивает крыльями — он тоже степняк. За веками люди незнанием преобразили природу. И лишь отъехав от Туринска на порядочное расстояние, снова видишь лес, тайгу, великую, суровую, непроходимую».

Автор целую страницу очерка уделяет туринской торговле на Ирбитской ярмарке. Большой раздел посвящен политссылным — опальным царским вельможам, боярам, придворным, дворянским

Дом в Ерзовке Туринского района, где родилась и жила до 19 лет А.А. Томилова (Никонова)

революционерам, сыгравшим заметную роль в культурном развитии Туринска. Характеризуя дореволюционный Туринск, Никонов ссылается на энциклопедический словарь Брокгауза.

Летом перед началом сенокоса в Туринске действовал местный так называемый Петровский торжок. По товарам на торжке легко узнать о зимних занятиях крестьян окрестных деревень.

Никонов уточняет: в Ерзовке делали лакированную мебель, в Сорокиной — мелкие речные суда и лодки, в Коркино — столы и стулья. «Многие крестьяне промышляли в лесу, добывали пушнину, главным образом белку, а также лис, рысей, колонков и горностаев, били рябчиков, тетеревов и глухарей, заготавливали клюкву, бруснику и кедровые орехи, которых отправлялось на Ирбитскую ярмарку до 35 пудов». «И по-прежнему Туринск был связан с внешним миром только грязными труднопроходимыми в летнюю пору дорогами да в водополе речным путем с Верхотурьем и Тюменью. Бесконечные леса со всех сторон обступали город — не даром и на гербе Туринска изображен был на серебряном щите медведь, выходящий из зубчатого леса».

Туринск очнулся от векового сна после Октябрьской революции, когда наступило время великого строительства, обновления всей страны. В панораме нового Туринска 70-х годов минувшего века писатель разглядел очертания облика города на Туре начала XXI века. «Началось проектирование большого целлюлозно-бумажного комбината. В настоящее время он превратился в крупное механизированное производство, выпускающее тысячи тонн целлюлозы в год. При комбинате работает бумажная фабрика, которая выпускает высококачественную писчую и тетрадную бумагу. Лес — главное богатство туринской земли превращается здесь в целлюлозу. А целлюлоза — это искусственный шелк, пряжа и волокно, рубашки и чулки, киноплёнка и пластмассы, картон и искусственная кожа. Главная забота работни-

ков комбината — так использовать сырьё, чтобы вся древесина шла в дело, приносила пользу людям. С этой целью строится на комбинате цех древесно-волоконных плит. Он будет выпускать за год 10 миллионов квадратных метров этой важной облицовочной продукции. При целлюлозно-бумажном комбинате вырос большой рабочий посёлок с прямыми зелеными улицами, уютными домиками, клубом и больницей».

Сегодняшняя явь подтверждает писательское предвидение. ЦБЗ — крупнейшее градообразующее предприятие Туринска с развитой инфраструктурой. К изображенному писателем добавились производство новых сортов бумаги, обоев, газификация, новые современные основные и вспомогательные цеха, растущий благоустроенный заводской посёлок с современной школой и Дворцом культуры.

На этом фоне особенно видны утраты. С болью и горечью читаем, как о невозвратном прошлом, о Туринской спичечной фабрике, Туринской фабрике игрушек...

Тепло пишет Никонов о Героях Социалистического Труда Николаевой и Стадучине, сведения, естественно, 1970 года. «Вера Семеновна Николаева — главный врач центральной больницы Туринска. В прошлом ученица ФЗО, путевая обходчица, работница на восстановлении Донбасса, студентка мединститута. С 1954 года — врач Туринской районной больницы, за свой труд врача награждена орденами. Такой же нелегкий, но почетный путь прошел Всеволод Григорьевич Стадучин, председатель колхоза имени Чапаева. Коренной туринец, учился в свердловском ремесленном училище № 1, работал столяром-модельщиком, воевал, награжден орденом Славы и медалями, а ныне он возглавляет лучший в районе колхоз, превратившийся под его руководством в колхоз-миллионер».

Заканчивает Никонов свой очерк такими словами: «Туринск растёт и хорошеет, славен своими рабочими руками, своими тру-

женниками, среди которых есть и заслуженные учителя, и врач-орденоносцы, и просто мастера своего дела, из века в век доказывающие, что не скудеет талантами золотая уральская земля».

«Я патриот своей земли, — говорил о себе Никонов. — Тебе, читатель, одному верю я бесконечно, тебя ценю, как верного неподкупного друга, твоего суда ищущу и ему доверяю, им горжусь. Да оправдаю ли? Не знаю». Думаю, в туринской Ерзовке местные власти сделали бы доброе дело, если бы присвоили его имя местной улице. Ведь Николай Григорьевич прославил Ерзовку на всю нашу страну, своими произведениями оставил о ней немеркнущий след в истории района. Могли бы, наверное, и в Туринске как-то увековечить писателя. Есть школы, улицы, литературный клуб «Факел», достойные называться его именем.

Всю жизнь буду хранить благодарную память о нем. От Николая Григорьевича остались запись моей беседы с ним, совместные фотографии, его книги с автографом. К сожалению, нет его писем. По словам вдовы, писать письма он не любил, обычно созванивался по телефону. Зато есть письмо от его жены от 21 января 2004 года. «Благодарю Вас, Юрий Иванович, за теплые слова, сказанные о Николае Григорьевиче в журнале «Урал» (№ 12 за 2003 г.). Ваши «Туринские заметки» порадовали теплым отношением к Н.Г. Никонову и всей нашей туринской родне, высокой журналистской профессиональностью, а, главное, добрым человеческим отношением. Высылаю Вам журнал «Урал» за 2003 год, № 12. Журнал отводит Никонову 100 страниц. Это не совсем обычная никоновская проза, я не комментирую, сами все поймете. Выражает Вам, Юрий Иванович, благодарность и наша дочь Илона, сейчас она носит фамилию Попова, а урожденная Никонова. Ей 42 года, работает переводчицей с английского языка, кончала факультет английского языка пединститута. Поклон от нас всем Вашим домашним. С искренним уважением Антонина Александровна Никонова».

Николай КОРЫТИН,
фото автора

Записки о первой экспедиции

После окончания школы я хотел поступать в МГУ. На следующий день после школьного выпускного бала сразу несколько человек с нашего двора уезжали в Москву поступать. Провожать нас пришло много народу — двор, одноклассники и сочувствующие. Как всегда это было в Вятке, провожание вылилось в целый ритуал: слезы, марш «Славянки»...

В итоге Москва приглубила только мою будущую жену, с которой мы пока что только беззлобно переругивались по поводу и без. Из Москвы, наевшись мороженого и наигравшись в футбол с Пашкиными братьями, мы с Пашкой благополучно вернулись домой и поступили на охотфак.

После первого курса мне представилась возможность поучаствовать в Обь-Енисейской экспедиции. Она что-то там должна была изучать на севере. Собирались долго и тщательно, взвешивая каждую вещь.

Потом был первый в жизни захватывающий дух полет на самолете Ан-24, еле-еле оторвавшем шасси от взлетной полосы и натужно, тряся крыльями, набравшем высоту. Потом поезд, привезший в неведомую безлесную страну, где все было по-другому. И люди были другие. Смущало одно, начальником у меня оказалась женщина, Миля Михайловна, что, по моему тогдашнему мнению, не предвещало ничего хорошего. Начальница

была невероятно хороша собой, однако, увы, — почти вдвое старше меня, что тогда представлялось чем-то невообразимым. Я только вскользь отмечал ее достоинства, сетуя в основном на недостатки, каковыми являлись собственно принадлежность к полу и «древний» возраст.

По дороге с вокзала в гостиницу в автобус садились женщины с корзинами, полными грибов. Первая ночь в гостинице Салехарда поразила отсутствием ночи. Сон пришел с трудом и только к утру — мешал пробивавшийся сквозь шторы и светивший всю ночь косой солнечный свет.

Наутро, позавтракав в местной столовой макаронами и напитком

Николай Корытин родился в г.Чекалине Тульской области. Школу окончил в Кирове. Учился в Москве, в МГУ, на биофаке. С 1976 года работает в Институте экологии растений и животных в Екатеринбурге. Автор многих научных статей. «Записки...» — первая «ненаучная» публикация.

под названием «чай с сахаром», мы встретились с коллегами, каковыми были студенты третьего курса охотфака — Гарик и Слоник. Гарик был длинный, худой, черный и импульсивный. Слоник, наоборот, большой, добрый и спокойный. Позже к ним присоединился еще один коллега, Лев Иванович.

Дни в Салехарде проходили за выпиской данных об охотничьей отрасли — днем, разглядыванием симпатичных метисок в перерывах и продолжительными ужинами в единственном ресторане Салехарда вечером. А вечером там были в основном геологи, открывавшие свои месторождения нефти и газа. Мы тоже пили за их месторождения. Но пили свой собственный спирт, который был у студентов в большом запасе. Слоник с неизменной мягкой улыбкой договорился каким-то образом с официантками, и мы наливали разбавленный спирт в ресторанные графины. Начальница питания не предавалась, ужинала в одно с нами время, но за другим столиком со своими знакомыми, которых у нее здесь было много. Потом мы шли гулять по окрестностям, губе, по которой долго-долго брели по колено в воде, умывались, салютовали затонувшим кораблям и любимым женщинам. Издали все было призрачно и походило на колеблющийся мираж. Потом в утреннем тумане возвращались назад, и вечером начинали снова.

Наконец настал момент отъезда в поле. Мы с моей начальницей

улетели на Мыс Каменный с почтовым Ан-2, с тем чтобы дальше лететь до Сеяхи. Мыс Каменный являл собой небольшое количество невысоких построек, стоявших на длинной песчаной косе, радар, с десяток вертолетов и «Аннушек». Гладкий пляж, монументальные остатки льдин, синяя губа... Неподвижность. Редкий дождь и слабые порывы ветра. Однако у трапа нас встречал солдатик с автоматом наперевес, вежливо на мгновение открывал паспорт и с улыбкой говорил каждому: «Добро пожаловать на Мыс Каменный». Присутствие солдатика, вернее младшего лейтенанта в зеленой фуражке, меня немало удивило: какая и с кем здесь может быть граница? Воистину, пути господни неисповедимы.

В гостинице — полное отсутствие постояльцев. В столовой — дым котельным в буквальном смысле и нормальный обед за совсем символическую плату. Обсудив с пилотами и радистом местную погоду и достоинства антифриза, мы ушли спать. Утром, несмотря на туман на взлетной полосе и над губой, улетели на попутном вертолете в Сеяху.

Сеяха встретила морозящим дождичком и бродящими без дела сворами лаек. Здесь нам тоже пришлось что-то выписывать какое-то время, потом М. М. договорилась о выезде в поле.

В отличие от Салехарда, Сеяха выглядела цветком на сваях, выросшим из помоев. Абсолютно все пространство между домами и ули-

цами было завалено отбросами, и среди них возвышались дома и деревянные тротуары на сваях. Здоровенные, лохматые, красивые лайки бродили сворами-упряжками или лениво лежали на дорожках, и их приходилось перешагивать. Периодически своры делили территорию или решали какие-то другие

собачьи проблемы. Драки были невероятно жестокие, участвовали в них все члены стаи с обеих сторон. Собак никто не кормил, и столоваться они ходили в тундру.

А мы столовались в детском садике. М. М. жила здесь же в садике, в котором детей почему-то не было, а меня отселили в здание сельсовета, где я спал на жесткой деревянной лавке, изготовленной самим председателем. Потом я заметил, что аналогичного покроя лавки и табуретки имелись во многих присутственных местах Сеяхи — том же детском садике, магазине, конторе промхоза. Находясь на государственной службе, председатель сельсовета сколачивал их абсолютно безвозмездно, из любви к искус-

ству, одаривая население от имени советской власти.

В конторе промхоза мы встретили двухметрового седовласого джентльмена в белом халате, помогавшего сортировать пушнину — горы песцовых шкурок. Джентльмен имел необыкновенную биографию, был по профессии романтиком, а по национальности немцем, предки которого приехали в Россию по зову Петра. Дореволюционные манеры и речь ярко контрастировали с окружающей действительностью. Джентльмен имел соответствующие имя и фамилию — Лев Гейденрейх. Он чесал шкурки песцов расческой, тряс их и бросал в разные кучки, рассказывая нам байки из своей многообразной жизни. Ненцы смотрели на него как на сошедшее с небес божество. Божество же при этом успевало снимать с расчески песцовый пух, складывало его в карман и приговаривало, что носки из песцовой пряжи необыкновенно хорошо помогают ему при его подагре. Минут через пятнадцать после знакомства он звал уже нас «ребятки», не замечая с собственной высоты нашу с М. М. При расспросах о целях нашей поездки он неизменно обращался ко мне, а не к ней, тем самым безапелляционно подчеркивая, что «женщина — не птица». Меня это смущало, М. М. с

любопытством косилась — как я выкручусь. Лев Георгиевич всю жизнь провел на севере, сейчас был на пенсии, жил в Москве, но каждый год приезжал летом в тундру, где все его знали.

В 20-х годах заготовка пушнины на севере была «отдана в концессию»: наравне с государством заготовкой занимались и частные сборщики. В конце промыслового сезона все сборщики собирались в определенном месте. Особых правил сбора не было, и успех каждого зависел от быстроты упряжки соседа. Лев Георгиевич представлял государство, имел далеко не лучшую упряжку, имел также черную малицу и черную шапку. За это, и, вероятно, не только, имел прозвище «Черный ворон».

Накануне периода сбора шкурок сборщики устраивали товарищеский ужин. Каждый раз Лев Георгиевич ставил на стол большую бутылку, произносил первый тост и на глазах у всех выпивал стакан спирта. После этого купцы успокоенно вздыхали и с нарастающей активностью товарищеский ужин, полагая иметь равенство в утреннем похмелье. Однако Лев Георгиевич более не пил, утром вставал раньше всех, надевал свою черную малицу и успевал объехать ближайшие стойбища и скупить пушнину,

пока купцы еще чухались на пункте сбора. Так продолжалось из года в год.

Вечером после работы мы с М. М. шли в магазин, купить какого-нибудь печенья, ну и еще, видимо, потому, что идти было больше некуда. По субботам в течение одного часа в магазине торговали спиртным. В это время здесь былолюдно, приходилось стоять в очереди. На прилавке появлялась скромная этикетка — «Спирт питьевой», которой на материке и не видывали. Стоявший перед нами оленевод из тех, что летом обретаются в поселке, а не в тундре, наклоняется над прилавком, выгребает из утробы малицы кучу смятых дензнаков различного достоинства и что-то коротко говорит продавщице. Та отсчитывает из кучи нужную сумму, остальную, большую часть, молча отодвигает обратно, деньги возвращаются в «кошелек», на прилавке появляется ящик спирта, который вместе с оленеводом исчезает, сладко побрякивая, в морозящем дождичком тумане. Мы покупаем галеты и идем ужинать и пить чай с медсестрой, женой директора промхоза и поварихой детсадика.

После недельной отсидки в конторе за нудным выписыванием бесконечной и, видимо, очень важной информации мы пошли опрашивать охотников-промысловиков. Моя функция сводилась в основном к сопровождению и проявлению скромных знаков почтения. М. М. опрашивала, записывала, мельком отдавала должное дежурному вниманию, а я разглядывал убранство чумов в бревенчатых стенах. Интересно, что некоторые промысловики не понимали по-русски, и в этом случае нам приходилось брать переводчиком главного охотоведа промхоза — высокого молодого черноволосого мужика.

Происходило все следующим образом. М. М. задавала какой-нибудь вопрос, не очень длинный. Охотовед переводил. Охотник отвечал буквально одной фразой. Перевод охотоведа длился несколько минут.

Наконец М. М. заявила, что завтра в тундру выезжает семья одно-

го охотника и мы поедем с ними. Наутро мы пришли к пирсу, причем если у меня в качестве места хранения пожитков был рюкзак, то у М. М. таковыми оказались два чемодана, побольше и поменьше. В моем понимании такая тара никак не вязалась с предстоящими нам многокилометровыми переходами по тундре и другими преодолениями, которые должны происходить в настоящей экспедиции. Как только мы пришли к пирсу и увидели нашу бударку, ко мне подошел глава семейства, состоявшего из жены, брата главы, 10-летнего сына главы, тещи и пяти лохматых лаек, и заявил, что если ему сейчас не нальют спирта, он просто не сможет никуда поехать. Запас спирта, как необходимый резерв в твердой валюте, хранился, естественно, у начальницы и простым членам отряда был недоступен. Я перевел выдвинутый ультиматум М. М., беседовавшей в сторонке с провожавшими нас ее новыми подругами. Начальница гневно заблестела карими глазами от беспардонности выдвинутого требования и категорически отказала. Я пошел к бударке и перевел. У главы обреченно обвисли плечи, и он сел, где стоял, на холодные камни, всем своим видом демонстрируя, что действительно никуда не поедет. Комедия продолжалась некоторое время, при этом остальные члены семьи продолжали что-то таскать и складывать в бударку.

Через какое-то время М. М. позвала меня и сказала, чтобы глава дал кружку. Тот мгновенно переменился, живейшим образом вско-

чил и выковырял из баула большую алюминиевую кружку. М. М., стараясь скрыть от глаз соглядатаев размеры спиротары, под прикрытием крышки чемодана извлекла емкость и плеснула на дно кружки столько, что даже мне показалось мало. Однако, к удивлению, объем удовлетворил братьев, они быстро оприходовали спирт и бодро продолжили сборы. Возникло подозрение, что глава просто провел разведку боем. Несмотря на бодрость, сборы продолжались еще часа два, а после того, как все погрузились в лодку, братья еще час заводили мотор.

Наконец бударка счастливо зачавкала, запыхтела, потом заговорила солидно, и мы потихоньку пошли вверх по течению речки Сеяхи. Женщины помахали нам с пирса. За кормой на веревке болталась небольшая лодочка. Надо сказать, что и в устье, и выше Сеяха вовсе не речка, а широкая река. Чтобы *дойти* до нужного М. М. места, бударке требовался день ходу на крейсерской скорости. Мы приготовились к длительному переходу. Разглядывание блеклой полоски берега и хмурого неба быстро наскучило и притупило бдительность. Часа через два дремотная монотонность событий все-таки нарушилась — сам по себе заглух мотор, и стали слышны надсадные крики чаек. Почему-то сразу стало понятно, что добром это не кончится. Причालив к берегу, капитан непродолжительно обследовал пароходное хозяйство и заявил, что кончился бензин. Мы впали в легкую панику.

Братья, нисколько не смутившись от такой оплошности, разговаривая по-своему, стали доставать толстые веревки и привязывать их к носу и борту лодки. Я понял: делают бечеву. Глава подошел и сказал, что у него в тундре стоит бочка бензина, надо только до нее дотянуть лодку. И все будет в порядке.

До позднего вечера мы тянули оказавшуюся тяжеленной бударку по ивняку и ернику по колено в воде. Женщины шли сзади. М. М., блестя глазами немного сверх меры, молча шла вместе с женщинами. Наконец мы действительно дошли до бочки. Рядом лежали нарты, валялись рога оленей, жерди, какие-то мешки. Стойбище, в общем. На холме стояли хальмеры — ненецкое надземное кладбище.

Все это находилось на берегу неширокой протоки, за которой виднелось большое озеро. А там дальше небольшие зеленые холмы перемежались полосами розового в низких лучах солнца нерастаявшего снега и другими озерами. Женщины начали быстро разгружать лодку и ставить чум. Мужчины отвязали маленькую лодку, погрузили в нее большой невод и сказали, что надо поймать рыбы на ужин. Мы поставили свою палатку. Палатка была красная. Братья долго плавали по озеру, выбирая место для заброса невода. Потом, наконец, позвали женщин и меня, выдали конец веревки. Отплыв метров на 100, начали выпускать невод. Потом мы этот невод тянули. С одной стороны — я, с другой — теща с женой. М. М., озаренная сзади формаль-

ным закатом, отстраненно наблюдала с вершины холма.

Разнообразна женская доля — здесь ненки тянут невод, где-то в России крестьянки жнут рожь, а М. М. наблюдает. Нефертити в холодном северном сиянии. Невод оказался во много раз тяжелее бударки. Пока мы тянули, братья плавали на лодочке по озеру. Первый заброс оказался абсолютно пустым. Второй — тоже. После второго братья долго ругались между собой. Третий заброс дал результат. Когда невод пошел по мелководью, вода внутри забурилась. Братья схватили весла, бросились в воду и стали лупить веслами по воде. Рыба бесновалась и выпрыгивала обратно на свободу. Попалось два больших рыбацких мешка сырка. Сырок был двух размеров — крупный, примерно с килограмм, и мелкий — грамм по 500—600.

Женщины набрали два эмалированных таза рыбы, в один — крупной, в другой — мелкой, уселись возле костра и начали разделывать с невероятной скоростью. Два движения ножом, и два куса филе летят обратно таз, а голова, хребет и кишки — через голову, собравшимся сзади с алчно блестящими глазами, рычащим и каждый раз грызущимся собакам. Мелкого сырка сварили. Сказать, что получилась уха, будет неправильно. В чан вывалили таз сырка и залили небольшим количеством воды. Так что получился таз вареного филе сырка и литра два горячего рыбьего жира. Таз крупного сырка поставили сырым на низенький столик в чуме. Нарезали хлеба, лука, расставили кружки, и глава семьи многозначи-

тельно взглянул на меня. Я перевел взгляд на М. М. и поразился, что на этот раз что-либо переводить не потребовалось. Стоявшая с румяными щеками и неотступно, с тем же алчным выражением, смотревшая на таз с сырой рыбой М. М. молча повернулась и пошла к палатке. Обрато она появилась уже не с кружкой, а с алюминиевой солдатской фляжкой. Спирт быстро развели, сели на олени шкуры, плеснули по кружкам, выпили, и все начали закусывать сырым сырком. Один я потянулся за вареной рыбой.

М. М. ела так же, как и ненцы, кусая большой кусок филе, отмахивала возле носа небольшую часть перочинным ножиком. М. М. при этом издавала не совсем приличные звуки и приговаривала, что она целый год не ела сырой рыбы. Ненцы ели молча и быстро. А я думал, что, слава богу, я такую рыбу вообще никогда не ел. Я старался не смотреть на жующих окружающих, опасаясь неподходящих моменту последствий. Вдруг М. М. с улыбкой спросила, а что же я не пробую сырую рыбу. А глава семьи тут же схватил своими заскорузлыми, черными пальцами кусок сырка и положил передо мной на такую же заскорузлую клеенку, что резко усилило тошнотворный порыв. Я некоторое время мычал и придумывал, на какую же болезнь мне сослаться, чтобы не есть ЭТО.

М. М. взяла себе еще рыбы, велела еще разлить и тихонько мне сказала в том смысле, что, видимо, я полный придурок, что не ем этой божественной пищи. Я слегка обиделся: как же, бывалые охотники еще и не то едали, а ты, женщина,

лучше бы помолчала. Решил, что раз так, то съем я эту сырую рыбу, если даже вырвет меня прямо на стол. Набрался духу, выпил спирту, сунул кусище в рот и начал с остервенением отпиливать, опасаясь еще и нос ко всему отрезать. Я продолжал пилить и ждал, когда же меня начнет тошнить, а божественный вкус потихоньку начал ощущаться во рту. Наконец я съел кусок и полезшими на лоб глазами посмотрел на М. М. в том смысле, что где ж ты, женщина, раньше-то была. Умная М. М. велела снова плеснуть спирту и улыбнулась так, как будто сказала: ну вот, мальчик, наконец-то и ты потерял целомудрие. Со мной.

События этого первого ужина в тундре на том не закончились. Опьяневшие ненцы болтали о чем-то по-своему, довольная М. М. откинулась на жерди чума и пила крепкий плиточный чай. Костер мигал гаснущими углями, а я продолжал есть сырого сырка. Глава периодически приласкивал жену. Вдруг братья как будто вспомнили о чем-то, схватили котелок с остывающей юшкой, разлили по кружкам и первую кружку подали мне, вторую М. М. Та замахала руками, мол де нет, нет, я уже пью чай. Тогда все внимание переключилось на меня, братья, улыбаясь, смотрели на меня и приговаривали: пей, пей. Я уже не ощутил прежнего яркого позыва, несмотря на бледно-зеленоватый цвет фактически чистого рыбьего жира, да еще и теплого. Вспомнив рассказы отца о том, как он ел бараний глаз на Памире и как важно соблюдать национальные традиции, я браво взял кружку. М. М. зашипела: «Не пей-ей-й-й!».

Но меня, совершившего уже один подвиг, было не остановить, и я выпил кружку юшки под неотрывными взглядами всего семейства. Коварная жидкость начала проситься назад, еще медленно стекая по пищеводу и обдавая жаром. Ненцы поприветствовали меня, попили немного из своих кружек и деловито заговорили о чем-то между собой. На какое-то время у меня внутри все успокоилось, но спустя минут пять, не больше, воз-

ник мощнейший позыв с другой совершенно стороны. Я как можно медленнее встал и как можно спокойнее стал продвигаться к выходу из чума, лихорадочно обдумывая, куда же бежать — тундра ведь, однако. Пришлось совершать стометровый забег в лучах закатного солнца к крутому берегу реки. При этом один из псов, еще в Сеяхе невзлюбивший меня, остромордый, лохматый, рыжий красавец, громко рыча и скалясь, всю дорогу до берега норовил вцепиться мне в ногу.

Когда я вернулся, ненцы вежливо посмеивались, а пацан, поганец, громко хохотал, раскачиваясь. М. М., обеспокоенно оглядывая меня, снова прошипела: «Говорила, не пей».

Наутро глава семьи стал проявлять ко мне повышенную благосклонность, как будто я успешно прошел обряд посвящения. Стал показывать и учить меня завязывать ненецкие узлы, показал нарты, сделанные без единого гвоздя, показал, как и что можно делать с помощью узкого и остроконечного ненецкого ножа, который называется «пягор». Практически все с его помощью можно делать, даже в зубах ковыряться.

После завтрака М. М. сказала главе: «Нам надо искать песцовые норы». Глава сказал: «Нет проблем, нор здесь полно». Мы начали собираться в поход. Глава снова по-

дошел ко мне и сказал: «Мы возьмем с собой ружья, постреляем по дороге куропаток». Я понимающе закивал — вполне мужское дело. Глава сходил к лодке и принес оттуда пару ижевских курковых одностволок 16 калибра и сумку с боеприпасами. Одностволки, как водится, были невероятно обшарпанными, расшатанными и перевязанными в разных местах проволокой. Глава проверил боезапас и решил, что патронов маловато. Он спросил, нет ли у меня журнала. Я сказал: «Журнала нет, но есть газеты». Он сказал: «Нет, газеты не годятся, надо журнал». Пошел в чум, принес оттуда половину «Огонька» и стал показывать, зачем ему журнал. Взял латунную гильзу, насыпал в ладошку дымного пороха, ссыпал его в гильзу. Потом оторвал немного от глянцевого листка, помял бумагу в руках и запыхнул порох. Газета при выстреле успевает загореться, а глянцевая бумага нет. Для этого и нужен журнал. Потом также в ладошку насыпал дроби, причем, что это была за дробь — разговор особый, и снова запыхнул мятой журнальной бумагой. Показанная процедура была для меня не просто кощунством, а чем-то совершенно немыслимым.

В нашем дворе, в котором все были охотниками и охотоведами, процесс снаряжения патронов был неким особым священнодействием. Патроны всегда были самодель-

ными, пользоваться патронами из магазина было просто неприлично. Навески пороха и дроби старались делать предельно точными. Патроны снаряжались под конкретное ружье, с учетом его веса и особенностей боя. Соответственно, по-разному снаряжались патроны для каждого сезона и вида охоты. А тут такое!

Мне вручили одностволку, десяток патронов, и мы «пошли искать норы». Все ненцы, включая собак, были слегка взбудоражены, предвкушая веселое занятие. Собаки бодро махали хвостами и шли одной цепью на линии главы. Шли в основном по ернику. Ненцы шли быстро, какой-то слегка подпрыгивающей походкой, кривизна конечностей тут явно помогала. Я довольно быстро отстал, а М. М. ползла где-то совсем вдалеке.

Вскоре собаки начали поднимать куропаточки выводки, взлетавшие с громким треском и возмущенными криками. Куропатки падали под выстрелами главы, несмотря на полное пренебрежение к науке снаряжения патронов. Но на этом дело не заканчивалось. Казалось, именно после выстрела начиналась самая веселая часть процесса. Собаки бросались к месту падения птицы, у них была фора в доли секунды, уходившие на рассеивание клубов дыма. Ненцы с громкими криками бежали туда же. У схватившей птицу собаки задача

невероятно усложнялась, поскольку остальная свора тут же переходила на сторону людей и превращалась в стремительных преследователей. Счастливицу надо было успеть удрать и при этом на ходу сожрать птицу. Преследование продолжалось до того момента, пока было видно, что птица находится в собачьей пасти и пес судорожными рывками пытается ее раскусить и проглотить. Как только вся в перьях морда пса расплывалась в счастливой улыбке — «успел!» — агрессия преследователей мгновенно пропадала, и все обращали вопросительные взоры на вожака с ружьем. Тот махал рукой, и шли дальше.

Мы сделали приличный круг по тундре и вернулись к чуму с другой стороны. Нам-таки удалось добыть нескольких куропаток, ну и заодно покормить собак. Ни одной норы мы, естественно, не видели.

Дни проходили в морозящем дождиком тумане, то похолоднее, то потеплее. Позднее мы таки нашли десятка два жилых и нежилых песцовых нор, перемещаясь все дальше по реке на бударке. Найдя нору, вернее подойдя к норе, к которой безошибочно подводил глава, сразу от бударки взяв правильный азимут, М. М., явно возбуждаясь и краснея, начинала быстро ходить от отнорка к отнорку, смотрела внутрь, на горизонт и на солнце. Последнее проявлялось только незначительным посветлением в клочьях облаков, до которых, казалось, рукой можно было достать. Хватала блокнот и долго-долго что-то там строчила, как я заметил, красивым, круглым почерком. Жилые норы попадались часто, возле входов чахлая растительность была полностью вытоптана, вокруг валялись перья, кости и прочий хлам. Мы ложились у входов и начинали тихонько скрести пальцем по земле. Песцовая мама обычно бегала снаружи, неожиданно возникала из складок рельефа и мерзко влаивала, заставляя вздрагивать. Собаки удивленно ворчали, но не пытались ее поймать. Через какое-то время песчата выползали ближе к выходам, в черных бусинах их глаз боролись жуткий страх и любопытство.

Пока М. М. описывала нору, глава успевал достать трубку, набить ее махоркой и выкурить, оскверняя окрестность отвратительно-соблазнительным духом. В промежутках между затычками, сладко улыбаясь, он травил байки про пягор и про узлы, и про то, как он служил в советской армии, а начальник наградил его за меткую стрельбу. Стрелял он действительно необычайно метко, в чем я не раз мог убедиться.

Однажды мы долго шли на бударке, в дремотной монотонности М. М. падала мне на плечо и тут же отстранялась, не открывая глаз, братья откровенно спали, вздергиваясь периодически, чтобы выправить курс. Я каждый раз ждал последнего наклона и амортизировал плечом, чтоб начальница не ударила.

Вдруг что-то переменялось, братья начали переругиваться с повышением тональности. Бударка резко повернула к берегу, мы причалили, глава выхватил мелкашку и стал целиться в сторону противоположного берега, продолжая ругаться. Я посмотрел на берег и ровным счетом ничего там не увидел. Река была шириной не меньше двухсот метров. Братья по очереди целились, но не стреляли и яростно спорили. Я спросил, в чем дело. Глава сказал: «Смотри, видишь, там две кочки, а между ними бегают... (прозвучало ненецкое название)». Я долго шурился, увидел наконец две кочки и какое-то слабое движение между ними, как будто небольшая птичка, вроде куличка. Глава совал мне в руки винтовку и, тыкая в брата с яростью и обидой, что-то объяснял, мол, этот щенок говорит, что он, глава, не попадет в эту птичку с трех раз ни за что. Я прицелился, мушка плясала свое, птичка оживленно ходила и тыкала носиком совершенно по-своему, и что характерно, абсолютно не впопад с мушкой. Казалось, что попасть пулькой из винтовки в нее на таком расстоянии абсолютно невозможно.

В общем, глава начал стрелять. Оглянувшись, я увидел, что М. М. с любопытством наблюдает за нами

из лодки. С третьего раза он-таки попал в кулика, брат утерся, а сияние главы нам освещало дальнейший путь.

Монотонный, почти непрекращающийся дождь породил особенную проблему. Проблему сушки одежды, особенно одной ее части, гениального изобретения русской мысли, которое называется портянки. Если верхняя одежда была под прикрытием колом стоящего брезентового плаща и периодически проветривалась и обсушивалась у костра и очага в чуме, то портянкам, пропитывавшимся влагой изнутри в резиновых сапогах, удовольствия просушиться доставалось очень редко. Дело усугублялось тем, что мы с М. М. спали в маленькой одноместной палатке, она ложилась раньше, я приходил позже, а вставал раньше. Каждый раз, залезая в палатку, я ощущал тонкий и нежный аромат женщины и... начинал снимать сапоги. Надо отдать должное М. М., которая только один раз сказала в первый или второй вечер: «А сапоги можно было бы снять и снаружи». А где их там снять, когда тента нет, сверху промозглая морось, снизу откровенная холодная сырость, а завтра их опять наматывать.

Так проходили дни. Когда рыба кончалась, мы снова бросали невод. Накануне отъезда мы наловили много рыбы, глава ее сам засолил, и часть ее потом мы привезли домой. Ужины за тлеющим костром и совместный отдельный сон в палатке породили неосознанную жгучую близость, которая тогда заслонялась новизной других впечатлений. Уходящие вдаль, подернутые туманом блестящие полосы земли, воды и снега остались позади. Мы вернулись в Сеяху.

Приехав в Сеяху, мы первым делом пошли в будку возле вертолетной площадки, и молодая голубоглазая блондинка нежным певучим голосом сказала нам, что в ближайшие дни ничего не ожидается. Болтавшийся невдалеке в импровизированном зале ожидания в виде голого навеса краснодеревщик из Красноурьянска сообщил достоверно, что, возможно, завтра

будет «шестерка» с буровой. Осталось ждать завтра, М. М. пошла в детсадик, а я с новым знакомым — слушать его историю жизни.

Рассказ начался с того, что на стол плюхнулись огромный, сочащийся жиром, подвяленный муксун, буханка белого, ароматного, местной пекарни, мягкого хлеба и бутылка уже известного нам напитка. Рассказ закончился под утро на берегу великой реки Сеяхи. Краснодеревщик поискал счастья в дальних краях и решил вернуться домой к любимой суженой. Сидя на холодных валунах, мы глядели на уплывающий мерцающий горизонт. Сладкие воспоминания о бесцельно прожитых годах прервались гневным взглядом М. М., неожиданно появившейся на валунах в окружении товарок. Они, оказывается, тоже устроили прощальный банкет и ждали нас!

Не успели мы лечь, как в доме краснодеревщика раздался звонок, он снял трубку, и мне было слышно, как женский голос быстро-быстро что-то протрещал краснодеревщику. Через полчаса вертак, возможно, завернет в Сеяху!

Кроме моего собственного, у меня прибавился еще рюкзак с рыбой и двумя парами оленьих рогов, на гору которых мы с М. М. набрали в одной из прогулок в окрест-

ностях поселка. Надев его спереди, я вместе с краснодеревщиком побегал в детсадик. М. М. уже ждала нас со своими чемоданами и толстой папкой бумаг. Вертолетная площадка располагалась на крутом холме, поскольку везде в низинах было болото. В общем, на гору эту я взлетал с двумя чемоданами и двумя рюкзаками. А взлетал потому, что уже был слышен гул вертолета. Огромная «шестерка» накрыла нас воем винтов и ушла в даль туманную ничего не объяснив. Мы молча спустились с горы. Взбегать пришлось еще пару раз, пока, наконец, долгожданная «шестерка» не села к нам.

Из машины вышла очередная красавица — в юбке и кожаных сапогах. Прошла, не глядя, в будку, мы подобострастно засеменили вслед. Как только она вышла, мы стали, приседая, говорить «ку-у» в том смысле, что, мол, де, возьмите нас, пожалуйста. Дама, на ней была еще и шляпа, с осознанием власти над людскими судьбами молча и гордо шла к трапу, а мы, заплетаясь, шли сзади и слева. У трапа она остановилась, картинно повернулась и произнесла: «Вертолет сейчас возьмет подвеску в 13 тонн, а при пилотировании с подвеской категорически запрещается брать на борт пассажиров», то есть нас.

Опасно, мол, де. Мы с краснодеревщиком согнулись еще больше, демонстрируя, что мы вообще-то ничего и не весим по сравнению с 13-ю тоннами. М. М. при этом стояла недалеко, не менее дамы гордо блестела глазами, хотя и была без шляпы. Дама повернулась к трапу, а мы разом ощутили всю безнадежность притязаний. Пилот начал раскручивать винт, радист убрал последнюю надежду — трап, а мы пошли под навес, поскольку проклятый дождик продолжал моросить. Гигантская машина начала набирать обороты и вдруг резко осадил. Люк открылся, дама начала нам что-то кричать. В общем, машина возьмет сейчас подвеску, потом ее сбросит где-то, потом она должна забрать из расположенного неподалеку холодильника тонну оленины. Так вот, если эту тонну мы согласны перетаскать, то нас возьмут. Ну, мы, конечно, были согласны. На севере, где случая приходится ждать долго, начинаешь осознавать, что к случаю полагается обращаться только словом «господин».

Вертолет подошел к пирсу, раскидав винтами какой-то хлам, выпустил трос, снизу подцепили подвеску — кубическую емкость. Машина довольно натужно стала медленно подниматься, выравни-

вая емкость под порывами ветра. Поднявшись метров на двадцать, пошла гораздо быстрее. В итоге, через какое-то время мы бегали с тушами оленя на загривке от холодильника к вертолету. Надо сказать, что есть такое «холодильник» в северном понимании. Холодильник — это гигантская пещера в вечной мерзлоте, вырубленная в холме. До камеры, где хранятся туши на стеллажах в несколько слоев, ведет тоннель длиной 100–150 метров, да еще до вертолета, присевшего в мутную няшу перед тоннелем, метров 50. Вот и бегай. Туши мы сгрузили в заднюю часть вертолета, и дама в шляпе нам сказала: «Ребята, следующая посадка будет на буровой, народу будет много, так вы, пожалуйста, полезайте на туши и там сидите до окончания полета». М. М. — молодец, как сидела на лавке в носовой части салона, так и осталась там, не замечая слов дамы, а мы с краснодеревщиком полезли на эти замороженные туши и зависли на них в неопределенном положении.

Перед тем, как долететь до Мыса Каменного, мы садились не на одну, а на две буровые. На первой нас встречала большая толпа народу, которая вся всосалась в утробу вертолета, что сверху казалось невыносимым. На второй буровой толпа была еще больше и колыхалась так, что ясно было, народ готов свалить, даже зацепившись за хвост или шасси. Народу здесь набилось больше, чем в трамвае в часы пик. Пилот не смог сразу поднять засевшую в болоте машину и с абсолютно спокойным видом попросил всех выйти, чтобы выдернуть шасси из грязи. Пришлось всем выходить, шасси медленно вылезли из грязи, и вся толпа снова всосалась внутрь. Так мы и летели, и наш плацкарт на мерзлых тушах превратился в исключительную привилегию для избранных.

На Мысе Каменном все знакомые встретили нас, как старых друзей. Ничего не изменилось, только льды отошли от берега в глубь губы. У горничной в гостинице появилась новая пластинка Хампердинка, и она крутила ее с утра до вечера.

Транспорт до Салехарда мы ждали 10 дней. М. М. ввела строгий распорядок: через полчаса после завтрака двухчасовая прогулка и такая же прогулка после обеда. В остальное время — просьба не беспокоить. Чего я, в общем-то, и не собирался делать, но акцент по-женски коварно был сделан. Прогулки происходили в любую погоду, которая, правда, разнообразием не баловала. Прогулка могла закончиться несколько раньше, если ветер или дождь были слишком сильными. Гуляя по бесконечным пляжам, мы разговаривали про жизнь. Музыка М. М. любила классическую, к битлам была прохладна. А битлы тогда только появились в России и были

божеством для всего прогрессивного (естественно, исключительно молодого) человечества. Она обожала импрессионистов и поэтов Серебряного века. Читала наизусть Цветаеву и Ахматову. Советская власть и современная наука вызывала в нас сходное неодобрение. Сходность, собственно, была и во взглядах на французских художников и русских поэтов и поэтесс.

В промежутках М. М. собирала красивые камушки. На пляже периодически появлялись облезлые песцы и с недовольным видом проверяли, нельзя ли чего-нибудь сожрать из того, что выбросило море. О моих представлениях о жизни М. М. расспрашивала с искренним интересом, но молчаливая, вежливо улыбающаяся и удивленная

реакция была такой, как будто я был представителем иной цивилизации.

Краснодеревщик завис где-то в поселке и пока передумал лететь дальше. Радист, к которому мы заходили каждое утро, рассказывал о том, как повезло ему в жизни. Зарплата хорошая, плюс северная надбавка, плюс полевые, плюс бесплатная еда, подсчитывал, сколько же он накопит к пенсии, которая случится раньше, чем у других, и что он накопит, когда вернется в Москву. А в Москве у него есть квартира, которую он сейчас сдает. Вот устроился.

Затянувшееся ожидание сделало свое дело. Бледная полоса песка,

сизая полоса воды, туманная даль и Хампердинк навевали сладость и грусть. В общем — «край далекий». К концу срока ожидания солнце начало периодически появляться на горизонте, шутя красками в облаках. За ужинами мужское население стало проявлять явный интерес к М. М., она отвечала вежливым, легким кокетством. Мне казалось, что меня это не касается.

Наконец случилось. После завтрака радист позвонил в гостиницу и сказал, что почтовый Ан-2 вылетел из Салехарда. Провожали нас яркое солнце, чистое небо, крики чаек и снова Хампердинк, который через рупоры радиорубки пел на всю окрестность.

Полет в Салехард запомнился тем, что вместо положенных двух

длился четыре часа. Бедная «Аннушка» шла навстречу сильному южному ветру, ее кидало то вниз, то вверх, и когда кидало вниз, стремительно приближающаяся земля поднимала вверх остатки завтрака. Через два часа тошнило всех, и мне было стыдно, что я быстрее других успел переварить завтрак.

В Салехарде билетов на ближайшие рейсы уже не было, и мы решили ехать железной дорогой до Воркуты. Мы пересекли громадную Обь, М. М. сходила к подружке на Зеленую Горку, на которой располагался стационар некоего института, и попила с ней чаю. После чего мы сели в поезд и поехали по непараллельно извивающимся рельсам в Воркуту. Разноцветные горы и Собь отчасти скрашивали твердость голых лавок плацкарта.

Воркута встретила девственной пустотой одноэтажного вокзала. Пустота отчетливо проявлялась в лучах просвечивающего насквозь утреннего солнца. Но, войдя внутрь, мы поняли, насколько обманчивым может быть первое впечатление, особенно, когда оно касается девственности. Все лавки вокзала и каменные промежутки между ними были заняты спящими бомжами, так что притулиться было абсолютно некуда. Ну а поскольку снаружи бодрые с утра комары весело кидались позавтракать, пришлось полусидя-полустоя обретаться внутри.

Мы уже начали прикемаривать, усевшись на свои пожитки и прислонившись к холодным стенам, как вдруг произошло необычайное. Ровно в шесть ноль-ноль в две-

рях появился милиционер и начал будить бомжей. Делал он это абсолютно нетипично, проходил между рядами и приговаривал негромко: «Подъем, встаем», постукивая палочкой по бомжам. Мне в полудреме показалось, что даже с какой-то лаской в голосе. Бомжи просыпались и садились на лавках, тем самым освобождая плацкарт.

Следующим пунктом назначения мы выбрали Сыктывкар. Добиваться билетов в аэропорту пришлось в огромной толпе жаждущих. Билетов, естественно, не было, причем не было вообще. Но некоторым кассирша негромко говорила, что, может быть, что-то будет после снятия брони. Я упорно сопротивлялся оттеснению от заветного окошка, М. М. обреченно поблескивала мне невдалеке, сторожа рога, рыбу и остальное. Нам повезло, билеты нам достались, и мы бегом побежали к самолету. Вломившись внутрь, мы уселись на два последних свободных железных сиденья Ли-2 и облегченно выдохнули.

Однако счастье было недолгим. Воздушный крейсер времен войны, грозно взревев моторами, пошел выруливать на взлетную полосу, а М. М. вдруг решила взмахнуть сразу и руками и ресницами и вспомнить, что единственную тару, которую она при себе носила, — папку с нашими документами, деньгами и бесценными записями — она забыла в аэропорту! И так круглые глаза М. М. еще более округлились, она кинулась к пилотам, машину тут же остановили. Пилоты оказались нормальными мужиками, и мы

ждали М. М. минут двадцать. Последние пять минут я упирал на то, что все деньги остались в папке и у меня нет даже пяти копеек на автобус. Но дальше ждать уже было действительно невозможно, и я улетел один.

В итоге, все-таки вместе спустя двое суток мы благополучно достигли своего двора и вывалились ранним утром из такси в родную пыль.

Прошли годы. Летом мы регулярно появлялись в родном городе и встречались с М. М. Накануне Нового года у меня умер тесть. Мы всей семьей приехали встречать Новый год, а приехали на похороны. Поминки помогали справлять все женщины двора. Была и М. М., глядя на которую казалось, что время остановилось. Прошли похороны и поминки. Провожавшие тестя в последний путь разошлись, остались только близкие, с которыми жена и остальные родственники начали прощаться. Я тоже примкнул к процессу обрядового целования и машинально прижимался к очередной щеке.

Раскрыв очередные объятия перед М. М., я споткнулся об ее необычайный взгляд. И получил такой откровенный поцелуй в губы, который обжег все нутро и не мог оставить никаких сомнений в смысле произошедшего.

И снова возник пейзаж тундры, образ холодной вечности и теплоты чувств. Хампердинк, порывы ветра и сказка бесед и взглядов, сохранившиеся в памяти, как мамонт в мерзлоте.

Три экскурсии на Аркаим

Часть первая

Страна городов

Укреплённые поселения синташкинско-аркаимской культуры относят к рубежу III–II — первой трети II тыс. до н.э., а территорию их распространения условно называют Страной городов.

Алёна АЧИМОВА

Поселение Аркаим расположено на левом берегу реки Большая Караганка — левого притока реки Урал, на месте слияния её с рекой Утяганка. Открыто поселение в 1987 г. и названо по наименованию горы Аркаим, расположенной в 3,9 км южнее поселения.

Гора Лысая, у подножия которой и находится поселение, в далёком прошлом — подводный вулкан, поднявшийся со дна океана 300–350 млн лет назад в результате движения земной коры. Видимые каменные уступы — это породы тектонического происхождения, покрытые более поздними наслоениями. Современные туристы называют эту гору Шаманка. В долине по тектоническому разлому протекает река Большая Караганка. Местами она очень глубокая, а в период паводка её воды разливаются по всей долине.

На Шаманке нашли остатки древнего святилища — костровые места, кальцинированные кусоч-

Гора Шаманка

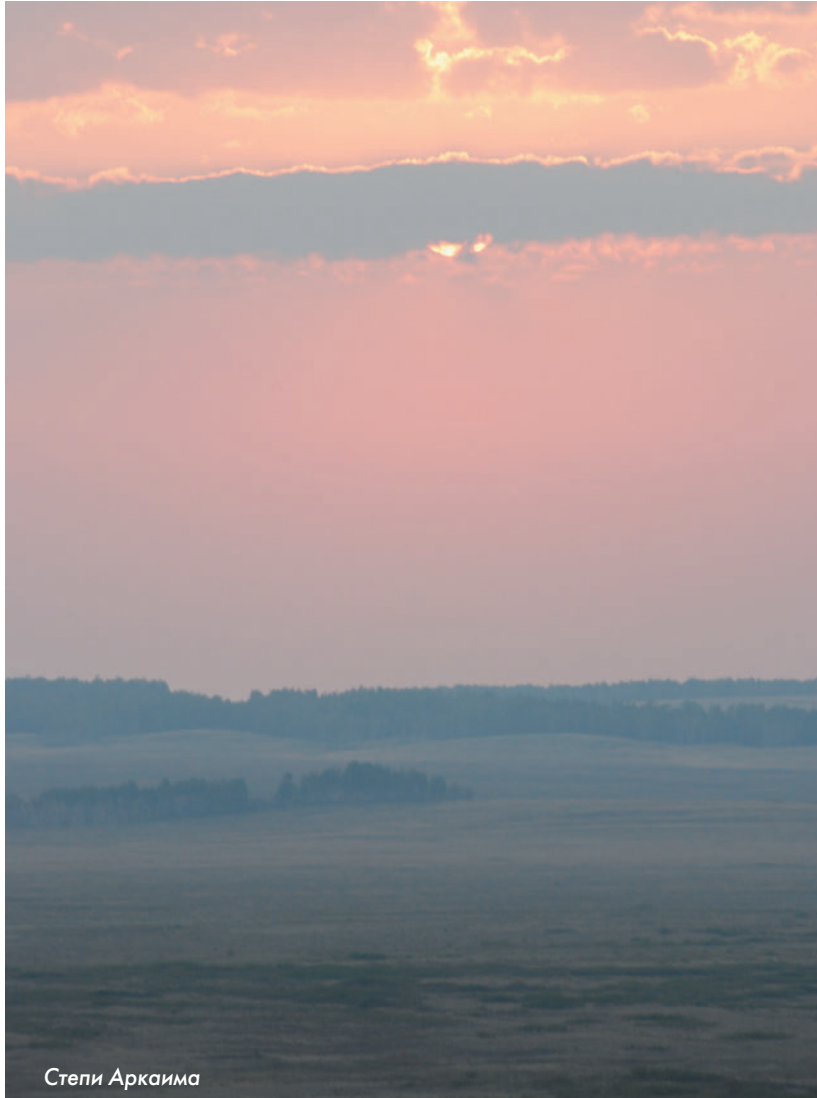

ки животных, предметы культа. Возможно, здесь проводились ритуалы. Гора ориентирована относительно поселения на запад, а жители Аркаима были металлургами и, значит, поклонялись огню и солнцу. Обычно все ритуалы и жертвоприношения в те времена совершались на закате и тоже были ориентированы на запад.

Остальные горки, которых достаточно в округе, притянуты к истории уже современными туристами. Они же и придумали им имена. Так появились горы любви, разума, денег, покаяния, здоровья и т.д. Они никакой роли в жизни древнего Аркаима не играли.

На территории Аркаима насчитывается 66–67 жилищ, около 40 во внешнем круге, и 26 – во внутреннем. Как считают ученые, в одном таком жилище могло проживать до 30 человек. А в больших семейных общинах – несколько поколений людей, связанных между собой кровно родственными отношениями.

Ученые выяснили, что поселение было построено не сразу, а с перерывом не менее чем в 10 лет. Вначале был построен один круг жилищ – внутренний. Его обнесли оборонительной стеной и вырыли ров. Если считать, что во внутреннем круге было 26 жилищ, то, умножая на 30, получаем, что в районе изначально проживало 700 человек. Но на этом они не остановились, естественный рост населения привел к необходимости расширения города. Жители достроили второй круг жилищ, обнесли его оборони-

Степи Аркаима

тельной стеной и вырыли ещё один ров. В конечном итоге, поселение приобрело известный нам внешний вид двух кругов жилищ. Внутренний ров между рядами жилищ перекрыт деревянными настилами – получилась улица. Есть версия, что ров послужил также и для создания системы ливневой канализации.

Количество жилищ увеличилось до 60. Опять умножаем на 30, получается 1800, ученые округляют –

2 тыс. человек могло проживать одновременно в таком городе.

Жители Аркаима были и металлурги, и земледельцы, и скотоводы – у них была достаточно разнообразная хозяйственная деятельность. Основу их рациона составляла, прежде всего, мясомолочная пища, они держали животных. Это подтверждается исследованиями учёных. У поселения, на расстоянии 40 метров севернее

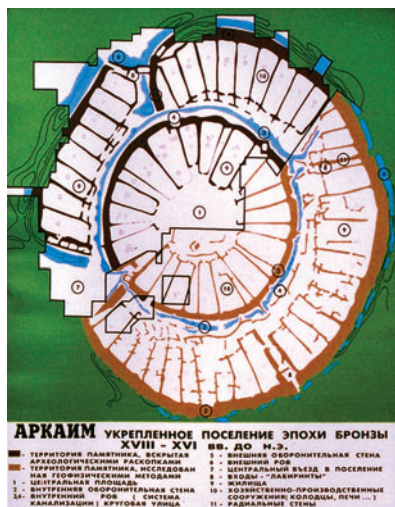

Схема поселения и аэросъемка

Аркаи́ма, на левом берегу Большой Караганки был найден аркаимский огород с оросительной системой. Искусственный канал был проведён от реки, потом делился на сеть более мелких каналов — систему так называемого вторичного орошения, которая и по сей день используется в Средней Азии. На грядках этого огорода ученые обнаружили пыльцу таких растений, как ячмень, просо и лук. Кроме того, был найден развал третьей своеобразной оборонительной стенки, не такой масштабной и большой, как две первые. Скорее всего, эти ограждения предназначались для содержания скота. Жители могли зимой держать животных поближе к себе, в этом загоне, а на лето отгонять их на выпас. Рядом с поселением обнаружены своеобразные летние жилища, возможно — пастухов. На территории поселения археологи нашли кости животных, таких, как волы, быки, овцы. Разводили даже свиней, но, скорее всего, их использовали для жертвоприношений. Найдены здесь и кости собак.

Но прежде всего Аркаим — город металлургов. В каждом жили-

Часть оборонительной стены

ще стояла специальная печь для выплавки бронзы. Из неё изготавливались наконечники для стрел и копий, ножи, лезвия и украшения: кольца, серьги, бусинки, браслеты.

Подобные Аркаиму города — 21 поселение, найдены не в Аркаимских окрестностях. Этот район ученые назвали Страной городов. Исследованиями ученых доказано, что большая часть этих поселений

функционировала одновременно. Они находились на относительно небольшом расстоянии друг от друга — около 60–70 км. Лошадь преодолевала это расстояние за один световой день, что позволяло жителям этих городов общаться друг с другом, налаживать торговые взаимоотношения, меняться продуктами питания, металлическими изделиями, устанавливать родственные связи, чтобы избежать

Остатки жилых помещений

Макет поселения Аркаим

кровосмешения в пределах одного такого поселения.

Страна городов находилась на территории нынешней Челябинской и частично Оренбургской областей. Это поселения одной культуры. Внешне поселения могло выглядеть по-разному: Аркаим — круглый, какие-то поселения квадратные, прямоугольные, ромбовидные... Но все они схожи между собой по сути, т.е по систе-

ме оборонительных сооружений, практически все расположены в излучинах рек. Их роднит сельскохозяйственная деятельность, придомное скотоводство, металлургия, аналогичный орнамент на керамике. Все говорит о том, что это была единая культура, так называемая синташтинско-аркаимская, названная по двум поселениям, которые найдены первыми — Синташта и Аркаим.

Истуканы Страны городов

Там, где обнаружена Синташта, успели изучить только половину поселения. Сейчас на этом месте находится водохранилище.

Все города пребывали примерно в одном статусе. Какой-то столицы здесь выделить нельзя. Время существования городов относится к периоду формирования сословно-классовых отношений, четкая структура классов тогда еще не выделялась. Только намечались привилегированные сословия — жрецы, воины, металлурги...

Спорным остается вопрос о длительности существования поселений. Ученые так и не сошлись во мнении — сколько же лет люди здесь проживали. Кто-то отводит Аркаиму всего 30 лет существования, кто-то — 50–70, другие называют цифру более значительную — 100–120 лет, и даже до 200. По историческим масштабам это весьма небольшой срок. Тогда возникает вопрос: почему люди покинули эти места, хотя, казалось бы, все здесь было для жизни: хорошая земля, вода, лесные массивы... В качестве причины ухода людей называют экологические неприятности — возможно, засуха, неурожай, эпидемия. К тому же проживание такого большого количества людей на относительно небольшой территории приводит к истощению природных ресурсов, к загрязнению окружающей среды. Вполне возможно, что в какой-то момент все эти факторы объединились и побудили людей поменять место для проживания, а не справляться с этими проблемами здесь.

Жители Аркаима являются представителями индоевропейской общности, прародина индоевропейцев — это малая Азия. Потом они двинулись на север, на территорию Причерноморья, а затем в поисках новых незаселенных территорий и, что важно, новых металлургических баз отправились восточнее, затронув и наш регион Южного Урала. Появление здесь человека было обусловлено естественным ходом исторического процесса. Люди остановились здесь не случайно, потому что нашли все, что

необходимо для жизни и успешной хозяйственной деятельности.

Сейчас здесь работают геологи, орнитологи, ботаники, изучают природный мир, его динамику. Так как территория Аркаима является заповедником, то, согласно российскому законодательству, здесь запрещены любые виды земляных работ, в том числе и археологические раскопки. Поэтому они отложены до лучших времен. Буквально пару лет назад закончили копать поселение каменного века, которое находится между Б.Караганкой и

Шаманкой. Это поселение тоже было многослойным и, возможно, как считают ученые, во времена Аркаима было одним из его сельскохозяйственных спутников.

Поселения более поздних культур, у которых встречаются аналогичные рисунки на керамике, похожие системы постройки городищ и т.д., находят на территории от Волги и до северо-западного Китая. То есть жители этой Страны городов в дальнейшем мигрировали в самых разных направлениях. Преимущественно на юг и юго-запад, те

на территорию Передней Азии, а затем и дальше. Ученые считают, что жители поселения Аркаим являются одними из прародителей современного населения Индии и Ирана. Их называют праиндоевропейцами. В «Ригведе» и «Авесте», где описывается образ жизни людей, содержатся некоторые моменты, очень похожие на тот образ жизни, что вели люди Аркаима.

Вообще вся страна городов просуществовала около 3 столетий. Где-то поселения появлялись раньше, где-то позже, но примерно в

Карта Страны городов

Схемы поселений Страны городов

одном промежутке времени. При чем на места некоторых городищ люди приходили неоднократно: построили жилища, по какой-либо причине ушли, а через определенный промежуток времени — это могли быть уже их потомки — на это место снова приходили. На месте некоторых поселений археологи находили до 7 культурных слоев. Многие найденные предметы можно увидеть в музее и сегодня.

(Продолжение следует)

Наталья РЫБАЛКИНА (Москва)

Смотрящие в небо

Миакра лежал на плоской, обмазанной глиной крыше над своим жилищем. Она еще хранила тепло уходящего дня, хотя солнце уже давно зашло и небо заполнили звезды. Звезды были его работой, но сегодня он никого не учил сверяться с визирами, ждать и снова сверяться, называть звезды по имени и находить их на небе из ночи в ночь. Он вспоминал множество имён созвездий и историй, сочиненных о них для новых учеников: о Ковше и Пролитом Молоке, Плуге и Жаворонке, Рябиновом кусте, Орле Летящем и Орле Падающем... и думал о Времени. Он научил своих учеников измерять его, жить по космическим часам и всему назначать свой срок. Завтра солнце в сотый раз с тех пор, как здесь был основан город, взойдет между Рогов Вола, и город Избранных будет сожжен...

***

Может быть, три, а может быть, пять тысяч лет назад, когда множе-

ство обитавших на земле Урала человеческих племен уже было готово воспринять искусство жить счастливо и в достатке, появились на ней Посвящённые. Их миссия заключалась в том, чтобы, явившись в каком-либо обширном краю, положить начало традиции совместного проживания людей в гармонии с природой. Одна из школ этой традиции просуществовала около 100 лет в долине рек Караганка (Темная Вода) и Утяганка (Светлая Вода). Как чаша, окруженная со всех сторон холмами, ныне эта долина и оставленное много веков назад на ней городище зовется Аркаим, что переводят иногда как «Город детей Неба».

Будь то городище строением рук поселенцев-кочевников, многое показалось бы излишним в его устройстве. Оно было округлой, как Солнце и Луна, формы и заключало в себе два, как солнце и луна, круга, разделённых на прилегаю-

щие одно к другому, как дольки апельсина, жилища-мастерские. В каждом из жилищ-мастерских было место Воде и Огню — печам и колодцам, и каждое было самодостаточно. В жилищах можно было приготовить пищу и держать в холоде продукты, искупаться и согреться, в мастерских — обжигать горшки для хранения припасов и приготовления еды и плавить ме-

талл для земледельческих и охотничьих орудий.

Это было не простое поселение, а поселение-Школа. Семья посвящённых — первопоселенцев стала образцом для избранных из окружающих племён, которых она обучала жить по своему образу и подобию. Вместе они построили первый круг жилищ, где Избранные жили и обучались различным искусствам у Посвящённых. В каждой новой семье был кто-то выбран для посвящения в одно из необходимых искусств — гончарное и кузнечное, строительное и оборонительное, земледелие и огородничество, скотоводство и знахарство.

В мастерских шло обучение различным ремёслам, в жилищах — тому, что такое семья. А на площадке в самом центре города — как жить общиной. Там собирались представители какого-то мастерства, чтобы обсудить свои дела, там же — вокруг огня, возжигаемого от солнца, сходились главы семейств решать общинные вопросы. В особые дни сюда приходили все поселенцы — вершить ритуалы, связывающие с высшими силами.

Вся окружающая долина жила с жителями древнего города одной жизнью, и прилегающие к ней леса и поля, окаймляющие её холмы, служили им повседневно и в дни особенные. На Лунной Горе,

под покровом магической рощи, питающей корни от древних вулканов, совершались таинства посвящения в супружескую жизнь. На Лысой Горе ветров — таинства огненного погребения и проводов в мир духов.

Шли годы, в семьях избранных выросло новое поколение, и теперь надо было их научить всему, чему выучились их родители. Настала пора Избранным стать учителями и под водительством Посвящённых учиться учить. Так был построен и обжит второй круг жилищ городища — учеников учеников.

За сто лет Избранные обучились множеству полезных практик. Они были посвящены в великие тайны любви и смерти, освоили умение жить в чистоте, сохранять силу молодости и защищать свои дома и семьи. Они знали, что добро и зло идут рядом, и если появятся племена, создающие благополучие и достаток своим трудом, найдутся и те, кто захочет отобрать их силой.

Передали Посвящённые Избранным и астрономическую науку. Само место городища было выбрано и обустроено так, чтобы можно было легко наблюдать восходы и закаты Солнца и Луны. И считать, когда приходит пора — начинать новый круг жизни.

Однажды наступил момент, когда совершился полный круг посвя-

щения. Избранные научили своих детей учить. Все жители собрались в последний раз к сердцу города, кто в тесном кругу на земле, кто на крышах прилегающих жилищ. Им было уже тесно здесь...

Город-школа был сожжен в знак того, что люди были готовы покинуть место, где научились жить семьями и общиной, счастливо и в достатке, и могли теперь оправиться дальше, чтобы учить других.

***

Миакра стоял на вершине Лунной Горы и последний раз смотрел на то место, где вчера ещё был город, а сегодня осталась только выжженная земля. Пройдет время, оно зарастет травой, и даже с высоты этой горы никто не опознает его. Разве что истинный Посвящённый и потомки Избранных.

Спустя много лет кто-то из них будет стоять здесь и смотреть, не зная, что же так волнует его и притягивает взгляд к центру долины. Как когда-то звезды притягивали взгляд тех, кто оставался сидеть у кострища после того, как угасали его последние угольки и все их сородичи уже разошлись. А они все сидели и так же заворожено, как на игры огня, смотрели на звёзды, горящие в небе. Их-то Миакра и выбирал себе в ученики, как когда-то был избран и он.

